

Андрей Демидов

ЗОЛОТАЯ ЛОЦИЯ

Андрей Демидов

Золотая лоция

«Грифон»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Демидов А. Г.

Золотая лоция / А. Г. Демидов — «Грифон», 2013

Вторая часть саги в жанре исторического фэнтези посвящена событиям, связанным с поиском загадочной Лоции. Действие развёртывается в эпоху Великого переселения народов (весна – осень 633 года от Р. Х.) на пространствах от территории будущей Москвы до границ современных Франции и Китая. Читатель сможет наблюдать взаимодействие славянских, финно-угорских и других племён, их обычаи, психологию, жизненный уклад в момент начальной стадии этногенеза русского народа. Но Лоцию настойчиво ищут её подлинные хозяева – как часть важного (и жизненно им необходимого) навигационного прибора, хотя для славян, варягов и франков это прежде всего золото, а для мыслителя Рагдая – средство познания мира. В романе персонажи исторические действуют наряду с вымышленными. Для ценителей хорошей литературы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Демидов А. Г., 2013
© Грифон, 2013

Содержание

Глава 1. Фиорд Эйсельвен	6
Глава 2. Стовов	14
Глава 3. Три подковы	20
Глава 4. Стовград	28
Глава 5. Ветер Янтарного моря	34
Глава 6. Поход	41
Глава 7. Муспельхейм – пылающий мир	47
Глава 8. Странник	58
Глава 9. Против потока	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Демидов

Золотая лоция

Роман

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой её части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Демидов А. Г., 2013

* * *

В ряду многочисленных книг, авторы которых вдохновляются историей наших далёких предков и легендами разных народов – славянских, германских, тюркских и финно-угорских племён – роман Андрея Демидова «Золотая лоция» заслуживает особого внимания. Историческая достоверность органично сочетается с увлекательным сюжетом, реалистические подробности – с фантастическими событиями, вызывая у читателя ощущение, что он сам участвует в шумных пирах, великих сражениях и сталкивается с представителями иных цивилизаций. Среди персонажей есть реально существовавшие личности, оказавшие решающее влияние на ход истории Земли.

Генеральный директор ООО «Дом Книги „Молодая гвардия“»

Заслуженный работник культуры

Нина Егоровна Беликова

Глава 1. Фиорд Эйсельвен

Ночь гладила морщины скал. Своей бархатной чернотой она накрыла их расщелины и выступы. Между отвесными стенами вода лежала серебряным зеркалом: спокойная, безмятежная гладь, неподвластная холодному резкому Геннглану, дующему с моря. Там, где фиорд после нескольких изгибов поворачивал к западу и утыкался в каменные россыпи, приютившие невидимый, но шумный ручей, кромка берега была пологой. Здесь начинался лес. Высокие, пышные ели торжественно стояли у самой воды. Широким клином лес разрастался к разрыву в скалах, теснился там, в узкой седловине, и уходил бесконечным ковром дальше: туда, где снег никогда не таял, где ручьи и реки были во льду. В десятке шагов от берега, как большие рыбы, выброшенные на берег, лежали кверху дном две дощатые лодки. Вокруг волнами провисали на жердях ещё влажные сети с поплавками из скатанной сосновой коры. Тут же, над потухшим костром, поскрипывал на треноге чан, сбитый из железных полос, с облитыми смолой боками. Под ним громоздилась куча хвороста и дров.

Чуть выше лодок, среди елей, на катках из толстенных бревен, стояла ладья. Её мачта горделиво возвышалась над кронами высоких деревьев. Раскрытая пасть деревянного дракона на носу ладьи была обращена к фиорду. Три десятка вёсел, расставленные вдоль бортов, казалось, вот-вот оттолкнутся от замшелых камней, а парус, скатанный на палубе, радостно взметнётся вверх и упруго вздуется, повинувшись попутному ветру. Но лежащие у кормы козьи шкуры от только что разобранного навеса, цветущие подснежники и ледяной пар дыхания стоящего рядом человека говорили о том, что не настало ещё это время.

Человек долго и внимательно смотрел на ладью, а ладья смотрела на человека, пока с той стороны, где над лесом переплетались дымы очагов, не раздался настороженный девичий голос:

- Вишена? Вишена? Что ты стоишь тут, как страж богов Хеймдалль? Вишена, эй! Ты где?
- Зачем пришла? Увидит кто.

Вишена подался вперёд на голос и вдруг оглянулся. Ему почудилось, что в последний момент глаз деревянного дракона хитро сощурился, словно ядовитый змей Ёрмунганд подал какой-то таинственный знак. Вишена неуютно поёжился, растёр озябшие пальцы и бесшумно пошёл на голос. Кожа его штанов и рубахи была черна, как лесная ночь, и ему удалось незаметно приблизиться к неподвижной женской фигуре, белеющей льняным платьем и козьей накидкой. Подошёл и тихо, как рысь, прорычал:

- Попалась, Маргит!

Девушка вздрогнула, но через мгновение узнала обхватившие её сзади руки:

- Я с тобой стану седой, как луна. Страшила ты, злобный карлик, цверг.

– А разве цверги умеют так целовать? – Вишена рассмеялся низким, грудным смехом. – А потом, я не краду младенцев и не ем их. И скот не морю, и посеvy. – Вдруг он затих и устался в темноту. – Слушай, чего это там, в Ву, происходит? Вроде как с факелами бегают. Наверное, опять ссора... Так всегда бывает на пиру.

– Конечно! Это ярл Эймунд забрал оружие у твоих дружинников. И правильно сделал! А то вы такие гости, что непременно устроили бы в посёлке резню.

Маргит выскользнула из объятий Вишены, но он ухватил её за длинные струящиеся волосы. Она возмущённо продолжила:

– Сейчас, когда Эймунд послал своих людей собирать дань с озёрных ётов, вы опасны как никогда. Помнишь, что вы устроили в прошлую зимовку в Страйборге?

– Обидеть меня хочешь, Маргит? – Вишена намотал её волосы на кулак и притянул к себе, стараясь смотреть в глаза. – В Страйборг тогда вернулся Остар, убивший много лет назад Гердрика Славного, отца Хельги и Тюры. Ты ведь знаешь это? Клянусь Фрейром, ты это знаешь!

– Да, конечно! Да ты просто ревновал Остара к Хельге. Ты хотел жениться на ней и стать ярлом в Страйборге и всей Ранрикии. Поэтому ты и убил Остара. Пусты меня!

Девушка наступила ему на ногу, чтобы причинить боль, но слова оказались куда больнее. Вишена яростно оттолкнула её.

– Слушай, глупая женщина! Остар нарушил правду, его всё равно осудил бы общий тинг за убийство Гердрика. Он не смог бы откупиться никаким вергельдом. И он первый напал на нас со своими людьми. Мы тогда спасли Страйборг от большой беды.

Маргит холодно усмехнулась:

– Тогда почему вас потом выгнали из Страйборга, да с таким позором, что в ту зиму вы уже не посмели вернуться и зимовали у нас в фиорде?

– Ну зачем ты терзаешь меня, Маргит? Клянусь Фрейром, я не заслужил этого. Я всё равно не смог бы жениться на Хельге или Тюре и стать ярлом. Ты ведь знаешь, я не веду свой род от Одина, я пришёл из Склавении, из Тёмной Земли, что лежит меж реками Стоходом, Вольгой и Мемой. Но стал конунгом, чей край не дом, а ладья, и люди мои не хевдинги – рабы или изнеженные скалды, а воины, которых хранят боги. – Он вздохнул и пошёл в сторону чёрного низкого строения из вертикально вкопанных брёвен, крытого сосновой дранью. Входя внутрь через низкий проём, открывшийся за тяжёлой дверью, он услышал, как зашуршала сухая хвоя и лёд под лёгкими шагами Маргит.

В бликах догорающего очага, пропахший потом и копчёной рыбой, дом наполнился их тенями, словно не двое влюблённых оказались тут, а три десятка воинов вернулись с пира. Вишена подняла одну из лавок и грузно сел на неё. Маргит робко подошла к нему и прижалась щекой к его груди:

– Извини меня. Я злая, я знаю.

Она села рядом с Вишеной, который смотрел на неё, тоскливо подперев голову кулаком. Маргит печально продолжила:

– Мне кажется, что ты больше никогда не вернёшься в Ву. И меня выдадут замуж за противного Гакона, если только к тому времени меня не украдут ёты или даны.

Она положила тонкие пальцы на мощную шею Вишены и заглянула в его глаза, синие, как сапфиры.

– Правда, давай поговорим с моим отцом на празднике дисов, ты его уговоришь, и он объявит о нашей помолвке?

Вишена кивнул, не мигая глядя в каменное кольцо очага, в котором медленно умирал огонь:

– Маргит, я не обещал помолвки. Я говорил, может быть, если захотят боги, будет помолвка. Понимаешь?

– Нет. Или это значит, что ты бросишь меня здесь? – Зажав на груди разноцветные бусы, она подняла брови: – Ты при всех подарил мне эти ромейские стекляшки и сказал, что каждую ночь думаешь только обо мне. Все знают, что мы вместе, и тебе придётся платить большой вергельд, если ты бросишь меня. Иначе мой брат убьёт тебя в честном бою.

– Или я его. Как решат боги, – ответил, не меняя позы и выражения глаз, Вишена. – Я не волк Фенрир, я не Ван-кровосмеситель, не злодей. Я чту закон и уважаю кров, под которым нахожусь. Я не люблю ломать своих обещаний и клятв. Ты нравишься мне, и я не скрываю этого на людях, а мой друг Эйнар уже шутит, что меня привязали к кровати и никуда теперь не пустят. Но я не люблю, когда на меня давят. Тем более женщины. Ты не богиня Идун. Жди. И всё будет так, как захотят боги. – Он вдруг улыбнулся и привлёк к себе девушку. – У тебя глаза цвета хвои. Оставь свои вечные упрёки и подозрения. Давай поговорим обо всём позже. Скоро все вернутся с пира, и мы ничего не успеем. Маргит, не вырывайся, не то укушу в шею, клянусь Фрейром.

– Ты бы лучше волком Фенриром поклялся. Вполне мог бы луну проглотить. И врешь и изворачиваешься так же. Пусть, пусть все вернутся и застанут нас. Отпусти!

Маргит на мгновение застыла, глядя в пространство, потом расхохоталась и уткнулась горячим лбом в его щеку.

– Представляю тебя вместе с Эйнармом на пашне, разбрасывающим семена.

Вишена вдруг понял, что она уже плачет. Он почувствовал, как в груди разрастается пустота и его сердце вот-вот сорвется в пропасть. Он закрыл глаза и увидел, как скалы фиорда начинают дробиться, как океанский горизонт заворачивается сухим листом, а небо стремительно приближается и звёзды холодными каплями проносятся мимо сквозь него и сквозь неё. Они всё переворачивают внутри, эти звёзды, а боги, вышедшие из стены Асгарда, стоят неподвижно и ждут чего-то.

– погоди, Маргит, не плачь. У нас будет помолвка и свадьба. И я брошу нож от изгороди твоего дома, и там, где он упадёт, я построю наш дом. Там будут козы, куры, большой очаг и дети. Ты каждое утро станешь расчёсывать мне волосы гребнем и лить воду на руки перед трапезой. И может быть, я ещё в последний раз схожу на Юг и вернусь с несметным богатством...

Он говорил не выбирая слов, с ужасом понимая, что Маргит плачет всё сильнее и сильнее. Наконец она затихла, стиснула его шею руками, пахнувшими льном:

– Мне кажется, что ты не вернёшься сюда. Никогда. Но я буду молиться Фрейру, а колдунья Ингра обещала помочь...

Огонь погас. Изредка потрескивали остывающие камни, в клетках перебирали крыльями куры, какой-то зверь, то ли россомаха, то ли лис, осторожно ходил у самого порога. Два раза гукнул филин, потом всё стихло, шум ручья сделался отчётливей, неподалёку упали сухие ветки. Маргит сказала почти шёпотом:

– Прости мои слёзы. Я просто хочу быть с тобой всегда, но чувствую – мысли твои далеко, наверное за Янтарным морем, в Склавании. – Девушка закрыла рукавом мокрые ресницы. – У тебя там братья и сёстры?

– Нет. Наверное, ты права. Будет так: завтра я отправляюсь на охоту. Убью самого большого оленя в этих горах, принесу твоему отцу. И буду говорить с ним, клянусь Одином, – тихо сказал Вишена.

– Хорошо. Я ухожу. Буду ждать утра и молить богов. – Маргит поднялась. – Прощай...

Она выскользнула наружу и исчезла.

Вишена ещё долго сидел в крошечной тьме, глядя через распахнутую дверь на просветлевший, засеребренный луной лес. Потом медленно наклонился, подобрал несколько хворостин, с треском переломил их и тряхнул головой, словно сбрасывая оцепенение:

– Не понимаю, что со мной. Раздваиваюсь, как цверг. Хочется взлететь на небеса и там остаться. Но нет крыльев. Она всё переворачивает во мне. Я вдруг становлюсь слабым и одновременно сильным.

Он присел над очагом, пристраивая хворост к тлеющим углям. Подул, наблюдая, как через черноту головешек пробивается жар.

Огонь нехотя ошупал новую жертву и наконец решил принять её. Вишена бросил в оживший очаг ещё пригоршню коры, обильно привалил дровами и сонно зажмурился. Вязкая дрема обволокла его тело, но тут же, как послышалось многократное гулкое эхо, исчезла. Он напрягся и вслушался. Трубил рог. Наверное, по фиорду шла ладья. Вскоре, в проёме двери, показалась взлохмаченная чернородая и длинноносая голова, с круглыми от хмеля и удивления глазами.

– А, вот ты где! Тебя ищут, ищут.

Вслед за головой возникло мощное тело, блестящее чешуёй длинной кольчуги и золотом браслетов и колец.

– Представляешь, Эймунд открыл оружейную и раздал наше оружие. По фиорду идёт ладья, и он решил, что это даны или трейды.

– Ясно, Эйнар. А где все?

Вишена вытянул свой меч из ножен. Осмотрел клинок.

– Ты видел её?

– Кого? – Эйнар огляделся. Стало заметно, что его сильно шатает. – Маргит, что ли? Кстати, Эймунд зол, что ты рано ушёл с пира, а Бертил – отец Маргит обещает убить тебя, если застанет вас вместе.

– Знаешь, Эйнар, она хорошая девушка. Но очень занудная. И плачет всё время. Может, она станет другой, когда я женюсь на ней?

Вишена горестно вздохнул. Эйнар же добрёл до бочки, взялся за края, нырнул туда головой, долго там ею тряс и распрямился уже заметно посвежевшим. Фыркая и утирая бороду ладонью, он засмеялся:

– У тебя в голове мухи завелись. В фиорде чужая ладья, а ты говоришь о странном. Ты что, действительно возьмёшь её замуж? Тогда ты сделаешь её несчастной. Тебя завтра убьют, или ты затеешь дальний поход во Франконию или Саксонию на три лета. Я тебя знаю. Вставай, Конунг!

Вишена вздрогнул и резко поднялся, встряхнув головой:

– Где все?

– У Рыбьего камня, только нет Гельмольда и Ингвара. Они уже не могут стоять на ногах после медовухи, что сварила Сельма. Кстати, там же и Эймунд со своими людьми. Слушай, что-то стало зябко...

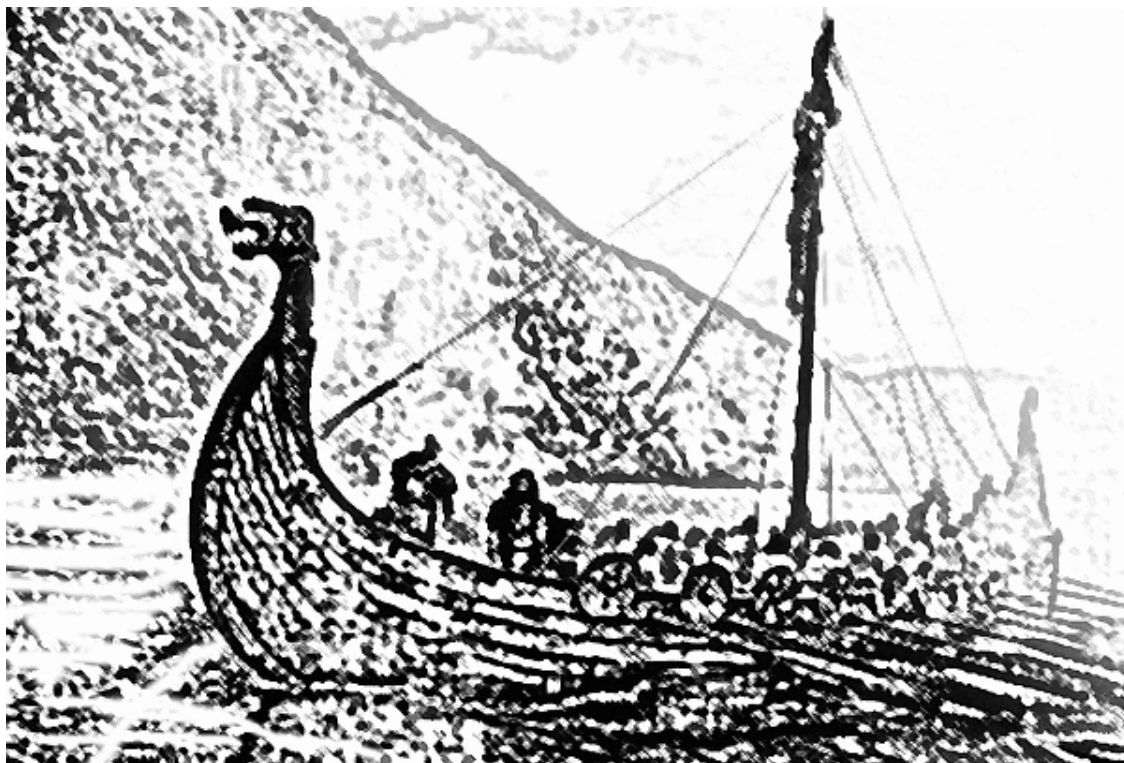
Эйнар набросил на плечи медвежью накидку и стал похож на медведя. Вишена хмуро посмотрел на него и пробурчал:

– Пошли.

Они вышли в ночь и быстро двинулись к Рыбьему камню, до которого было не больше трёх полётов стрелы. Распространяя запах браги и чеснока, Эйнар шумно сопел, недовольный тем, что ноги не слушаются его. Перебираясь через поваленный ствол, обросший мхом и грибами, он не устоял и рухнул на каменную россыпь, и некоторое время катился под уклон, брэнча кольчугой.

– Проклятье! – Эйнар неуклюже поднялся и, опершись на меч, начал пьяно бормотать: – Представляешь, сидели мы за столами, слушали сагу о походе Одина в Хель. Этот Имр, скальд Эймунда, так складно говорит – заслушаешься. Да... Эймунд дарил всем кольца. Служанка Сельма положила на меня глаз, и тут влетает на коне смерти Сигвар и орёт, что в фиорде ладья данов. Какие даны, откуда взялись, что им тут надо в этом богами забытом месте? Не дали сагу дослушать... Клянусь Одином, они мне дорого за это заплатят...

Вишена молчал. Он уже заметил небольшую ладью под парусом, медленно выходящую из-за поворота фиорда, и четыре десятка фигур на берегу, напротив торчащего из воды валуна. Чёрный силуэт ладьи как раз достиг лунной дорожки, в том месте, где отражённое от воды серебро обрывалось тенью утёсов. Снова зазвучал рог, на ладье заметили блеск стали у Рыбьего камня и начали поворачивать туда.

Вскоре Вишена и Эйнар оказались среди соратников. Эймунд – величественный, в крылатом шлеме и с длинной бородой, заплетённой в седые косы, – приветствовал их поднятием ладони, тяжёлой от золотых перстней.

От воды со стороны ладьи было отчётливо слышно, как кормчий на ней даёт счёт гребцам и вёсла нестройно врезаются в воду.

Вишена сквозь строй своих соратников, одетых в кольчуги и вооружённых окованными железом щитами и короткими мечами, прошёл к самому берегу. Эймунд почтительно склонился перед конунгом.

– Трубите в рог. Они уже заметили нас, – сказал он, – пусть знают, что мы все настроены биться.

Рог тут же запел гневно и предостерегающе. Пока его отзвук носился между берегами, между водой и звёздным небом, звонкий голос за спиной Вишены сказал:

– Они идут, как посланцы Хеля, на корабле мертвецов Нагльфар. А кормчий у них бог Локи, отец волка и змея Ёрмунганда.

Фенрир уже заглотил солнце, и оно теперь никогда не взойдёт, а войска сынов Муспеллы уже скачут по мосту Биврест, и великан Сурт приближается с юга с мечом, который ярче солнца. А мы как легендарные эйнхерии и асы, Эймунд как Один, Вишена как Тор. Может, всё повторится согласно прорицанию Вёльвы? А, Овар?

– Это на тебя ещё действует брага, Свивельд. – Овар, огромный и могучий, усмехаясь посмотрел на стройного и юного воина. – Нет, Свивельд, это не похоже на гибель богов. Ведь не было ни смерти Бальдара, ни трёхгодичной зимы, ни шатания мирового ясеня Иггдрасиля, ни потопа. Ву не Асгард, я не Фрейр, в руке Эймунда не молот Тора, а просто копьё. И, кроме того, я не хочу сейчас умереть, у меня ещё не достаточно золота, чтоб предстать перед Одином.

Сказав это, Овар подавил зевоту, помолчал и задумчиво добавил:

– Всё намного проще. Мы просто сидели на пиру у Эймунда, пережидали время между холодным Геннпланом и тёплым Реннвиндом. И просто в этих пустынных местах возникает ладья. Вот и всё, Свивельд. Но это, наверное, не даны. Если бы они хотели напасть на Ву, они

высадились бы у ворот фиорда и шли бы берегом без рога. Они взяли бы нас во сне. Это не враги.

– Может, и не враги, – не оборачиваясь, задумчиво сказал Вишена, – но разомкните ряды и на всякий случай стойте вдоль воды и держите щиты на груди...

За его спиной тут же послышался лязг, шорох одежд и шагов.

Тем временем на ладье начали подвязывать парус, сушить вёсла, с грохотом затягивая их на палубу, послышался всплеск камня, утягивающего ко дну промерочный линь, кто-то крикнул, растягивая слова на гетландский манер:

– Глубина три десятка локтей, но могут быть камни. Так что держи прямо на воинов. Клянусь Тором, они хотят защищать именно то место, где можно подойти.

Ладья шла теперь по инерции, быстро теряя скорость.

– Слушайте, да это свои из Тролльберга, с которыми мы ходили когда-то по Рейну, – удивлённо сказал Эйнар, – я узнал голос Ларса. Он жив, оказывается, но что им тут надо?

– Я Эймунд, со мной мой брат Хенрик и Вишена Стреблянин с людьми, – тем временем заговорил ярл Эймунд, и голос его был громче рога.

– Кто вы? Что вам нужно в Варанд-фиорде?

– Я Йеран, брат Донкрада. Со мной Рагдай из Склавении и Ацур, человек конунга Стовова из Каменной Ладоги, – послышалось с ладьи в ответ, – мы хотим говорить с вами.

– Это кто ещё такие?

Эймунд опёрся на копьё и выжидающе посмотрел на изумлённого Вишену:

– Про Донкрада из Тролльберга я слышал, а про этих, клянусь Тором, слышу в первый раз.

Вишена несколько раз глубоко вдохнул сухой, холодный воздух, потрогал лоб, будто смахивая что-то, сощурился:

– Я знаю Рагдай из Склавении. Он помогал мне с Эйнаром, когда мы в Тёмной Земле спасали золото Гердрика, а изменник Гутбранн шёл по нашему следу. Больше всего на свете он чтит знание, заветы и дела богов.

– А золото? – спросил кто-то.

– И золото, – ответил за Вишену улыбающийся Эйнар, и все вокруг облегчённо засмеялись.

В осанке же Эймунда исчезло что-то величественное, и он с досадой произнёс:

– Клянусь Одином, друг моего гостя – мой гость. Правда, я ждал данов и хотел с ними биться. А тут друзья... Ну что ж, пусть пристают. Дирк, крикни им, чтоб обходили камень справа. Клянусь богиней Фригг, за гостей придётся сегодня ещё не раз наполнить кубки!

Пока Дирк руководил, а дружинники бросали на камни щиты и стаскивали с потных голов железные шапки, Эйнар, встав позади Вишены, бубнил:

– Рагдай с Ацуром. Странно, клянусь Фрейей... Ведь когда мы три года назад уходили из Стовграда, они собирались сопровождать Часлава, сына князя Стовова, в Миклгард. Там Часлав должен был пять лет обучаться разным премудростям. А теперь Рагдай тут. Я уверен, что ему нужен ты, Вишена. Но вот для чего?

Наверное, что-то очень важное погнало его через Янтарное море и Данские проливы, искать тебя по всему побережью Ранрикии. Наверняка снова это была Мать Матерей, с её волшебными дарами, живой водой и сверкающим мечом...

Тем временем ладья ударилась в берег, упали в воду якорные камни. По гнувшимся, скрипящим сходям сошёл коренастый Йеран, заросший до глаз бородой, и двое его людей. За ними неторопливо следовал в просторном плаще из тканой шерсти высокий человек, который сразу отыскал среди воинов Вишену и Эйнара.

– Ну вот, Вишена, мы снова встретились. Хвала богам, ты жив и бодр и Эйнар с тобой.

– Да хранит тебя Один, Рагдай, и пусть тебе всегда сопутствует удача! – ответил Вишена по-склавенски, всматриваясь в рыжебородое лицо кудесника. Он постарел... Его коротко стриженные волосы цвета сосновой коры были уже тронуты сединой. На шишковатом высоком лбу и между бровями сгустились морщины. И только глаза в свете запалённых факелов были всё те же. Пронизывающие, то серые, то синие, одновременно злые, весёлые, беспечные и усталые. Рассмотрев Рагдая, Вишена перевёл взгляд на воина только что подошедшего: – А-а, и ты тут, Креп! Все ещё служишь своему господину?

– Рагдай не господин, а учитель... – ответил Креп, – я рад снова видеть тебя, Вишена.

Уже ярл Эймунд и брат конунга Донкрада успели обменяться дарами, уже кто-то был послан в Ву, чтоб там готовили баню и жарили ещё мясо. Уже все воины покинули ладью, и процессия потянулась в сторону селения, а Рагдай с Вишеной всё ещё смотрели друг на друга. В это время Эйнар, косясь в их сторону, пытался завязать беседу с гороподобным воином, одетым в кожаный панцирь с железными бляхами и длинную грязно-белую льняную рубаху.

– Слушай, Ацур, во имя всех богов, не молчи. Расскажи, что было, после того как мы ушли три года назад из Склавении. Что случилось с твоим князем Стововом?

– Князь Каменной Ладоги жив. И стрелянские старейшины Оря и Претич Малк живы. И Дорогобуж стоит на прежнем месте, и Стовград, хотя и горели они не раз.

Ацур говорил медленно, словно вытаскивал слова из горла железными клещами:

– Стовов поручил мне охранять Рагдая в пути, помочь ему найти в Ранрикии этого Вишену. Мы двинулись от Стовграда вверх по Стоходу сразу после Журавниц и ровно через три лета после славной сечи у Медведь-горы. Ты помнишь эту битву, Эйнар?

– Да-да, помню. Племена Ранрикии считают её предвестницей Рагнарёка – гибели богов. Имр-сказитель, скальд здешнего ярла, сложил сагу об этом. В ней есть и твоё имя, Ацур. – Эйнар от нетерпения притопнул ногой: – Но ты лучше скажи – зачем вы пришли к нам?

– Он все скажет, – Ацур махнул рукой в сторону Рагдая и Вишены, которые обнялись, хлопая друг друга по спине, – сам я мало чего понял из того, что замыслили Рагдай и Стовов. Что-то связанное с сокровищами Рейна.

Глаза Эйнара округлились, он засмеялся так, что, казалось, весь огромный фиорд вздрогнул:

– Очень многие пытались найти сокровище, которое спрятал Сигурд Победитель, после того как убил дракона. Он спрятал его где-то на средних порогах, но даже кузнец-колдун Регин, выкормивший Сигурда и сковавший ему меч Грам, способный рассечь наковальню, не смог найти это золото. Так говорит сага о Фафнире. Да ты это и сам знаешь. – Эйнар отсмеялся и, вдруг став скучным, закончил: – Многие пытались найти это золото, и никто не возвращался в родной одал. Это сокровище карликов и богов, приносящее смерть и несчастья. Мне жаль, что вы решили умереть.

Ацур только пожал плечами в ответ, а Рагдай, уже идущий с Вишеной в сторону Ву, сказал, оглянувшись:

– На самом деле, Вишена, нам нужно совсем другое. Но пусть все знают и думают, что всё связано именно с золотом Рейна. Клянусь всеми богами, так будет лучше. Пойдём, нужно отдохнуть с дороги, прежде чем начать рассказ.

В серых предрассветных сумерках Ву был наполнен дымом костров, пением петухов, суетой предстоящей встречи гостей. Посёлок состоял из трёх десятков больших деревянных строений, крытых соломой и защищённых частоколом, с единственным проездом, выходящим на площадь, у которой возвышался на цоколе из валунов дом ярла. Тут же находилась оружейная, чуть поодаль курящаяся баня и обширные землянки, хранящие добро ярла и всего одаля. Чуть в стороне виднелась кузня, хлев, загон для скота, сторожевая вышка, глядящая через лесные верхушки на фиорд. По всей территории, на разжиженной земле, едва прихваченные морозцем, были аккуратно уложены бревенчатые мостовые.

После сытной и хмельной трапезы у Эймунда воинов, разморённых баней, звуками лангелейки и вниманием женщин, отправили спать в сенной сарай. Самого же Йерана, Ацура и Рагдая оставили у Эймунда, а Вишена со своими дружинниками вернулся в уже остывший дом на берегу. Перед тем как влезть на ложе из шкур и соломы, Эйнар пробрался к Вишене:

– Ну, Рагдай что-нибудь сказал тебе?

– Нет. Он только дал понять, что вокруг слишком много нежелательных ушей и всё будет сказано завтра.

Вишена долго веткой ворошил золу очага, затем обречённо вздохнул:

– Иди спать, Эйнар. Может быть, и о нас кто-то сложит сагу. Если мы, конечно, не отправимся раньше времени к Одину или в Хель...

Глава 2. Стовов

– Знаешь, Хилок, я тебе на это так скажу. Нам, стрелянам, этот князь как медведю сани. Пусть себе прётся за тридевять земель, хоть к Алатырь-камню, хоть к Ледяному морю!

Морщинистый старик многозначительно поглядел на своего юного собеседника, запахнул ворот облезлого лисьего зипуна и продолжил своё занятие – плетение корзины из ивовых прутьев:

– Это ясно, Прашник, но, если он уйдет надолго, кто будет поддерживать правду в Тёмной Земле?

Хилок, совсем юный, ещё почти мальчик, помогал старику, счищая скребком кору с прутьев. При этом он украдкой поглядывал на трёх княжеских дружинников, разминающих сонного коня близ надворотной башни – единственного строения, нарушающего монотонность сплошного кольца частокола.

Утренний туман висел между низенькими избами с глиняными завалинками до самых окон, укрепленных дерном. Туман словно размышлял, упасть ли ему на солому крыш в виде инея или обернуться росой, согласуясь с утренним солнцем и совсем тёплым ветром. Старик, щурясь в лучах восходящего светила, повертел в сухих руках почти законченное дно с торчащими, как солнечные лучи, прутьями будущих стенок и укоризненно посмотрел на Хилка, легкомысленно рассуждающего о правде Тёмной Земли.

– Молод ты ещё. Что ты знаешь о правде... Вот раньше у стрелян была правда. Если сотворил зло – ответь кровью. Обидчику мстила вся семья. А теперь всё больше на кудьбский способ полагаются: откупился – и чист. Раньше между Вольгой и Мстой не было такого, чтоб не украсть невесту. А теперь пришёл как немощный, принёс меха, мёд или горсть серебра отцу – и всё. Забирай суженую. Тьфу. Противно.

– А ты-то сам, Прашник, как жену брал? – Хилок облизнул потрескавшиеся губы и приготовился слушать длинный рассказ.

– Путь давай, – сердито буркнул старик. – Я свою Ганю выкрал из самого Полтеска. Не то что ныне. Да как твой князь правду сохранит, если он сына своего кровного к лютым врагам посылал! В самое логово! Где это видано? Да ещё в провожатые ему дал варяга-душегуба да полоумного Рагдая. Шивда, вимзла, якутилима ми...

Произнеся заговор, Прашник плюнул три раза перед собой и поклонился в сторону деревянной фигуры Перуна, вкопанной посреди двора.

– Вообще этот Стовов и его варяги настоящие враги нам, стрелянам. Не знаю, почему Оря дозволил ему поселиться на самом бойком месте... Пожечь бы его. – Прашник недобро оглянулся, бешеным взглядом пройдясь по спинам княжеских дружинников, гоняющих коня. – Пусть, пусть князь уходит. Он уже один раз ходил на юг. Все кони погибли на Днепре от какой-то заразы, половину ладей на камнях побили. Стыдоба. Теперь вон злой ходит. Опять куда-то собрался. Славу добывать. Чтоб он подох...

– А куда он теперь хочет идти? Говорят, на запад, через Днестр, Лабу и Реен, – мечтательно протянул Хилок, отворачивая лицо от солнца, туда, где над лесом, тянувшимся до самого Варяжского моря, медленно таяла последняя полоска уходящей ночи. – Я бы пошёл с ними. Клянусь Перуном и Матерью-Рысью.

– Да... – Прашник раздражённо сплюнул себе под ноги, – и сгинул бы ты там от заразы.

Он хотел сказать ещё что-то едкое и уже открыл рот, но его опередил лучник с надворотной башни:

– Вижу конный отряд на берегу у Моста Русалок! На щитах змеиное солнце Водополка Тёмного. Это бурюндеи. Будите князя!

Из длинной избы у ворот уже появились несколько княжеских дружинников. Всклоченные, помятые со сна, они сбросили на землю бревно, скрепляющее ворота, и, багровея от натуги, растащили створки в стороны.

– Ну вот, в Стовград опять собираются душегубы со всей Склавении. – Прашник поднялся, кинул недоплетённую корзину под ноги и потянул за рукав Хилка. – Пойдём-ка в избу. Схоронимся от лиха. Эти бурундеи, видать, скакали всю ночь. Злые, небось, как разбуженные медведи. Провалились они сквозь землю!

По двору пробежали две черноволосые смуглые рабыни, расплескав из кадок белоснежное молоко, им вслед завздыхали, замычали коровы.

Чавкая по грязи, промчались с визгом поросята, которых преследовал мальчик с хвостотиной. У некоторых изб и землянок появились наспех одетые, встревоженные мужчины, вооружённые кто чем. За их спинами грохотали засовы дверей. Не то чтобы стрельбне боялись гостей, но, как говорится, бережёного бог бережёт... От грохота тяжёлых засовов всполошились под навесами куры, затаивали собаки, захрапели у коновязей лошади. Перед тем как скрыться в затхлом зеве своей землянки, Прашник оглянулся и хмуро пробурчал Хилку:

– Во, смотри, Стовов выполз. Провалился он.

Под соломенным навесом, у грубых резных столбов крыльца княжеского дома появился тучный человек. Быстрые серые глаза зло смотрели из-под нависших бровей. Извилистые складки по щекам до обвислых усов и бороды придавали лицу Стовова свирепое выражение. Мятый пурпурный плащ свободно спадал с его покатых плеч, открывая на груди ворот белой льняной рубахи, расшитый золотом и бисером. Наборный, золото с серебром, пояс сжимали мясистые ладони.

Освобождая проход своим воинам, выходящим из узкой низкой двери, Стовов опёрся плечом о столб крыльца. Дружинники были похожи на своего князя. Все они имели вид свирепый и обильно украшали пальцы и запястья золотом. Спустившись с крыльца, воины выстроились полукругом.

Из соседних изб появилось ещё два десятка таких воинов, более молодых и менее раззолочённых, чем старшая дружина. Княжеская челядь выглядывала из дверей и крошечных окон, с которых по весеннему времени уже были сняты зимние рамы, обтянутые бычьим пузырём. Большинство стрельбан стояли кучками у своих изб и без особой радости наблюдали за тем, как сторожа на башне перекрикивались с кем-то, поднимающимся в гору к Стовграду.

В проёме надворотной башни из туманного пространства, срывающегося в реку, появились сначала острия копий со змеиными языками флажков, затем яйцеобразные железные шапки, утыканые по ободу клыками хищников. Под ними смутно виднелись заросшие лица, почти скрытые пластинами наносников полумасок и чешуёй бармиц. На бурундеях красовались кожаные панцири, усиленные железными бляхами. Лошади были все как на подбор. Они яростно выгибали шеи и косились глазами на красный стяг, развевающийся в руках знаменосца: трёхглазое оскаленное солнце с длинными лучами – змеями.

– Вечно они нацепляют железо без нужды, – сказал Стовову дружинник, заметно отличающийся от других тонкой костью и низким ростом.

– Ты чего тут делаешь, Полукорм? Тебе велено быть у ладей и следить, как конопатят щели! – не оборачиваясь, рыкнул Стовов. – Живо туда! Клянусь Велесом, а то обхожу плеткой!

Полукорм исчез. Двое дружинников повернулись к князю:

– Их ведёт не Кудин. И их меньше, чем ждали.

Грохоча подковами по бревенчатому настилу, в Стовград въехала бурундейская дружина. Всадники не торопились спешиваться.

Крутили головой, оглядывались. Лошади фыркали, пускали струи пара из трепещущих ноздрей, били копытами, кусали удила. Наконец один из бурундеев, седой как лунь, с серебряной бляхой-солнцем на груди, снял железную шапку и слез с коня:

– Я Мечек, вирник Водополка Тёмного, князь Шерпеня и Мценска. По уговору я привел в Тёмную Землю воинов Водополка и дары Стовову и стрелянским старейшинам.

Он махнул рукой, и двое молодых всадников стянули с коня суму и поставили её рядом.

Стовов не торопясь сошёл с крыльца и выступил вперёд:

– Приветствую тебя, Мечек. Слезайте с коней, воины, будьте хорошими гостями. Вечером устроим пиршество. А дотоле отдыхайте. Я вижу, вы шли всю ночь, чтоб успеть к обговорённому дню.

Князь устался на развязанную суму, из которой торчал большой и массивный кубок: золотая баранья голова на витой подставке. Княжеские дружинники одобрительно загудели, а сам Стовов довольно ухмыльнулся:

– Добротная работа.

Стовград оживился. Несколько старших мечников князя остались распоряжаться размещением бурундеев, другие пошли за Стововом и Мечеком в княжескую избу держать совет. Челядь уже сыпала в ясли отборный ячмень для лошадей, кузнец с подмастерьем осматривали их подковы. Гремя железом, всадники стягивали с лошадиных спин солёные от пота сёдла, пили колодезную воду, вымачивая бороды и усы.

В тусклом утреннем свете, рассекающем лучами низкое пространство княжеской избы, Мечека и двух старших бурундеев усадили на лавку посреди длинного стола. Стовов сел напротив под развёрнутым на стене стягом (чёрная когтистая птица с головой медведя на красном поле):

– Останутся Семик, Ломонос, Мышец и Тороп. Остальные вон, смотреть лады. И чтоб пеньку хорошо сушили, прежде чем в щель бить. И смотреть снаружи, чтоб ни одно стрелянское ухо не висело у окон!

Князь положил тяжёлые от перстней руки перед собой.

– Так что, Мечек, почему Кудин не пришёл?

– Кудина на охоте задрал медведь. Подломилась острога. Вот и задрал. Славный был воин.

Мечек быстро, словно считая, оглядел дружинников Стовова и продолжил:

– Пока шли, сцепились с ругами. Они со всем скарбом переправлялись по льду в сторону Нары. Это те руги, что на прошлые Семенины пожгли Новый Игочев. Мы напали вдруг, недалеко от берега. А они сразу бросили сани и вышли на лед. Спешились мы, но победа не далась. Потеряли пятерых. Один умер от ядовитого лезвия в дороге. В остальном, хвала Велесу, путь был лёгок.

Вздрагивая от взглядов, опрятная рабыня с волосами цвета вороньего крыла поставила на стол горшок дымящегося мяса, полные кувшины медовой браги, принесла кубки, ржаной хлеб с отрубями, плавающий в кислом молоке, чеснок, мочёную клюкву, солонину. И ушла. Стовов кивнул, Ломонос быстро разлил всем тягучий янтарный напиток.

– Что нового в Мценске, здоров ли Водополк? – спросил князь, стукнув перстнями по столу. – Не тревожат ли мурома и дедичи? Как сыновья?

– Все славно, хвала Перуну. Мценск ширится. Срубили две новые башни, хороший колодец, загоны для скота вынесли за тын. Князь бодр. Быстро оправился от лихоманки. Сам ходит собирать дань с мурома и дедичей. Только вот Городец дедичи пока держат. Сыновья растут быстро. Крепко. Уж скоро на коней сядут да будут постриги. А как Часлав? Говорят, смышлён и учён.

– Княжич здоров.

Стовов отхлебнул мёда, снял ладонью капли с бороды:

– Ему бы на охоту, куропаток бить, а он всё больше спит да на небо глядит. – И, помолчав, добавил: – Снегу в просинец много навалило. Должно быть, жаркое лето будет.

Бурундеи озадаченно переглянулись. Тот, что сидел справа от Мечека, рябой и горбоносый, с глазами-щёлками, шепнул вирнику, так чтоб слышали все:

– Не пора ли о главном, Мечек? Есть ли вести от Рагдая?

– От него нет вестей. Да и какие вести. Он ушёл до ледостава искать варяга Вишену, ушёл вместе с моим Ацуром и своим Крепом. – Стовов помрачнел. – Найдёт он варяга в Свее или нет, но он должен нас ждать в устье Одры, как пойдёт вторая половина месяца берзозоля. А там, стрелянские волхи говорят, – смерть. Верная смерть ждёт нас за Одрой. Чёрная хворь, от которой кровь в жилах кипит и чернеет. Так, Семик?

Семик утвердительно покачал головой:

– Я много людей потерял в последнем походе на Юг. Много.

Стало видно, что Стовов напряжен, как тетива.

– Рагдай говорил о золоте богов, спрятанном где-то в земле венедов, швабов или саксов. Может, и так. Но клянусь всеми дарами Дажьбога, это слишком далеко. Далеко, как небо.

Мечек так и застыл, с куском мяса в пальцах, не донеся его до рта:

– Ты не пойдёшь на Одру?

– Не пойду. – Стовов потёр ладонью глаз.

Потрясённые этим известием не меньше бурундеев, воины князя налегли на мёд и солонину. Возникла гнетущая тишина. Вирника же словно прорвало:

– Как так, Стовов? Ты сам ездил с Рагдаем к Рудрему в Урочище Стуга вопрошать совета. Рудрем сказал всё, что знал о небесном золоте. Ятвяга и Водополк съехались на твой зов в Игочев. Держали совет, дали людей за часть будущей добычи. О боги! А что делать людям Ятвяги, которые не пошли со своим князем брать дань с прусов и лишились своей доли?

Мечек наконец бросил мясо обратно в горшок, брызнув вокруг жиром:

– О, даже твои люди скажут, клянусь Перуном, что Стовов ослаб волей, стал женщиной и уже не может вернуть славу, рассыпанную в бегстве от Херсонеса!

– Ты забываешься! – Стовов вскочил. – Замолчи! Во мне говорит мудрость!

Все схватились за рукоятки ножей, заматались, задёргались язычки пламени на фитилях плоских с топлёным жиром.

– Опомнись, князь, во имя богов! – завопил в ужасе Семик. – Перун не простит убийство гостей!

– Вернее, хозяев, – оскалился Мечек и невольно отпрянул, когда нож Стовова описал сверкающий полукруг и с треском вонзился в стол.

– Садитесь. Ешьте, пейте. Но уважайте кров. – Князь грузно сел на поднятую скамейку, почесал затылок. – Не пойду и людей не дам. Мне все тут нужны. Эй, налить всем медовухи! – обернулся он.

Бурундеи только пожали плечами:

– Делать нечего. Воля твоя. Без тебя пойдём. Вот Рагдай подивится.

– Идите, идите. Да хранят вас боги.

Князь окончательно размяк, поглядел на Семика, словно ища поддержки, но тот только вздохнул, разочарованно уставившись в пол. Снаружи тревожно залаяли собаки, заржали кони, и возник еле слышный, но отчётливый гул.

Дверь распахнулась, запыхавшийся Полукорм сдавленно крикнул:

– Князь, на Вожне лёд тронулся. До срока!

– Это знамение, князь, – расширил глаза Семик, – сами боги указывают тебе.

Стовов, озадаченный, поднялся, шагнул, словно во сне, вправо, влево и двинулся к двери на двор. На крыльце он споткнулся, закрыл глаза рукой: так ярко и жгуче пылало солнце.

– Ледоход! – Все побежали к воротам, к реке.

– Ледоход! – Двое волхов, седобородые старцы в рысиных шапках, украшенных козыми рогами и бронзовыми бляхами, несли массивный резной шест, выкрашенный красным соком

багульника. Шест венчало чучело рыси, держащей в лапах воронов, а в пасти бронзовую змею. Подручные волхов гнали годовалого бычка под попоной из белоснежного льна и сухих цветов прошлого лета.

Высокий западный и пологий восточный берега Вожны, укрытые снегом, уже изрядно изъеденные теплом, будто сблизилась, сдавив ледяной панцирь реки. На гладкой, почти без торосов и сугробов поверхности льда проявлялись тонкие, извилистые трещины, похожие на застывшие гроззовые молнии. Они возникали из середины, из чёрных полыней и прорубей, бежали к берегам, хитроумно переплетаясь, и превращались в сплошную паутину, разрывающую лёд. И какое-то неуловимое движение было в привычной гармонии соснового бора, на берегах освобождающейся реки, щетине сухих камышей. Казалось, это движется сама земля, оставляя на льду вмёрзшие сучья и камышовые стебли, рождая весенний, радостный гул.

– Скорее, скорее, угощение Водяному Деду! Прочь!

Ломонос и Тороп расталкивали люд, давая дорогу волхам и князю:

– Расступись!

Принесли большой бубен, котёл с углём, пережжённым в том очаге, который был первым выложен в Стовграде. Волхи воткнули свои посохи в снег:

– Придёт день светлости и разгонит все тёмности, за все чёрные деяния послан он будет, и на всеземье новый дар да будет. Шивда, вимзла, якутилима ми...

Бычка мазали мёдом, углём рисовали на льняной попоне сложные узоры гремел бубен, в танце двигались подручные волхов. Люди молчали, сторонились танцующих, бормотали свои чаяния и заклинания и слушали реку. Семик, стоящий позади князя, о чём-то зло говорил с Полукормом, поглядывая на группу бурундеев, расположившуюся неподалёку. Мечек тоже совещался со своими воинами, наблюдая за Семиком и князем Стововом.

Тем временем один из подручных волхов выгнал бычка, опоенного дурманящим напитком, на лёд, двумя взмахами серпа перерезал ему сухожилия задних ног и еле успел вернуться обратно. Животное пронзительно и жалобно мычало, а Вожна будто дожидалась этого: вдоль русла снова прокатился громовой раскат. С треском, скрежетом лёд стал дыбиться, как рыба чешуя. Лдины вставали, крошили друг друга, напоззали, опрокидывались... И вдруг открывшаяся чёрная вода совсем поглотила жертву...

– Хвала Матери-Рыси, Перуну и Велесу! С великой радостью принят дар! – крикнул один из волхов, простирая руки к небу. – Удачным будет лето. Так сказали вчера и внутренности петуха, и воск, налитый в воду. Хвала Водяному Деду, который принесёт много рыбы из озёр, и лешаку, который не будет пугать дичь и водить охотников по кругу. Да минуют напасти и болезни нас и детей наших, и скотину нашу и землю. Да будет дождь, когда пора цвести, и солнце, когда пора расти, и прохлада, когда придёт жатва. Да наполнятся до верха борти и сети, силки и закрома. Хвала!

– Видать, и впрямь лето может стать удачным, – сам себе сказал Стовов. Сказал тихо, но Семик услышал, хмыкнул и, повернувшись к бурундейскому воеводе, махнул рукой. Мечек, быстро приблизившись, встал рядом с князем:

– Сможем мы взять твои лады, князь? Я готов заплатить.

– Конечно. По уговору с Водополком Тёмным три лады ваши. – Стовов всё ещё смотрел на то место, где исчезла жертва.

– Четыре. Четыре лады... – еле слышно подсказал Семик.

– Да, нам нужно четыре. – Мечек улыбнулся.

– Зачем? Вы же только половину лошадей возьмёте. Зачем ещё одна лада?

– Слишком много золота придётся везти обратно. Перегруженные лады могут опрокинуться на верхних порогах.

Мечек развёл руками, словно взвешивая на ладонях что-то очень тяжёлое:

– Мы заплатим десять гривен до и вдвое, когда вернёмся. Это хорошая выгода, князь. Или отдадим тебе шёлком, который привезем.

Стовов хмыкнул:

– Когда ты считаешь вернуться?

– Да не позже чем к скирдницам, даже если Перун и Велес будут заняты другим. Всё будет ладно. Мы с удовольствием обменяем часть золота и рабов, которых привезём, на съестные припасы. – Мечек почтительно приложил ладонь к груди. – Только дай нам ещё одну ладью.

– Жадны, жадны вы, бурундеи! – выпрямляя плечи и упирая руки в бока, взревел Стовов. – Всегда общую добычу загодя присваиваете. Клянусь Велесом, ладья мне самому понадобится. Без меня вы только прошлогоднюю листву добудете.

– Так веди нас, князь. Будем служить тебе в походе, как Водополку Тёмному.

Мечек вырвал из ножен меч и поднял на раскрытых ладонях:

– Клянусь своим мечом и пеплом своих предков!

– Поход будет тяжёлым. Да и не нравится мне этот Рагдай и его Вишена со своими варягами. Нужно будет их потом... – смягчаясь, заговорил князь, но Мечек, не дождавшись конца фразы, повернулся к своим воинам, все ещё не уходящим с берега, и закричал:

– Стовов возглавит наш поход! Хвала князю Каменной Ладоги, хвала Велесу Заступнику!

Бурундеи снова одобрительно загудели, потрясая оружием, и, словно вторя им, раздался речной гром.

Это вскрылся Стоход.

Там, где он впадал в Вожну, у Моста Русалок, встретился лёд двух рек. Возник грохочущий хаос льда, вмёрзших деревьев и валунов, вырванных из каменного устья. Потрявоженный одинокий ворон крутился над этим местом, как над полем битвы...

Глава 3. Три подковы

Шипели, падая в огонь, капли жира с тушки ягненка. Потрескивали факелы. На брёвнах стен застыли тени. Ярл Эймунд сонно кивал, Йеран дышал на перстень, протирая его рукавом, Овар расчёсывал бороду. Маргит подмигнула Вишене, кивнув на дверь. На дворе слышалось металлическое побрякивание и тихие голоса:

– Подожди со своим спором, Бальдр, гость рассказывает сагу. Ярл слушает.

– Хорошо, вернусь утром...

Рагдай на мгновение прервался, оглянулся на Имра, и скальд ударил по струнам, протяжно и звонко. Рассказ продолжался:

– Победив в войне, властелин Поднебесной не смог управлять страной. Он болел и быстро старел. Его старшие сыновья жили рядом с отцом, сладко ели и вволю спали. При этом не забывали увеличивать поборы в казну. И очень не любили своего младшего брата, который жил вдали от столицы, среди воинов. Люди уважали того за отвагу и ум, а братья... братья много раз хотели отравить.

На одном из пиров во дворце ему подсыпали особенно много яда. Он после этого долго болел, но не умер, а лишь укрепился духом... Тогда братья упростили императора ещё раз призвать к себе младшего сына, желая окончательно расправиться с соперником. Соратники отговаривали от поездки, но он не посмел послушаться отца. И вот со своим другом воеводой и воинами приехал в крепость. Не говоря ни слова, старший брат пустил стрелу из лука, но промахнулся. А средний не успел выстрелить. Воевода с быстротой молнии поразил его копьём. После этого крепость оказалась во власти младшего сына, и старик император, выслушав рассказ о заговоре братьев, назначил его наследником. Через два месяца тот стал новым императором и принял имя Тайцзун.

– Хорошо. Молодец этот младший, – сказал Йеран, довольно разглядывая перстень.

– Очень похоже на легенду о том, как Свенд стал конунгом на Гломме.

– Да, но Свенд убил ещё и отца. И Один потом наказал его за это. Сколько бы жена и рабыни ни рожали ему детей, все они появлялись на свет без ногтей и с поросячьими хвостами. Клянусь Фрейром, ужасная кара, – отозвался Эйнар, весело подталкивая Вишену локтем. Он уже давно заметил призывные знаки Маргит и подзадоривал друга: – Она тебе хочет сказать что-то важное. Иди к ней.

Вишена, однако, с места не двинулся. Покосившись на отца девушки, хмурого Бертила, он повернулся к Рагдаю:

– Так что было дальше? Не томи, рассказывай.

– Новому императору досталось плохое наследство. Страна была полностью разорена. Много народу умерло от голода и войн. Кочевники-тюркуты не давали покоя. Тайцзуну нужны были союзники и... золото. Но, как и его отец, властелин Поднебесной не мог разыскать сокровища прежней династии Суй. Эти сокровища исчезли сразу после убийства императора Янди. И когда стало известно, что мятежный воевода Лян Ши Ду, засевший в крепости Шофан, расплачивается со своими воинами золотыми монетами, император собрал всех своих людей и пошёл на Шофан.

Потеряв надежду на спасение, соратники воеводы принесли императору его голову и были неожиданно прощены. Однако золота в Шофане не оказалось. За любое известие о нём властелин Поднебесной объявил награду, а затем, в погоне за ускользнувшим богатством, двинулся в земли тюркутов и взял область Ордос. Племена одно за другим складывали оружие. Наконец, после ночной битвы у Гороянлина был пленён сам каган Кат Иль-хан... но золота по-прежнему не было. Тогда Тайцзун объявил награду за каждого сторонника Суй, укрывающегося в тюркутских кочевьях. Ему быстро привели столько беглецов, сколько иголок на ели. И

наконец в Турфане, на восточных предгорьях Тянь-Шаня, золото династии Суй было найдено. Теперь оно попало в главную крепость Тайцзуна – Чанъянь. Ещё немного – и золото увезли бы по шёлковым тропам через Урумчи, Манас в долину, а потом и дальше... Тех, кто прятал золото, по приказу императора закопали в землю. В Поднебесной настал мир. Пришло время процветания...

Закончив рассказ, Рагдай потянулся, с хрустом расправив плечи. Имр ещё некоторое время перебирал струны, затихая, словно убаюкивая мелодию:

– Клянусь Фрейей-сказительницей, хорошая сага. Только вот имена сильно режут слух. Как лай собаки. Но там, на краю земли, наверное, и должно быть так. Наверное, люди там трёхрукие и трёхглазые, летают на драконах, дружат с ётунами и цвергами, а по ночам пьют кровь младенцев.

– Да. Я однажды видел настоящий шёлк, – согласился Йеран, вставая, чтоб размять затёкшие ноги, – на нём красные драконы и лица без глаз, только дуги бровей на лбах.

Дом ярла наполнился чавканьем, урчанием разливаемого вина и медовухи, хрустом луковиц и разгрызаемых куриных костей.

– Странно, почему они называют себя Великой Поднебесной, – сказал Йеран, медленно прохаживаясь вдоль стола, – ведь они ближе к Хелю, царству мёртвых, и должны называться Приподземной.

Все расхохотались, даже черноглазая рабыня, и только Эйнар недоумённо пожал плечами:

– Не понимаю, а при чём тут сокровища Рейна?

Опять все засмеялись, кто-то, изнемогая от смеха, рухнул на пол.

Утирая слёзы, ярл Эймунд прорыдал:

– В том-то и дело, что золото Рейна тут ни при чём. Эта сага о том, как за тремя горами, тремя морями и тремя степями приходит и уходит время великих императоров. Да по сравнению с нами франконский король Дагобер, Альфред Английский, Гарольд Данский, король лангобардов Ротари просто карлики. Только император ромеев Ираклий ещё как-то похож на властителей Поднебесной.

– Да ещё, пожалуй, на Востоке, – кивнул Рагдай, зачерпывая ладонью кроваво-красную клюкву, – там каждый второй – Аттила и каждый свиреп, как хунну.

– Говорят, там одна женщина в день делает четверть куска шёлка, – сказал Овар, поймав наконец в своей бороде маленького паучка и заставляя его бестолково бегать по ладони, – мне бы пару таких рабынь, и через месяц можно было бы сшить шёлковый парус. Пурпурный. С драконами из огня.

– Кроме рабынь тебе потребуется ещё ведро шёлковых червей, что дают нить, – усмехнулся Бертил, поглядывая то на своих хмурых сыновей, то на Маргит и Вишену.

– Один торговец из Страсбурга, – осторожно заметил Эйнар, – рассказывал, будто император Ираклий, чтоб не покупать втридорога шёлк у персов, послал в Поднебесную отборное войско, добыть шёлковых червей. И вроде теперь имеет собственный шёлк. Клянусь Одином, мы бы тоже смогли сходить туда.

К его удивлению, никто даже не улыбнулся.

– От ромейской границы до дальнего моря девять месяцев пути. Отсюда до земель Ираклия, если идти на ладьях, три месяца. Всего в одну сторону ровно год. Туда и обратно два года, – сказал Рагдай и задумчиво склонил голову. – Можно, конечно, пойти. Но не многие вернутся назад. Клянусь всеми богами, жаль, что реки не текут с запада на восток, а только с востока на запад. Да и то у этих рек жёлтые лица, длинные копы и косматые лошади.

– О чём ты? – поднял брови Йеран.

– О реках, конунг. Сначала пришли готы, потом – гунны и авары, теперь болгары. И нет конца потоку. Я хотел бы увидеть исток этой реки.

– Идти туда? Это слишком, – отчего-то заволновался Вишена, – ты ведь говорил, Рагдай, что склавяне под началом Стовова собирают дружину на Рейн.

– Это так. И если нам не помешают боги, мы пойдём, – согласился Рагдай, – Стовов со своими людьми будет ждать нас в устье, во второй половине месяца трав. Только не говори, что ещё не решил. Ты всегда ждал такого похода. Ведь ты викинг!

Вишена хотел что-то возразить, но воины одобрительно загудели:

– За удачу великого похода! За славного конунга, берсерка Вишену! За ярла Эймунда, хозяина гостеприимного крова!

– Хорошо, я буду думать над твоим предложением, Рагдай. – Вишена поднялся со скамьи.

– Да о чём тут думать-то? – Эйнар тоже поднялся, намереваясь выйти вместе с ним, но Вишена остановил его.

Всё, что потом произошло, показалось Вишене сном из грохочущих мгновений. Медленных, гулких, неотвратимых. Он вышел, чувствуя за спиной лёгкие шаги Маргит. Повинуясь её шёпоту, свернул направо, к навесу перед кузницей. Там обернулся и обнял её:

– Мне не хочется уходить отсюда, Маргит. Но прошу тебя, не веди себя так, словно мы уже помолвлены. Дай мне свободно делать выбор. Клянусь нитью богини Инн, наши судьбы уже соединены!

Он поцеловал девушку в горячую щёку и ладонями отвёл назад её волосы, упавшие из-под перевязи. Маргит смотрела на него испытующе и подозрительно. Отражённые звёзды неверно мерцали в её глазах.

– Отпусти меня, – сказала она так громко, словно это должен был услышать ещё кто-то, – отпусти или я позову на помощь!

В голосе девушки был испуг, надежда, радость и отчаяние. Одновременно её била дрожь.

– Да что с тобой, Маргит? – Вишена отпрянул от неё, но не увидел на лице девушки ни признаков помешательства, ни действия колдовских трав.

Неподалёку возникли и стихли, удаляясь, голоса Эйнара и Сельмы, служанки Эймунда. Где-то очень далеко, в скалах завыл волк, и вслед за этим луна ушла за облака. Из темноты двора возникли две тени. Одна из них властно приказала:

– Отпусти её и следуй за нами!

– Ты опозорил нашу сестру и должен быть осуждён общим тингом Ву, – добавила другая, и тени приблизились.

– Эрик и Акара? – Вишена отпустил девушку и отступил под навес, досадуя на свою неосторожность. – Маргит, это очень походит на западню, клянусь Одином!

– Да, Вишена, а хоть бы и так! Братья хотят, чтобы ты объявил о нашей помолвке. – Маргит коротким движением выдернула шнуровку ворота платья, и её полная грудь обнажилась. Взлохмаченная, растерзанная, с блуждающим взором, теперь она и впрямь стала похожа на жертву. – Пойдём, это нужно сделать сейчас!

– Не упрямясь, Вишена. Род Бертила имеет много земли и золота, – сказал Акара, надменно задрав подбородок, – тебе, безродному, это честь. Клянусь Инн и её путеводной нитью.

– погоди, не зли его, – перебил брата Эрик, – пусть он опомнится. Благодарю богов, что его меч остался под трапезным столом.

– Да погляди, он жмётся к горну, как испуганный пёс, – Акара обидно рассмеялся, – хватит. Хватаем его и ведём. Правда на нашей стороне.

Вишена лихорадочно выискивал глазами хоть какое-то оружие, но всё было не то и не годилось для боя: дубовое ведро, крупное берестяное сито, обломанная рукоять от лопаты, горсть мелких гвоздей, короткие клещи и молот, слишком тяжёлый, чтоб с ним можно было свободно передвигаться.

Он видел, как Акара сделал шаг навстречу, а Эрик, вздохнув, начал вытягивать меч из ножен. Маргит же закрыла глаза рукой и отвернулась.

– Это подлость, недостойная воинов. Даже женщине это непростительно. Слышишь, Маргит? Я ненавижу тебя, волчица! – Вишена наконец увидел в траве то, что могло стать смертельным оружием. Справа валялись несколько подков. Он схватил три из них и спокойно продолжил: – А впрочем, ладно, пусть будет так, как хотят боги. Правильно, Акара?

– Ну, вот и хорошо, – удовлетворённо кивнул Эрик, – видимо, Один вразумил тебя.

Он всунул обратно до половины вынутый меч. В этот же миг Вишена крутанулся волчком и из его руки молниеносно вылетел свистящий веер из подков.

– Ха... – Голова Акары дёрнулась назад, словно он на бегу ударился лбом о притолоку двери. Он сделал несколько шатких шагов, пытаясь сохранить равновесие, и рухнул, раскинув руки, прямо под ноги Маргит. Ещё не упала на землю последняя подкова, а Эрик уже обнажил меч и выставил его перед собой. Но Вишена, не обращая внимания, как порыв ураганного ветра двинулся на Эрика и мощно ударил его плечом в грудь. Они оба рухнули на каменистую землю двора.

– Сюда! Сюда! – Ужас наполнил душу Маргит, она рванулась прочь, чувствуя, что Вишена уже поднялся над телом Эрика и смотрит ей в затылок.

В доме ярла Эймунда было всё ещё шумно, хотя кувшины давно опустели, жаркое превратилось в груды костей, а языки рассказчиков не ворочались от хмеля и усталости. Одни спали, уткнувшись лбом в доски столов, другие говорили громко и бессвязно, каждый о своём. Рагдай учил Йерана кидать монету так, чтоб она всегда падала на одну и ту же сторону. Рядом красный от натуги Свивельд уже в десятый раз сгибал и разгибал железный вертел. Ацур и Креп восхищённо смотрели на это и загибали пальцы. Сидящий напротив них Бертил, который должен был по спору получить кольцо Свивельда, если тому не удастся за двадцать раз сломать вертел, время от времени толкал локтем мальчика, что сидел рядом с ним и отчаянно зевал:

– Не спи, Ладри! Лучше сходи погляди, где Акара и Эрик. Что-то их давно нет.

– Иду, отец. – Ладри кивал, привставал, снова сонно плюхался на скамью и каждый раз после этого спрашивал: – А можно я тоже пойду с Вишеной на Рейн?

– Ладри, сходи погляди, где твои братья. Ты уже злишь меня! – Бертил ухватил его за ухо, но тут же выпустил и досадно поморщился. Свивельд всё же сломал вертел.

Бертил выложил на стол перед собой кулаки, похожие на молоты: на каждом пальце было массивное кольцо или перстень.

– Выбирай, Свивельд. Ты выиграл спор.

– Бери вон то, с головой змеи, на правом мизинце. Хорошее, редкое кольцо сирийской работы... – шепнул Свивельду Ацур, и тот согласно кивнул.

Бертил с трудом скрутил кольцо с пальца и бросил его через стол в раскрытую ладонь победителя, но тот, как и все, уже обернулся к двери.

– Убийство! – Маргит остановилась на пороге, растерзанная, безумная, злобная, как Валькирия. – Убийство, что вы сидите!

В наступившей тишине было слышно, как ударились и покатились по столу кольцо, не пойманное Свивельдом, как потом упало оно на земляной пол.

– Кто убил? – спросил Эймунд, очнувшись от дрёмы.

– Акара и Эрик, сыновья Бертила, мои братья.

– Кто убийца?

– Вишена Стреблянин из Страйборга, – Маргит потупила глаза, – он напал на меня, братья вступились, и вот...

– Это неправда! Быть того не может! – Рагдай вскочил и развёл руки, словно призывая всех в свидетели. – Вишена не мог этого сделать!

– Сядь, чужеземец. Здесь я хозяин. Это мои люди. Это мой дом. – Ярл Эймунд злобно скрипнул зубами. Пошатываясь, поднялся со своего высокого, похожего на трон сиденья. – Вот, значит, как получается! Ночь, забытая клятва дружбы, неуважение к хозяину, убийство!

Бертил с сыном и ещё двое воинов бросились на двор, но в дверях показался Эрик, волокущий на плече брата:

– Он напал на нас, когда мы вступились за честь сестры. Тяжело ранил Акару. Не знаю, выживет ли брат. После этого Вишена перелез через частокол у кузни и ушёл в лес, в сторону фиорда.

– Нападение произошло ночью. Это вдвойне нарушение закона. Эрик, ты должен отомстить. Убей его! – сказал Эймунд.

Маргит завывала, закусив губу, когда Эрик опустил брата на полати и все увидели страшную кровавую маску вместо лица. Люди ярла Эймунда стояли отдельно, люди Вишены – напротив. Их разделял стол и гнетущая тишина. Рагдай мягко отстранил Маргит и склонился над Акарой. Осмотрев его, он спокойно сказал:

– Я смогу через две недели поставить его на ноги, однако левого глаза не вернуть.

– Мы не нуждаемся в твоей помощи, склавянин. У нас есть свои врачеватели, – сказал ярл Эймунд. – Гости нарушили закон гостеприимства. Они должны уйти из Ву. Сvei и Йеран могут остаться. Мне жаль, что их появление совпало с этой кровью. Но клянусь богами, если люди Вишены попытаются укрыть, спрятать его, мы нападём и убьём всех. Завтра нас будет много. Эй, Имр, бери лошадь, скачи к Шлам-озеру, скажи, чтобы Хант немедленно шёл со всеми воинами сюда.

– Мы не хотим ссоры, Эймунд, – выступили вперёд Свивельд и Овар, – и мы знаем закон. Мы готовы заплатить богатый вергельд за своего конунга. Мы часто зимовали в Ву и ценим твоё гостеприимство.

Эймунд вопросительно покосился на Бертила, но тот был похож на разъярённого тролля.

– Нет, – мотнул Бертил седой головой, – только кровь. Только кровь! – повторил он. – Я тут ярл и лагман одновременно. Я знаю и говорю закон.

Свивельд пожал плечами, вздохнул:

– Что ж, мы идём на берег и с утра начинаем готовить ладью к отплытию.

– Я тоже уйду, – сказал Йеран, – мне нужно идти в Тролльберг. Через неделю моя свадьба. Мы уйдём на рассвете.

Йеран, прощаясь, вышел, и все с него последовали за ним.

Глядя, как люди Вишены, Рагдай, Креп и Ацур невесело покидают дом, Бертил подошёл к Эймунду:

– Они попытаются незаметно увести Вишену. Перед отплытием надо осмотреть ладью. А сейчас нужно послать кого-нибудь к их дому у фиорда. Вишена может прийти туда.

– Отец, прошу, не убивайте его! – Маргит плакала, растирая слёзы по щекам. – Мне было хорошо с ним. И мы, наверное, сможем ещё быть счастливы. Пусть его воины уйдут. Он останется и женится на мне. О боги!

– Замолчи. Я жалею, что разрешил Эрику и Акаре устроить эту ловушку. – Лицо Бертила утратило свирепость, он был уже просто уставшим, огорчённым стариком. – Вишена был один, без оружия. Видимо, боги вступились за него. Не нужно мне было слушать тебя, дочь. Ладно, что сделано, то сделано. Ладри, ступай незаметно за воинами из Страйборга и проследи, не придёт ли Вишена на берег.

Мальчик с готовностью кивнул и выбежал на улицу. После жаркого, дымного воздуха очага, после стенаний Маргит, стонов Акеры и слов, тяжёлых как камни, ночь обволокла его покоем. Тревожно озираясь по сторонам, Ладри видел умиротворяющий высокий небесный свод над головой, яркие звёзды, мерцающие белым и голубым свечением. Он ощущал величественную тишину, которая мягко бродила среди скал и высоких елей, окружающих Ву.

Миновав двор перед оружейной и костёр, около которого наготове сидели двое дружинников ярла Эймунда, мальчик свернул к воротам и увидел спины Рагдай, Ацура и Крепа. Дружинник уже начал закрывать за ними ворота, когда Ладри тихо окликнул его:

– Погоди, Дирк, выпусти меня.

– А-а... Ладри... Хорошо. За ними не мешает проследить, – ответил Дирк зевающим шёпотом и посторонился, – да хранят тебя боги.

Ладри двинулся вперёд бесшумно, избегая открытого пространства. Крался он рядом с тропой, отводя ветви рукой, и, не бросая, бережно возвращал их в прежнее положение. Даже если идущие впереди вдруг вздумали бы оглянуться, то они не увидели бы, как пляшут ветви в лунном свете, обозначая путь преследователя. Он ставил ногу как бы немного скользя, не сразу перенося на неё вес тела, не давая сухим сучьям под старой хвоей предательски треснуть. Он был готов замереть и стать тенью, если взлетит из кустов разбуженная им куропатка. Он крался, как зверь, и был так близко от идущих, что мог слышать голоса:

– Да где его сейчас найдёшь, Креп. Не знаю. Догадается ли он выйти к устью фиорда? Эймунд зол. Боюсь, его люди будут нас сопровождать всюду, до тех пор пока мы не выйдем в море.

– Вишена не так прост, Ацур. Его не затравишь, как дурного кабана. Клянусь небом. Он сейчас наверняка уже на берегу, мастерит плот, чтоб встретить нас при выходе из фиорда. А с людьми Эймунда мы справимся. Самое большое – ярл пошлёт за нами вдогонку лодку. Его ладья сейчас не готова, чтоб встать на воду. А что ты думаешь, Рагдай?

– Я думаю, он где-то рядом.

– Кто?

– И Вишена, и наш соглядатай.

– Согодатай?

Ладри застыл, но никто не оглянулся. Только разговор теперь вёлся на непонятном ему склавянском языке. Потом идущие остановились, и мальчик весь подобрался, раздумывая, куда лучше отступить, если чужеземцы решат обыскать ближайшие заросли.

Он тихо опустился на корточки, прошептал хвалу Одину за покровительство, гордый тем, что так ловко следит за опытными воинами, прекрасно видит и слышит их, оставаясь невидимкой.

Низко стелилась по земле дымка предрассветного тумана, гулко гукал невдалеке филин, высматривая мышь. От фиорда доносился дым костров и запах смолы, там стучали железом о железо, тюкал топор; люди Йерана и Вишены начали готовить ладьи. Чужеземцы всё ещё стояли на тропе, переговаривались.

Ладри начал терять терпение, ведь Вишена мог быть уже на берегу. Ему вдруг захотелось чихнуть, но он сдержался. На вытянутую от напряжения шею беззвучно сел холодный комар. Ладри хотел согнать его, прихлопнуть и тут с ужасом понял, что это не комар. Не в силах шевельнуться, он скосил глаза: так и есть. Нож. Широкий, стальной клинок касался его шеи под скулой.

Карлики-цверги?

Ётуны?

Великаны?

Духи леса?

Тролли?

Бесшумные, коварные, всеильные, злобные, безжалостные твари собирались отнять его жизнь?

Уволочь в бездонные пещеры, изжарить на вертеле, превратить в жабу, паука, высосать кровь?

Сейчас он увидит рогатую морду с каменными глазами и кривыми клыками, сейчас его обхватят когтистые лапы. Ладри хотел кричать, звать на помощь, пусть даже этих чужеземцев, беседующих о чём-то на тропе, хотел рвануться, побежать, но ног будто не было вовсе... И тут он почувствовал запах. Обычный запах меха, пропитанный дымом костра, запах чеснока, медовухи, квашеной клюквы. Он опять скосил глаза и увидел сначала соломенную бороду, а потом и всего Вишену Стрелянина.

– Это... – только и смог вымолвить мальчишка.

– Ладри? – Вишена спрятал нож и крепко ухватил маленького соглядая за воротник меховой куртки. – Следишь по указанию отца? Разумно. Эй, Рагдай, Ацур! Я нашёл! И, клянусь Фрейром, не один, а с довеском. – Вишена вытащил мальчика на тропу.

– Я не знаю, Вишена, что произошло между тобой, Маргит и сыновьями Бертила, но я знаю, что ты не мог поступить недостойно. Хвала Одину, ты невредим! – сказал Рагдай.

– Это так! – Вишена вздохнул. – Теперь уже нам никогда не зимовать в Ву. Бертил, наверное, ищет меня?

– Да. Эймунд не принял выкуп и решил, что Эрик должен отомстить. Хотя выбитый глаз Акары и твоя смерть не равноценны по закону Ранрикии, пусть даже это закон Арктура Стального, – сказал Ацур, и в голосе его послышалась злость.

– Так или иначе, но нам придётся утром уходить, если, конечно, удастся подготовить ладьи. Люди Эймунда наверняка будут следить за нашим отплытием и потребуют осмотра ладей.

– Хорошо. Я буду ждать вас у висячей скалы, что справа от устья фиорда. – Вишена поглядел на мальчика. – Вы три раза протрубите в рог, и я выйду к воде. А что делать с Ладри?

– После того как ты уйдёшь, мы возьмём его с собой и спрячем на берегу. Отпустим перед самым отходом. Хотя он не понимает по-склавянски и, конечно, всё то, что мы сейчас говорили, для него осталось тайной! – Рагдай наклонился к Ладри и перешёл на доступный ему язык: – Если ты дашь слово викинга и не расскажешь, что видел тут Вишену, и не будешь больше следить за нами, мы тебя отпустим.

– Я не ослушаюсь наказа отца. Я не могу дать такой клятвы, – тихо ответил мальчик, глядя себе под ноги и дрожа всем телом.

– Хорошо. Тогда сейчас пойдёшь с нами, – Рагдай выпрямился, – идём, здесь не самое безопасное место.

Они двинулись вниз по тропе. Пока Вишена подкреплялся хлебом и рыбой, прихваченной у Эймунда, Рагдай и Ацур затеяли спор о том, сколь велик мог бы быть выкуп за увечье Акары. Решив, что выкуп должен был получать не Бертил, а Вишена, как пострадавший от коварства Маргит и её братьев, Рагдай неожиданно сменил тему:

– Вы ещё не забыли мой рассказ? Про то, как императору Тайцзуну удалось захватить сокровища после многолетних поисков?

– Да, сага вышла славная, – кивнул Ацур.

– Так вот. Всё в этой саге – правда. Кроме одного. – Рагдай выдержал долгую паузу, словно сомневался в необходимости рассказывать дальше. – В Турфане золота не было. Оно ушло. Ушло по караванным тропам в Урумчи, а потом... След оборвался в Дертуме, на северной границе...

Вишена остановился и даже перестал жевать:

– Интересно, к чему ты ведёшь? И вообще, откуда ты всё это знаешь? Ты что, водил дружбу с властелином Поднебесной... Как его там зовут?

– Об этом после. Клянусь небом, пора нам расходиться, – ответил Рагдай, протягивая Вишене свой нож и котомку с ржаными лепёшками, – уже светает. А на берегу могут быть люди Эймунда. Тебе придётся идти до самого полудня, чтоб выйти к устью фиорда. Видишь, Вишена, боги решили за тебя. Тебе суждено идти со мной на Одру.

– Не дави на меня, – Вишена упрямо наклонил голову, – дай мне самому сделать выбор.

– Хорошо, хорошо, – улыбнулся одними глазами Рагдай, – думай. Но знай – это не конец, это начало пути...

Глава 4. Стовград

Стовов проснулся оттого, что нестерпимо чесался нос. Ему удалось разглядеть на кончике носа красноватого паучка, который то спускался к ноздре, то поднимался обратно. Князь подёргал щекой. Паучок осторожно приподнялся на невидимой паутине и затих. Стовов шумно зевнул и окончательно открыл глаза. Паучок, крутясь как веретено, стремительно вскарабкался на недостижимую высоту и исчез.

– Полукорм! – позвал он, поворачиваясь к брёвнам стены и натягивая на ухо покрывало из нежного соболиного меха.

Ему ответил храп и причмокивание, потрескивание остывающего очага и топтание крохотных мышиных лапок где-то под полом.

– Ветер, огонь, огонь... воды! Воды! Конь, мой конь! Помогите нам, Велес! Огонь, дайте пить! Я тону... – начал вскрикивать кто-то рядом.

Храп тут же прервался. Послышалась возня, и чей-то сиплый голос произнёс:

– Заткнись, Тороп, князя разбудишь, эй!

– Спасай коня... Что? Горим? А... Это ты, Ломонос. Чего тебе?

– Хватит орать, говорю.

– Полукорма сюда, – всё так же глядя в стену, повторил Стовов.

Полукорм не появлялся долго, и князь, разглядывая сучки на стене, уже стал терять терпение. Вдруг ему почудилось, что если он не поднимется в это утро, то завтра у Стовграда всё будет по-старому. Ладьи, стоящие на воде Вожны, окажутся на берегу без мачт, а снасти и снеди исчезнут, и не будет похода, не будет и этой преждевременной весны... Спокойно, без спешки он встанет, съест миску творога с мёдом, велит седлать коней и поедет охотиться с соколом к Волзеву капищу или к Журчащему Крапу. А может, затеет там, у Журчащего Крапа, веселый бобровый гон, с присвистом и трещотками...

– Князь, я пришёл. Зачем звал? – послышался вкрадчивый голос, запахло жжёной паклей и смолой.

На дворе, за стеной, отчётливо заблеяли козы, заорала баба, срывая голос: «Пошли, пошли, поганцы! Рогатые!»

– Ну как, Полукорм, загнали сохатого? – Князь накрылся покрывалом с головой, ещё находясь в полудрёме. Ему представился ясный и тёплый день. Сын Часлав рядом на добром сильном коне, лось, обессилевший от ран, но всё ещё грозный противник, готовый броситься на всадников и расцечь их рогами. Затем мелькнуло метко брошенное Чаславом копьё под восхищённые крики челяди...

– Какого сохатого? – Стало слышно, как Полукорм растерянно сопит и чешется.

– Уж все на берегу, коней на ладьи заводят. И вот ещё... Вернулся Линь, тот, кого ты посылал в Дорогобуж, к Оре. С ним пришёл и сам Оря, с пятью десятками стрельян. Они на лодках, для похода с нами.

Стовов довольно хмыкнул, резко откинул покрывало и сел взъерошенный, в измятой льняной рубахе.

– Во как. По-моему, вышло. Не посмел стрельбянский голова меня послушаться. Пришёл. И воинов мне заодно привёл. Ишь, Оря, сын Малка...

– Ага. Оря как узнал, что ты идёшь с Рагдаем и Вишеной, так сразу и пришёл, – поддакнул Полукорм, не понимая, почему после этих слов у князя сузились глаза. – Поначалу Оря отказывался. Хорошо, что он с нами будет. А то ещё пожжёт Стовград или на Каменную Ладугу двинется. А так у нас на глазах...

Умиротворение князя сменилось яростью.

– Прочь! И на глаза мои не попадайся, убью!

Выскакивая в дверь, Полукорм услышал, как разбивается о стену кувшин и осыпаются горохом черенки. На дворе он столкнулся с Семиком.

– Ты что, Полукорм, лешака увидал?

– Нет, только сказал князю, что пришли стреляне. А он как заорёт: «Убью!!» Бешеный совсем...

Полукорм побежал к воротам. Тем временем на пороге избы показался босой Стовов, поигрывающий плетью. Он быстрым взглядом окинул своих воинов, улюлюкающих вслед Полукорму. Семик шагнул вперёд.

– Заходи в дом, рассказывай, что как. – Князь вошёл в избу.

Девушка-рабыня принесла воду.

– Рагна, а ты есть давай и рубаху праздничную. Живее.

Пока рабыня выставляла на стол козий сыр, свежие просыяные лепёшки, мочёные грибы, клюкву, остатки вчерашнего жаркого, Семик поливал князю на руки.

– Утром сам оглядел все паруса, вёсла, всю бечеву ощупал. Слава Велесу, всё хорошее, ладное. Взяли два десятка кадок муки, по бочке клюквы и грибов, четыре туши солонины, семь десятков кос чеснока, да короб редьки, полсотни гусakov, три десятка несущек да десяток поросят живём, четыре дойных козы...

– Сколько всего коней? – побряхывая от ледяной воды, спросил Стовов.

– Всего по восемь на ладью, возмём четыре с половиной десятка, – ответил Семик, ставя кувшин на лавку и подавая полотенце.

– Мало. Из двух с лишним сотен воев только полсотни всадников будет. – Князь вытер намокшую бороду и сел за стол, дёргая левым глазом. – Клянусь Дажьбогом, мало! – повторил он. – Может, потеснить людей-то, Семик?

– Да и так по два десятка воев на ладью пришлось. А полтески и вовсе по два с половиной десятка, – развёл тот руками.

– Садись. Поешь. – Стовов хлопнул ладонью по скамье рядом с собой. – Ладно, дело, считай, новое – лошадей на ладьях возить. То-то на ихней Одре подивятся. А полтески ничего, пожмутся.

– А почему дело новое? В позапрошлом лето дреговичи на Куяб ходили. Тоже коней везли.

– Так сколько от Пролодвы до Куяба¹, а сколько от Тёмной Земли до Одры... Соображай про время... То, считай, переправа просто длинная была, а тут дальний поход. – Князь без особого аппетита раскусил грудь жареного перепела и начал с хрустом жевать, чавкая и роняя крошки. – Стреляне-то, что с Орей пришли, запас имеют? Или рассчитывали на нас?

– Нет. Своё взяли. Они на шести лодках. Люд крепкий. Охотники.

– И то ладно. Конь-то мой засёдлан? Ладно... А княжич где? – Запрокинув голову и смакуя молоко, князь скосил глаза на свои одежду и оружие, разложенные на полатах, при этом удовлетворённо заметил, что меч лежит остриём к выходу. – Хорошо. Правильно лежит...

Князь облачился быстро: поверх той рубахи, в которой спал, надел ещё одну, белоснежную, шёлковую, с вышитым воротом, затем тонкую войлочную накидку до пояса и наконец кольчугу до колен, с подрезом спереди и сзади, чтоб можно было удобно сидеть в седле. Рукава кольчуги были по локоть и заканчивались рядом квадратных железных чешуек. Такими же небольшими пластинами был отделан ворот и низ кольчуги. Подпоясался наборным поясом, заткнул за него широкий, длинный нож с резной костяной рукояткой, навесил тяжёлый меч в красных кожаных ножнах. На плечи надел багряный парчовый плащ, подарок Водополка Тёмного, а на голову – железную шапку с полумаской. Плотные пригнанные пластины шапки были

¹ Куяб – по персидской географии X века (Гудуд ад Алэм) – древний центр русов на Верхней Волге.

украшены тонкой гравировкой: рогатые лоси, ноги которых обвивали многоголовые змеи. На лосиных рогах, касаясь друг друга распротёртыми крыльями, сидели соколы.

Клювы птиц были раскрыты к макушке шапки, из середины которой расходились волнообразные лучи солнца. Полумаска была ровной, с круглыми прорезями для глаз. Её наносник заканчивался у подбородка остриём, похожим на наконечник стрелы.

Князь поправил золотую бляху, скрепляющую на левом плече концы плаща, взял в руку булаву и тяжело шагнул к двери. Семик последовал за ним, неся красный княжеский щит с медведеголовой птицей. У самого порога Стовов обернулся к рабыне, которая глядела на красавца-князя:

– Слушай, Рагна. Если вернусь из похода живым, отпущу тебя на волю. Клянусь Дажьбогом. Молись за меня своим чуждинским богам. А если у тебя к тому времени сын родится, он будет мой, княжеский сын. Прощай, Рагна.

Девушка уронила лицо в свой локоть и вдруг зарыдала, то ли от счастья, то ли от горя. Длинные соломенные волосы её, рассыпавшиеся по плечам, вздрагивали и змеились, как струи водопада. Стовов и Семик, не обращая внимания на плач рабыни, вышли на двор.

– Ломонос, бери княжеский стяг, – сказал Семик и повернулся к Стовову: – Ты б, князь, дозволил Кирику жениться на этой Рагне. Неплохой он сокольничий, да и верен тебе. Не сегодня конечно, потом.

– Молод он ещё. Да и выкуп ему заплатить нечем, – зло ответил Стовов, принимая у Торопа повод коня и ставя ногу в стремя. – Рагна, она знатного рода. Отец её, Нилк, волх у чудинов. Ты знаешь...

Он взгромоздился в седло, упёр кулаки в бока, с шумом выдохнул из груди воздух:

– После вчерашнего пира что-то не по себе...

– Да, пир был добрый, – согласился Семик, наблюдая, как Ломонос вытаскивает из избы княжеский стяг, влезает с ним на коня и прилаживает его к стремени. – Боги остались довольны теми козами, которых убили на капище. В путь, князь?

– Тронулись, – кивнул Стовов, но, когда соратники ударили коней в бока, сам остался на месте. Через железные глазницы он смотрел, как кружатся над Стовградом голуби, суеются галки, степенно и осторожно перелетают с места на место грачи, уже покинувшие свои стаи.

Соломенные крыши, хвоя молодого соснового бора на холме, пожухшие остатки бывших сугробов были солнечны и особо значимы сейчас. Где-то тут искал Стовов знак, примету, предвестницу своей удачи. Но небо и земля были безмятежны. Перед княжеским домом стояли и смотрели в сторону Вожны деревянные фигуры Дажьбога, Стрибога и Велеса, почерневшие от непогоды. Высверленные зрачки их глаз были пусты и бесстрастны.

– Быть может, всё это и есть знак, – наконец сказал Стовов в пространство и ударил коня, – да хранят нас боги...

Выстукивая дробь по ещё промёрзшей земле и треща стягом, четыре всадника миновали проём надворотной башни и галопом пустились вниз по холму к реке, к ладьям – туда, где лошади раздражённо били копытами в зыбкие доски днищ, а увешанные щитами борта щетинились вёслами. Уже убирались сходни, прятались на груди обереги, творились напоследок заговоры от железа, воды, болезни, стрелы, отравы, оборотня, бешеной собаки, змеи.

Четыре сотни человек одновременно повернулись навстречу князю: волхи, воины, челядь, охотники, пахари, вольные и рабы, мужчины и женщины, старые и молодые – все вдруг оборвали смех, разговоры, плач. Потом разом закричали. Они ждали, они приветствовали его:

– Стовов и Совня, Стовов и Совня!

Клич долго носился вокруг. И, казалось, клич этот поднимает на воде рябь, разбрасывая облака, приминая сухой камыш, поднимая над чашами птичьей стаи.

Стовов въехал в середину толпы, расположившейся у самой воды, остановил и вздыбил коня перед волхами.

– Слушайте, люди! Боги ранним водополом указали: быть большому походу. Я и Мечек с бурундаями, и Хитрок с полтесками, и Оря со стреляными идём на Одру и ранее конца червеня не обернёмся. И быть без меня в Стовграде главным сыну моему Чаславу с младшей дружиной. А врагам моим нынешним и тем, кто придёт, скажу: «Если осмелятся напасть, то придёт к ним из Каменной Ладogi моя жена Бела с железными всадниками. И принесёт она смерть и огонь. А потом вернусь я!»

Стовову подвели княжича. Девятилетний мальчик исподлобья взглянул на отца, на его руки в кольчужных варьгах. Часлав покорно встал между этими руками и был втянут Стововом на холку коня. Он чувствовал себя неуютно и нервно кутался в крошечный плащ; его смущали скрещенные на нём взгляды, ослепляло солнце и оглушали слова отца.

– Теперь ты правишь в Стовграде и земле от Просуни до Моста Русалок. Слушай волхов и Струиня. Они скажут, как вершить суд, когда и как идти собирать дань. Если придут дедичи, укройся за тыном и вырежи их ночью. Ночью они глухи, как тетёрки на току. Если же придёт чужь – уходи к матери в Ладogu или проси помощи у Водополка Тёмного. С Ятвягой у меня мир, с морянами мир. Стреляне не восстанут, ведь Орю я беру с собой в поход. Кроме него стрелян может поднять только Претич из Дорогобужа. Но он сейчас тяжело болен. И никому не верь. С челнов и ладей, идущих по Вожне, бери дань и тут её не копи, отсылай к матери с надёжными людьми. Если у стрелян помёрзнут семена и нечем будет засеять палы, отдай им моё жито. Пусть потом вернут в два раза больше.

Стовов говорил уверенно, но мальчику казалось, что отец кричит, а все слышат и, понимая его слабость, замышляют бунт. Часлав уже ненавидел стрелян, опасался своих воинов и не верил волхам. Мальчик смотрел своими стальными, такими же, как у отца, глазами на толпу и не замечал, как люди под его взглядом бледнели... Стреляне, заросшие бородами, в шрамах от медвежьих когтей, в шкурах медведей, ловкие как куницы, хитрые как волки, отважные как ястребы, сжимали в заскорузлых ладонях костяные обереги и просили помощи у Матери-Рыси, не понимая, почему в этих до сих пор безмятежных глазах княжича появился беспощадный блеск стали.

Часлав не знал этого, он знал только, что, дождавшись конца проводов, он доберётся до своего укомного угла в доме и там зарыдает от страха и отчаяния, глотая горький ком в горле. Потом забудется тревожным сном и проспит до утра. А когда проснётся, рядом уже не будет ни отца, ни мудрого Семика, ни смешного Полуорма...

Стовов ещё что-то говорил Чаславу про курган у Медведь-горы, золотые гривны, тайно зарытые под левым углом княжеской избы, но мальчик не слышал его. Часлав пришёл в себя только от дребезжания железного листа, укрепленного на шесте под изображением Матери-Рыси, и заунывного пения волхов. Они стояли лицом на запад, перед ладьями. Один из них непрерывно бил резным посохом в железный лист, другой протянул руки к небу, третий держал в ладонях глиняный горшок, в котором дымно горела смесь еловой хвои, смолы и имбирь-травы. Волхи пели, а все слушали, так же обернувшись на запад:

*За дальними горами есть море железное,
на том море столб медный, на том столбу пастух золотой,
а стоит тот столб от воды до неба, от востока до запада.
Завещает, заповедует пастух золотой своим детям:
железу, стали, меди, олову, серебру, стреле и ножу, булавам и
топорам.
А завет всем богам младшим, богам иноверным и детям своим у
него такой:
усните в небесах, боги чужеземные,
уймитесь, злые ветры, железо и стрелы,*

*раздайся, путь перед людьми земли стрелянской,
земли склавенской, Тёмной Земли.
А тела воинства Стовова есть крепче камня Алатырь,
глаза зорче солнца.
Перун, Велес, Даждьбог, Мать-Рысь смотрят в их глаза,
земля тверда под шагом их коней, мягка, когда они спят.
Ветер Елим толкает их парус,
Стожарь-звезда указывает дорогу,
волки мохнатые и галки шумные оберегают их от засад...*

Под это пение все грузились в ладьи. Княжеская была на шаг шире остальных и на два шага длиннее, но и здесь было тесно из-за восьми лошадей, стоящих поперёк судна, бок к боку. Стовов подъехал с Чаславом к самой воде и оценивающе посмотрел на нос судна, который венчался деревянной медвежьей головой, выкрашенной сажей и натёртой жиром. Оскаленная пасть была раскрыта на северо-запад, туда, где через пять дней пути вверх по Вожне они должны были преодолеть волок на Сыч-реку, затем волок на Вольту, затем от устья Тивери дойти до Мсты, а затем по Волху-реке и Нове спуститься к Янтарному морю.

– Ну, чего ждём?! – рявкнул Стовов. – Мышец, дуй в рог!

Князь начал уже терять терпение. Волхи ещё долго пели.

Он опустил княжича на землю, сам слез с коня и передал узду Полукорму:

– На, веди на ладью.

– Князь, кормчим надо знать, как идти. Кто идёт первым? – Полукорм покосился на волхов. – И ещё они говорят, что много сил уходит, чтоб удерживать ладьи у берега без привязи, и что попутный ветер стихает. Как бы не пришлось идти до Просуни только на вёслах.

– Скажи им – первыми пойдут челны Ори Стреблянина. Пусть щупают дно и расталкивают льдины. Льда ещё много. Потом идут три мои ладьи, потом две ладьи бурундеев, затем две ладьи полтесков, – ответил Стовов и шумно выдохнул.

Волхи наконец закончили петь.

– Всё. Уходим. – Он пошёл по шатким сходням вслед за конем.

– Уходим!

Хриплый звук рога разнесся над холмом Стовграда, поблуждал над Вожной и утонул в буреломах лесов. С перекладин мачт упали и наполнились ветром льняные паруса, шесты оттолкнули берег, лопасти вёсел нырнули в воду, разворачивая на ветер низко сидящие ладьи. Кормчие налегали грудью на правила, перекрикивались.

На какое-то время ладьи сбились в кучу, закружились на месте, как потревоженные птицы, едва не соприкасаясь вёслами, но, достигнув середины Вожны, развернулись в линию.

Провожающие подошли к самой воде. Долго смотрели они, как выравниваются промежутки между деревянными головами на носах ладей, как мутная, серого цвета вода струится по свежепросмолённым бортам и белой пеной завивается вокруг вёсел, как солнце играет бликами на воде, шлемах и кольчугах воинов, на лоснящихся боках гнедых коней. Кто-то вдруг заплакал, запричитал, снова запели волхи, а княжич вдруг повернулся и отчаянно крикнул в толпу:

– Они вернутся. Они все вернутся!

Глава 5. Ветер Янтарного моря

Звуки флейты были нежны и прозрачны. Мелодия зависала трелью высоких нот в вечернем воздухе, ступенями соскакивала вниз, потом снова вверх, обрывалась и начиналась сначала. Флейтиста звали Бирг. Это был юноша с чёрными волосами, выющимися, как мелкое руно, на висках и затылке. Он сидел на борту ладьи, свесив босые ноги над водой, и зачарованно смотрел на горизонт – ровный, без привычной серой полосы берегов. Не видя кормы и носа ладьи, он остался один с флейтой, музыкой и водой пролива. За его спиной скрипела скрутками мачта, вздрагивал парус, вяло переговаривались Свивельд и Ингвар:

– Я тебе так скажу: если б я осматривал парус, то я уж увидел бы, что в него завернулся человек. Хоть и мальчишка.

– Ерунда. Этот малыш Ладри так худ, что я принял его за весло. Что тебе, жалко, Свивельд? Пусть он плывёт с нами. Много места не занимает, много воды не пьёт. Может, ещё станет викингом. А то все время своё просидит в Ву со своей полоумной сестрицей Маргит, криворукими братьями и отцом Бертилом, который, кроме своего поля и садков на запрудах, ничего не знает.

– Ты не понимаешь, Ингвар, – Свивельд, оглянувшись, перешёл на шёпот, – Вишена-то теперь для всего рода Бертила стал кровный враг. Маргит он испортил. Акаре выбил глаз подковой. И напоследок вроде как похитил этого вот Ладри, младшего сына Бертила. Удивляюсь, как он ещё ничего не сделал Мерте, жене Бертила, умершей три года назад.

– Что ты такое говоришь! Ладри сам влез на ладью и сам спрятался в парус!

– Клянусь всей пряжей Фрейн, этому не поверит ни Бертил, ни ярл Эймунд, ни общий тинг. Улыбаешься, Ингвар? Ничего смешного... Теперь нам больше никогда не зимовать в Ву. Такой был фиорд удобный. Всё так неудачно сложилось... Этот ещё, Бирг, в свою свистелку дует, того гляди, попутный ветер спугнет. Ну-ка, сейчас я его в воду спихну...

Но Бирг уже сам оборвал игру. Его отвлекли две чайки, камнями упавшие неподалёку, в серебряное пятно рыбьего косяка. Бирг будто очнулся и слез с борта на грудь вёсел. Теперь он снова увидел берега пролива, близкие скалы Птичьих островов, низкое красное солнце, нарезанное на полосы узкими облаками, дремлющих соратников, Рагдая и Вишену, неслышно говорящих о чём-то под головой дракона.

– Что перестал играть-то, Бирг? – невозмутимо спросил Свивельд, делая вид, что поднялся размять ноги.

– Флейта намокла, – ответил музыкант, – я её сделал из молодого ореха, что срезал в Армарике. Хороший звук, но быстро намокает от слюны.

– Это верно, – кивнул Ингвар, – у них там, в Армарике, всё быстро намокает. Что Ирларика, что Армарика, что ирландцы, что бритты. Туманные, скользкие и бесноватые. Нарисовали на каждой двери крест и думают, что над их болотами будет больше солнца. Пока на Белом берегу жили кельты, там было что взять. Теперь все кельты в Лангедоке, по другую сторону Белого пролива. У них теперь нечего брать. С одной стороны, из-за Мааса и Рейна, их резали саксы и фризы, с другой стороны Дагобер и его волосатые франки. Особенно те, что со среднего Рейна. Кончилось тем, что Дагобер пришёл в Аррас и сказал, что он теперь тут король, назначил графа и епископа, сложил громадный каменный дом с крестом на крыше, а кельтских конунгов привязал к хвостам диких коней.

– А кельты что? – отчего-то насунился Бирг.

– А что кельты? Бросили свой Аррас и ушли в Бротонские леса. Теперь, клянусь Одним, их там никто не достанет. Там места совсем глухие. Там на весь лес и было десяток одлей, да все вымерли во время прошлого голода.

– А Дагобер что? – с непонятной настойчивостью спросил Бирг.

Ингвар пожал плечами:

– А Дагобер... Забыл про них и принялся за фризов. Отнял у них Утрехт и Дорштадт. Заключил вечный мир с ромейским императором Ираклием и вломился в Богемию, вместе со своими данниками, тюрингами и алеманнами.

– И что?

– Знаешь, я устал от твоей флейты и твоих вопросов, – рассвирепел Ингвар, – я уже всё сказал. Слушай сам, что поют на пирах скальды. Всё там и узнаешь. Если запомнишь. Ты спроси ещё, что такое Нагльфар – корабль мертвецов.

– Я слушаю на пирах скальдов, только быстро засыпаю от вина и медовухи. – Бирг развёл руками.

– Клянусь Ториром, мне жаль тебя, – ухмыльнулся Свивельд. Он достал из своего узла вяленого карпа и принялся сдирать с него чешую. Содрав серебряные кружочки с одного рыбьего бока, оглянулся на Ладри: – Эй, Ладри, на поешь. – Он бросил мальчику в ладони рыбу и достал другую: – Клянусь Фригг, этот Ладри подслушивает разговор Рагдая с Вишеной. Совсем как его отец.

– Ну и что? Я тоже подслушивал на пиру у Эймунда, как наш Эйнар уговаривал Сельму, служанку ярла, пойти с ним на сено, в коровник, – пожал плечами Ингвар. – Было очень весело. Вот эти две чайки тоже подслушивают наш разговор, и им тоже весело.

Чайки, пронзительно крича, следовали за ладьёй. Они раз за разом ныряли за рыбой, глотали её, взмывали вверх, опираясь длинными, узкими крыльями на поток встречного ветра, кружились боком к воде и снова врезались в пологие, ленивые волны. Солнце тем временем уже коснулось полосы далёкого тумана, висящего над берегами Ютландии, пролив заметно сузился, и впереди показались чёрные скалы Змеинового острова.

– Вишена, если ветер не переменится, мы будем у Змеинового острова к полуночи! – крикнул через головы спящих Гельга. – Как будем его обходить, справа у Зеландии или слева у ётов?

Вишена, прервав беседу с Рагдаем, обернулся к кормчему, оглядел небо, потом посмотрел на Ладри, слишком уж сосредоточенно поедавшего рыбу:

– Идём вдоль берега ётов. Ночью лучше увидеть челны ётов, чем боевые ладьи данов, выходящих из засады. И фарватер там. клянусь Одином, больше подходит для ночного перехода.

– Хорошо! Как только пройдем остров, пусть кто-нибудь меня сменит, – ответил Гельга.

– Да. Тебя сменит Хринг. – Вишена махнул Гельге рукой и склонился к Ладри: – Ну что, беглец? Сначала следил за нами, а потом решил увязаться в поход? Учти, тебя никто не будет оберегать. Ты можешь погибнуть в первом бою. Если мы распорем днище о камни, тебя никто не спасёт. Что ты умеешь делать, как ты будешь нам полезен, чтоб мы кормили тебя? Клянусь Одином, если нам повстречается торговец, идущий обратно в сторону Греннлана или Ранрикки, я отправлю тебя домой. Если будешь упрямиться, продам в рабство фризам за мешок овса или отдам склавьянам. Они тебя съедят.

Малыш Ладри съёжился и перестал жевать. Его белые ресницы задрожали, а босые пальцы ног поджались, как от мороза.

– Я... я не хочу. Я умею красться тайком.

– Ну, это я знаю. Ты идёшь тихо, как лис, но при этом сам становишься глух, как камень. – Вишена придал лицу грозное выражение.

– Ещё я немного знаю фризскую речь, – робко сказал мальчик.

– Я и сам её знаю.

– А ещё я могу пролезть даже в самые узкие расселины между камнями.

Вишена озадаченно повернулся к улыбающемуся Рагдаю:

– А я, наверное, не пролезу там, где не пролезет рысь.

– Вот видишь, значит, он может нам пригодиться, – сказал Рагдай и, помедлив, добавил: – Ладри, ты ведь слышал, о чём мы сейчас говорили с конунгом Вишеной?

– Нет, не слышал.

– Слышал. Так вот, иди на корму, к Гельге. И никому ничего не рассказывай. Хорошо? – Рагдай зябко закутался в шерстяной ромейский плащ. – И вот ещё. Разбуди вон того воина, что спит прислонившись щекой к мачте. Это Ацур. Пусть он даст тебе сандалии и обмотки. Обуйся. Ночью будет холодно.

– Рагдай, а правда, что ты был в Миклгарде и видел императора Ираклия? – Мальчик поднялся, подтягивая штаны, и восхищённо разглядывал тонкую вышивку золотой нитью на вороте рубахи склавянина.

– Видел я Ираклия. И сенаторов видел, и порт с каменными причалами. Там очень большие причалы. А бухту на ночь там перегораживают цепью.

– А правда, что у ромеев есть огонь, который может сжечь ладью, пока летит эхо над водой?

– Ладри, иди на корму, к Гельге. До острова ещё далеко, и он успеет тебе рассказать про мировой ясень Иггдрасиль, про волка Фенрира и войну богов асов и ванов, – сказал Рагдай и повернулся к Вишене: – Ладри – такой же зануда, как его сестрица Маргит.

Вишена задумчиво покосился на щуплую спину мальчика, пробирающегося к мачте через тела воинов, спящих в самых разнообразных позах. Ацур спал сидя, прислонясь щекой к мачте и обняв её руками, Эйнар сжался в комок, словно был ранен в живот, Хринг и Вольквин лежали вытянувшись как брёвна, Овар положил затылок на спину Торна и закрывал глаза локтем...

– Зануда она, моя Маргит. Коварная, – опустил глаза Вишена. – Но я хотел бы снова видеть её. Клянусь Фригг. Но да ладно... Так что ты говорил про золото Суй? Оно досталось ромеям? Или персам? Не пойму.

– Оно не досталось ни тем ни другим, – ответил Рагдай, опираясь на чешуйчатую шею деревянного дракона. – Об этом я тебе и хочу рассказать.

– Говори, говори, – тряхнул головой Вишена. – Ты всё время обрываешь рассказ, и всё время получается, что самого главного ты не сказал. Клянусь всеми богами, это плохо!

– Да. Обрываю. В первый раз я не успел тебе всего рассказать, потому что ты полетел за Маргит на крыльях любви и закончил всё дракой с её братьями. Второй раз тебе нужно было прятаться в лесу, как дикому зверю, и торопиться к Висящей скале, чтоб мы тебя могли подобрать далеко от глаз людей Эймунда. Тебе всё некогда, конунг. – Рагдай только развёл руками.

– Говори. – Вишена закусил губу от нетерпения. – А то и теперь не успеешь. Вон, впереди два паруса. Пока не видно, куда идут. Но может оказаться, что это даны, идут навстречу и нам придётся принимать бой.

Вторя ему, с кормы крикнул Гельга:

– Вижу два паруса, выходящие из-за острова. В какую сторону идут – ещё не ясно.

– Начну с самого начала, но про другое. – Рагдай увидел, как на лице конунга появляются одновременно удивление и подозрение. – Слушай. Прошлым летом, по-ромейски в июлий месяц, по-варяжски в месяц солнца, мне, княжичу Чаславу, Ацуру и Крепу пришло время покидать Константинополь. Я с Крепом много ходил по причалам, рынкам и складам, разыскивая купца, который шёл бы в Херсонес и оттуда по Днепру до Куяба. Многие сирийцы и иудеи намеревались идти к Куябу, а оттуда в Янтарное море из-за аваров, перекрывших Донай в среднем течении, но купцы просили не меньше двух десятков золотых безанов с головы. Они кричали, что мы занимаем места столько, сколько пятьдесят кусков шёлка или дюжина амфор с оливковым маслом, и должны покрыть их убытки. Но я нашёл человека, который купил большую лодку под косым парусом и хотел идти в Куяб. Он был один и искал попутчиков. Звали его

Эгидий, монах из владений папы – из Нарни, что в трёх днях пути от Рима. Он был очень напуган. Знаешь, как дрожит, вертит головой и топорщит ноздри матёрый олень, учуявший зимой стаю волков? Как слезятся его глаза? Сначала Эгидий решил, что мы подосланные убийцы. Только языческие проклятия Ацура и искренний смех княжича разубедили его. Монах жил под бревенчатым причалом у южной стены города. Там же стояла его лодка. Мы с ним много говорили. Он прошёл всю Галлию, начиная от Басконии, через Прованс, Бургундию, Аквитанию, Нейстрию и Австразию до Фризии и Саксонии. Спускался по Даная до самой Богемии и говорил с Само, королём моравов, чехов, полабов. В плену у аваров он видел, как те впрягают в телеги моравских девушек вместо лошадей. Он был странным, этот Эгидий. Не купец, что идут через реки и горы ради наживы, не проповедник, потому что едва знал Евангелие. Но разбирался в ядах, метал ножи, как Один молнии, и мог раздавить двумя пальцами грецкий орех. Кого страшился и почему хотел бежать в Куяб, он не говорил...

– Это торговые ладьи! – облегчённо крикнул с кормы Гельга, прервав рассказ Рагдая.

Солнце уже скрылось за утёсами Ютландии, последними лучами подсвечивая туман и низкие облака, ставшие пурпурными, словно там за Фризским морем горели Армарика и Шотландия. Со стороны Змеиного острова медленно шли на вёслах и под парусами, с трудом лавя в них почти встречный ветер, две небольшие ладьи.

– Держи на них, Гельга. Узнаем, откуда они плывут и куда. – Вишена наступил на колено тут же проснувшегося Вольквина и приказал ему: – Буди всех, пусть только торговцы посмеют не остановиться и не рассказать нам всё, что знают.

– Даны? – Вольквин пошатываясь подобрался к борту и уставился в сизые сумерки.

– Нет, торговцы. Скорее всего, фризы или сирийцы, – отозвался с другого борта Сви-вельд, зачем-то надевая шлем. – Будем захватывать? – Он присел и принялся расталкивать Овара и Торна.

– Нет. Только говорить. Но надо быть настороже в этих местах, клянусь Фрейей, – ответил Вишена и повернулся к Рагдаю: – Продолжай про монаха. Я пока ничего не понимаю.

– Слушай. Эгидия убили за день до того, как мы решили отплыть из Константинополя, – сказал Рагдай, наблюдая, как варяги просыпаются, тянутся хрустя костями, пьют воду из бочки, ныряя туда с головой, а Торн, кряхтя, усаживаясь на борт, свешивает задницу над водой и, блаженно улыбаясь, справляет нужду.

– Мы были в толпе у ипподрома. Ждали начало скачек, на которые должен был приехать сам император. Скачки, Вишена, – это когда лошадей впрягают в лёгкие двухколёсные повозки и они мчатся наперегонки. Тот, кто приходит первым, получает славу и золото. Собралось столько людей! Ромеи, сирийцы, иудеи, склавены, тюркуты... Там был весь мир! Ждали, что император будет бросать серебряные монеты. Кого увидел в толпе Эгидий, я не знаю. Он побежал, что-то крича... Было шумно... Когда проехал император, монах лежал, весь в крови от ударов ножа. Никого рядом не было. Он только шепнул: «Уходите... Они убьют и вас...» Со мной был Креп. Он поднял Эгидия на плечо и понёс. У городских терм я увидел, что за нами идут трое в тёмных одеждах. Пришлось лезть на акведук и идти по колено в воде, а потом спуститься под землю. Они не отставали. Но мы перехитрили их, спрятавшись в развалинах.

Эгидий умирал. У него было семь ран на груди и животе, он истекал кровью и пеной. Клянусь небом, это была страшная смерть. Мучилось его тело, и мучился его дух. Он шептал: «Рагдай, я не люблю тебя, я презираю людей, я ненавижу папу Григория, его золото и его убийц. А больше всего – епископа Бэду. Это он правит той тайной канцелярией, перед которой квесторы Калигулы – просто младенцы. Их люди везде. Они убивают...»

– Зачем ты мне всё это говоришь? – Вишена недоумённо пожал плечами. – Один Все-могущий! У меня в голове брюквенная каша. Ты устал, Рагдай. Выспись, но потом, когда спросим торговцев. Пусть тебе приснится Один, дарящий кольца. – Конунг поставил ногу на

борт и принял величественную позу, его хорошо было видно с торговых ладей, которые подошли уже совсем близко.

– Хорошо, – сказал Рагдай, поморщившись от резкого звука рога и крика Свивельда:

– Эй, вы, на ладьях! Вёсла из воды! С вами будет разговаривать конунг Вишена из Страйборга!

Рагдай сел на борт рядом с Крепом:

– Наш Вишена идёт за несметными богатствами, ведёт за собой людей и даже не хочет слушать, чьи эти богатства, где они лежат и с чем ему предстоит столкнуться. Клянусь небом, мне кажется, он теперь совсем другой.

– Нет, кудесник, он тот же Вишена, что был и три лета тому назад, в Тёмной Земле. Ты просто отвык от него, – ответил Креп и, подняв глаза к небу, добавил: – Я плохо знаю мореходство, но мне кажется, ветер прибавляет слишком быстро.

Рагдай оглядел низкие, плотные облака, выползающие из-за скалистых утёсов Зеландии, подставил лицо холодному ветру, прижал ладонью покотившееся от борта к борту берестяное ведёрко с рыбьей шелухой и вздохнул:

– Да, похоже, ты прав, шторм неминуем.

Тем временем купеческие ладьи оказались совсем рядом. Подняв вёсла вертикально и развернув паруса вдоль ветра, они сразу остановились. Тюки с товаром, укрытым рогожей, оставляли место лишь для гребцов и нескольких воинов на носу и корме. Балахоны, отливающие золотой нитью, чёрные бороды, шапки, похожие на перевернутые ведра, украшенные цветастой тесьмой, длинные изогнутые ножи за накрученными поясами выдавали в них сирийцев.

– Да хранит вас Господь! – крикнул один из них по-ромейски, поднимая ладони к небу.

Остальные тем временем вынимали из-под рогожи короткие луки, гребцы выставляли вдоль борта прямоугольные щиты, не складывая, однако, вёсел, готовые в любой момент снова бросить их в воду и пуститься в бегство, ибо намерения норманнского конунга были им не ясны.

– Я торговец Туриот из Хасини! – крикнул один из сирийцев. – Везу оливковое масло, перец, ладан, ткани и вино из Газы. Иду в Тенненберг. Чем я могу услужить славному воину?

Вишена обернулся, выискивая глазами Ацура:

– Что он говорит? – и, пока Ацур переводил сказанное, продолжал внимательно осматривать свою ладью, пока наконец не заметил за клетями с курами нечто бесформенное, завернутое в шкуру. – Ага, вот он где, этот Ладри. Ну-ка, иди сюда. Иди, я вижу тебя! А ты, Ацур, спроси торговца, были ли они в Шванганге и кто теперь сидит в устье Лабы.

Пока Ацур с трудом объяснялся с сирийцами, пока Ладри бледнел от мысли, что Вишена сейчас его пересадит к этим чернобородым торговцам и отправит в Тенненберг как груз или, ещё хуже как раба, пока Рагдай и Креп убеждали конунга не отсылать мальчика, стемнело окончательно.

Звёзды, проступившие над проливом, тут же исчезли за пологом плотно сомкнутых облаков. С юго-запада навалился упругий ветер, ударил в борт, заставил Гельгу повиснуть животом на кормиле, удерживая ладью от разворота. Ингвар, Эйнар и ещё двое сноровисто освободили концы паруса и завели его вдоль ветра, чтоб уменьшить давление на громадное полотнище. Затем они принялись затягивать его на перекладину мачты, на которую уже взгромоздился Свивельд, готовый подвязывать парус.

Истошно завопили сирийцы, их ладьи опасно сблизились, то вразнобой, то одновременно качаясь на водяных холмах.

Чтобы избежать столкновения, им пришлось упираться вёслами в борта и отталкиваться друг от друга, пока не были убраны паруса и кормчие, получив подмогу, не смогли снова управляться с грузными судами. Вместо прощания они запели молитву, больше похожую на заклинание, чем привели в бешенство Гельгу.

– Не мешайте Одина со своими проходимцами, серомордые! Ты слышал, Рагдай, Одину больше делать нечего, как спасать сирийцев от бури!

Рагдай хмыкнул и похлопал по плечу Ладри, который до этого прятался за его спиной. Мальчик был единственным, кто обрадовался начинающейся буре. Теперь уже нельзя было отправить его с торговцами в Тенненберг.

– Вишена, что делать, идти в пролив или искать место, чтоб пристать к берегу? – перекрывая вой ветра и гул прибоя, закричал Гельга, которому теперь у кормила помогал Хринг.

– Слишком темно, чтобы подходить к подветренному берегу. Будем огибать Змеинный остров. Все садитесь за вёсла и выпустите их за корму вдвое короче обычного, иначе мы их потеряем. Нужно, чтоб мы могли быстро поворачивать от камней или на волну! – Вишена был сосредоточен и встревожен. – Не нравятся мне эти ютландские проливы. Ветер всегда налетает вдруг, неожиданно. Даже Локи и Хеймдаллю, для того чтоб биться в этих местах за ожерелье Брисингов, пришлось превращаться в тюленей.

– Да нет, Локи и Хеймдалль бились у камня Сингастейн, что недалеко от Вестеролена. Это совсем в другом месте. Клянусь всеми дарами Фрейи! – отозвался Эйнар, сидящий вместе с Биргом у правого борта, за ближним к носу веслом.

– Совсем не у Вестеролена, – вмешался Ингвар, сидящий у левого борта. – Камень Сингастейн лежит под водой у устья Согне-фиорда. Это все знают.

– Да что ты говоришь, Ингвар! – возмутился Эйнар. – Ты путаешь. У Согне-фиорда Локи поймал сетью карлика Андвари, плавающего в облике окуня, и отобрал у него золото, на которое Андвари наложил заклятие.

– Нет, у Согне-фиорда!

– Нет, у Вестеролена!

Волна ударила в грудь ладьи, разбилась, поднялась к драконьей голове, наливая пену, и рухнула внутрь, накрыв спорящих и всех остальных.

– Началось. Да хранят нас боги! – крикнул Вишена, вцепляясь в борт. – Пусть все свяжутся верёвками по двое.

Ещё одна волна пронеслась над ладьёй, смешав в одну кучу людей, пожитки, клетки с курами.

Берега исчезли.

Если они и существовали теперь, то только в воображении Гельги и тех, кто был с ним у кормила. От них теперь зависело всё и не зависело ничего. Вокруг ладьи с тяжкими вздохами поднимались и опадали стены пенной воды. Ладья то падала в бездну, так что люди не чувствовали своих тел, то взлетала к самым облакам, где её не доставали даже брызги. Она то кренилась и дёргалась, как поплавок, захваченный рыбой, то содрогалась, трещала, и никто не мог с уверенностью сказать, куда и как – бортом, кормой или носом – она плывёт. Беспольные вёсла были брошены и придавлены телами. Срезанный Свивельдом и Оваром парус обрушился вниз мокрой тушей и едва не развернулся, утаскивая за борт сразу пятерых. А Свивельд и Овар, обняв переладины, ещё долго не решались перебраться с неё на гнущуюся мачту и сползти вниз. Черпать и лить воду за борт уже никто не пытался, её излишек сам выплёскивался, когда ладья кренилась на бок, едва не опрокидываясь. С трудом различая во мгле лицо Ацура и, не надеясь, что он услышит, Вишена дёрнул соединяющую их у пояса верёвку и крикнул:

– Чуешь звук, словно сталкиваются скалы! Это прибой! Пена теперь серая, и в ней щепки и ветви. Значит, мы в проливе между Змеинным островом и фризской Зеландией. За горловиной пролив расширяется, там волны будут меньше, и мы спасёмся! Если, конечно, так захотят боги...

– Ты не дослушал, что рассказывал тебе Рагдай. Он кудесник! Колдун! – проревел Ацур. – А может быть, это Маргит в Ву послала тебе вслед проклятие. А может, Один гневается на

Локи, который опять что-то украл и прячется в этих местах. Непростой это шторм. Ромеи называют такой шторм Слезами Девы Марии...

Ладью ещё бесконечно долго швыряло и встряхивало, но вот наконец что-то неуловимо переменилось в вое ветра и грохоте волн. И тогда крик Гельги, истошный, свирепый, словно он в тяжёлом бою поразил насмерть кровного врага, заставил Вишену, как и всех, привстать, вглядываясь туда, куда простирал руку кормчий. В разрыве волн, сквозь клочья пены они скорее почувствовали, чем увидели чёрные скалы Змеиного острова, оставшегося за кормой.

Они спаслись.

Глава 6. Поход

Низкий, болотистый берег Новы-реки угадывался только по сухой щетине камыша... Сырой туман гнезился среди зарослей, клубился, стелился над водой, едва касаясь её, неохотно подчиняясь вялому ветру. К недалёкому Янтарному морю река несла редкие льдины и мёртвые деревья, которые тоскливо тянули к серому небу шупальца ветвей. Туда же мутный поток нёс и войско Стовова. В омутах не играла рыба, кругом тихо и мёртво, как в трескучий мороз. Ни птиц, ни зверья не было на лысых островках, созданных половодьем. Даже лошади стояли в ладьях недвижимо, свесив головы, без обычного недовольного храпа и взбрыкивания, только вяло били хвостами.

Молчали воины. В странной дрёме, витающей над этими гиблыми местами, только иногда вскрикивал стрелянин на впереди идущем челне. Нащупав шестом опасное мелководье, он предупреждал об этом остальных.

А ведь всё было иначе три дня назад, когда они, войдя в Волх-реку, пристали у высокого частокола Илеменя. Тогда, после тяжёлого сплава по Мсте, ещё забитой льдом и несущей ледяные обломки через земли злобной и дикой веси, они, веселясь, сбросили мостки, недалеко от заваленных товарами пристаней, и вывели разминать коней, в первый раз после волока на Вольге. Стовов наказал быть на берегу, не ходить по дворам, не шупать дулебских девок, не отнимать за бесценное добро у товаринов, не стрелять открыто дичь в лесу князя поволховского Чагоды Мокрого, не топтать пахоту и никого не убивать. Сам Стовов, взяв с собой Семика, Ломоноса и Скавыку, прихватил ворох бобровых и лисьих шкур и отправился верхом к главным воротам Илеменя, где за прибывшими наблюдали готовые к отпору воины Чагоды.

Сам князь ещё не вернулся с охоты, и Стовова встретил длинноротый старик, немногословный, не выпускающий из своих лап железную палицу. Ему отдали шкуры и десять гривен бели, как плату за проход по Волх-реке.

Кроме того, Стовов выставил вирнику и его воинам три кувшина яблочной браги на меду и пообещал кун и бели², если ему укажут надёжного кормчего, ведающего мелководья на Нове. Вирник, задобрённый больше вниманием знатного гостя, чем щедростью, повёл Стовова в свою избу. По бревенчатому мосту они перешли широкий ров, соединённый с Волх-рекой, миновали надворотную башню, сложенную в нижней части из гранитных валунов, а в верхней из громадных дубовых бревен. Стены Илеменя оказались двумя кольцами частокола, одно внутри другого, отстоящими на пять шагов друг от друга, а пространство промеж них было доверху заполнено землёй и камнями. Сразу за стенами, кое-где примыкая к ним, теснились срубы изб, конопаченные мхом, с узкими редкими окнами-бойницами и низкими массивными дверями. Избы стояли тесно. Промежутки между ними защищались тыном или воротинами, из-за чего город распадался на множество дворов-детинцев, способных отдельно обороняться от врагов или соседей. Стовов был несколько разочарован тем, что в сутолоке толпы его, князя, никто не приветствовал. Только раз он привлёк внимание немощного, но злобного дулеба, корове которого княжеский конь мешал пройти.

Канавы, прорытые для нечистот, распространяли тяжкое зловоние, однако питьевые колодцы были выложены камнями и тщательно ухожены, и даже украшены резными столбиками, изображающими бога Велеса и Водяного Деда. Пока Стовова вели к дому вирника, единственной постройке из камня в западной части города, князь насчитал три кузни, пять смолокурен, четыре ткацких двора и шесть больших жерновов, которые вращали быки.

Князь был поражён, когда вирник сообщил, что эта часть города бедна и мала по сравнению с восточной частью. Там, на другом берегу реки, стоят хоромы князя из белого камня,

² Кун и бели – древнерусские единицы ценностей.

там его кладовые, там живёт его дружина, челядь и рабы, правдаведы, волхи и золотых дел мастера, там большое капище Перуна и главное торжище. Оставшуюся дорогу вирник рассказывал, как в прошлый берзозоль у князя Чагоды Мокрого гостил князь полтесков Ятвяга и как после обильного хмельного пира они стали дарить друг другу рабынь, а потом вышли на берег и принялись разносить в щепы свои ладьи, похваляясь щедростью и богатством.

Растерзав жёлтыми, но ещё крепкими зубами нежного перепела под золотистой корочкой и опустошив первый кувшин, вирник начал говорить, как тяжело теперь стало в Илемене «поддерживать правду». Девять сотен дулебских семей, пять сотен семей веси, чудины белоглазые и ловати, а ещё товарины из Фризии, Ютии, Поморья, Царьграда, Куяба и Херсонеса: все что-то тащат, крадут, рубят княжеский лес, уводят коней, самовольно ставят избы у ограды – никакого с ними сладу нет. Князь каждую весну увеличивает виру за проход по реке. Сейчас начал брать уже десятую часть от обмена товара, назначил за убийство человека восемь десятков гривен, за раба пять, за уведённого коня три десятка. За обиду человека три десятка, за обиду гостя столько же. А им всё одно. Селятся и селятся. А чуть что – хватают ножи и дубины. Особенно стреляне и варяги. В драке из-за дочери одного кузнеца зарезали трёх варягов, привезших мечи с Реена. Так потом пришла их дружина за выкупом. А выкуп был пять сотен соболей, десять бочек мёда и по пять золотых безанов на каждого, кто пришёл. Пришлось зарезать их всех. Трудно стало жить в Илемене. Опять же весь дремучая беспокоит набегами, чужь приходит зимой по льду. Волхи местные и волхи из Куяба всё спорят, кто под небесами главенствует, Дажьбог, Перун или Ярило, и когда нужно петь хвалу Дажьбогу. А тем временем водяной, полянцы и кикиморы, не скованные нужными заклятиями, вспарывают челнами днища, убивают жаром на пашне и жгут чащи.

После второго кувшина яблочной браги вирник перестал вязать слова, а только плевал на земляной пол и важно кивал на ответные жалобы Стовова о том, что в Каменной Ладоге, в Просуни, Дорогобуже и Стовграде жизнь пошла не лучше. Закончилось славное вольное время, когда к северу от Мсты лежали спокойные земли, занятые только нечистой и безобидными комами, вооружёнными лишь дубинами и стрелами. Теперь варяги и дедичи заходят по Стоходу на Белое Озеро и каждый стрелянский старейшина, у которого в роду полсотни семей, а вервь обскачешь за два дня, норовит назваться князем и кого-нибудь обложить данью. Стовов говорил о шёлке, за кусок которого теперь приходится отдавать два десятка куниц, о мечях из Реенской земли, о двоежёнстве у веси, о соколах, просе, прядильнях и севе...

Когда вирник уже не держал голову, перед Стововым предстал тощий, покрытый язвами чудин, который вызвался провести ладьи через протоки и мелководье Новы. Через некоторое время люди вирника привели ещё одного кормчего, своего, и стало ясно, что чудин сам откуда-то узнал о намерении Стовова вести дружины прямо в Янтарное море. Став притворно ласковым и добродушным, князь выведал, что чудину известно и о его дальнем пути к устью Одры, в землю ютов и лютичей. Тогда по знаку князя Скавыка заломил чудину руки назад, Ломонос накиннул ему на шею ремешок, а Семик вытащил из ножен меч, на случай если люди вирника вздумают вмешаться. Полузадушенный горе-проводник поведал о том, как ютские товарины говорили на пристани о Стовове и Одре. Сам он много раз ходил со скучными ютами по Нове, а теперь решил пойти с князем, ожидая более щедрой платы. Посланный на пристань Скавыка принёс весть: юты зимовали в Илемене и хотели идти в свою землю не ранее начала травения, когда из дальних селений приходят охотники со шкурами, добытыми за зиму, а теперь товарины спешно готовятся к отплытию. Это привело Стовова в бешенство. Он разбил кувшин о голову чудина и, несколько успокоившись, подозвал недоумённого Семика и шепнул ему:

– Юты на одной ладье раньше нас дойдут до устья Одры, до своей земли, и упредят, что идёт склавянское войско.

– И что?

– Они устроят засаду и перебьют нас! Вот что! Надо немедленно идти на Ладож. Там среди камней мы подстережем товаринов и вырежем. Клянусь Велесом, нужно торопиться.

– А может, их тут, ночью? – Семик многозначительно провёл ладонью по гортани.

– Нет, я не хочу ссоры с Чагодой Мокрым. Это его гости, а нам ещё возвращаться через Илемень.

Пока юты осматривали и спускали на воду ладью, пока искали по сараям своего полумёртвого кормчего, Стовов уже шёл на вёслах к Ладожу и через два дня и одну ночь оказался на озере, прозрачном как слеза. Тут кончалась земля Чагоды Мокрого и его правда. Пристав с великой предосторожностью среди гигантских валунов, Стовов и его люди свели лошадей на сосновый берег и принялись поджидать.

Юты вскоре появились. Они торопились, шли на вёслах и под парусом. Двигались с песнями. Им навстречу вышли стрелянские челны. Помахали товаринам приветственно вёслами, встретились, разошлись и, оказавшись за кормой ютов, остановились, заперев им путь обратно в устье Волх-реки. После этого из-за камней вышли три ладьи Стовова. Юты поняли, что попали в засаду, налегли на вёсла, начали спасаться, лавируя между островками льда и камней. Они намеревались вырваться на северо-запад, вдоль побережья, к устью Свири. Несколько раз Стовов сближался с ними, пускал стрелы, бросал кошки, но юты отрывались, пока не напоролась днищем на острые камни. Тогда они отдались на милость победителя. Стовов взял знатного юта из Шванганга, которому принадлежала ладья, взял добротное франконское и реенское оружие, мёд, мех, много серебра в гривнах и украшениях, снял со всех ютов золотые кольца, цепи и ожерелья. Фризов и их гребцов из полабов, данов, чуди, а также рабов с видом благодетеля велел отпустить на берег, безоружных, разутых, а севшую на камни ладью утопить.

Однако, оказавшись вскоре у самого моря, Стовов огорчился, поняв, что ладью ютов можно было починить и пересадить в неё стрелян. Ведь когда все шли на вёслах, стреляне на своих более лёгких челнах передвигались быстрее, но, когда на ладьях ставили парус, они отставали, становясь обузой для всех.

*Ляда, Ляда, Ляда-лель-агарушек,
чёрен камушек, жених ей ворплут,
плетёный кнут... —*

нарушая тягостный плеск воды, запел кто-то на ладье бурундеев.

*По калиновым мостам – болотам шатается,
от Перунова горома к траве пригинается.
Он прощенья просит,
но не будет прощён за бесчестие Ляды,
за бесчестье богов.*

– Князь, а почему так: когда бурундеи говорят, я понимаю, а когда поют, не понимаю? – спросил Семик, сидящий рядом со Стововом на шкуре тура.

– Они сами не понимают эти древние песни, клянусь Велесом, – ответил князь, отрываясь от раздумий. – Кто такая была эта Ляда? Может, дочь Перуна, может, рабыня. Почему он мстил за неё? Говорят, что, когда Перун бился с великанами, из его раны родилось семь дочерей, семь дней. Но кто такая Ляда... – Стовов пожал плечами.

К полудню туман несколько рассеялся, и стали отчётливо видны острова в устье Новы. Над стрежнем лениво поднялись две чайки, и за ними потянулся сизый туман, больше похожий на дым костров. Тут громоздился ещё лед, остатки зимнего панциря Новы, Свири, Волха, Ладожи. Где-то тут в мучениях умирала снежноволосая старуха Студинита, чтоб через лето

возродиться юной девой с ледяным дыханием, в одеждах из инея. Угрожающие днищам камни, стволы и отдели теперь просматривались издалика, и стреляне в лодках уже не кричали об опасности, а затеялись догонять друг друга. Налегая на вёсла так, что трещали рубахи на спинах, они носились между ладьями, лавировали среди льдин, порой опасно о них ударяясь, стараясь накинуть на соперников удавку на шесте, вроде тех, с которыми охотились на лосей.

Несколько незадачливых стрелян вскоре оказались стянутыми в воду под хохот и прибаутки, а на сцепившихся лодках пошли в ход вёсла, шесты и кулаки.

Стрелянский вождь Оря, чернобородый, с запавшими глазами-щёлками, в своей неизменной волчьей шкуре, клыкастая голова которой служила шапкой, участия в потехе не принимал. Поставив ногу на борт, он со своей лодки следил, чтоб никто не утоп в ледяной воде, чтоб игрище не переросло в резню.

Это были охотники из леса Спирк, с Журчащего Крапа, из-за Болотова болота, что в ночном лесу брали рысь за загривок, предпочитали сырое мясо, заговаривали лунный свет, могли день сидеть под водой, дыша через соломинку, имели много жён, несколько жизней и выше всех богов ставили Мать-Рысь.

Если бы их привёл не Оря, сын Малка, то Стовов никогда не решился бы идти вместе с ними.

– Ну и головорезы. Клянусь Велесом, странно, что в Илемени они не устроили побоище, – только и сказал Семик, не без удовольствия наблюдая, как опечален пленный фризский товарин.

Фриз, который пообещал по прибытии в свою землю, в Шванганг, дать за себя Стовову большой выкуп и богатый пир, теперь ещё больше опасался за свои постройки, рабов и домоладцев.

– Не волнуйся. Ты нам нужен. Мы будем потом торговать тобой, – разъяснил фризу Стовов, – мы сумеем защитить тебя, клянусь Перуном. Но если твои сородичи в Шванганге попробуют тебя отбить, ты умрёшь, – добавил князь и отчего-то рассмеялся.

– Смотрите, смотрите! – Полукорм, стоящий на носу, вытянул вперёд руку, указывая на полуразвалившуюся ладью. На её замшелом ребристом остоле виднелись следы давнего пожара. – А вон ещё одна, слева, под водой. Гиблое тут место.

– Место не хуже, чем везде, – ответил Струинь, медлительный, вечно жующий смолу дружинник. Он от самого Дорогобужа был занят тем, что перебирал на новые ремешки пластинчатый панцирь князя. – Просто тут сходятся пути, идущие через Склавению. Скоро здесь будет не протолкнуться от ладей и челнов.

– А мне казалось, что все идут через Илемень. – Полукорм покосился на ловкие, хоть и толстые пальцы Струиня, который выхватывал из берестяного ведёрка одну кованую пластину за другой, продевал в их двойные прорезы узкие ремешки, подтягивал, примеривал, формируя стальную рубаху.

– Нет, Полукорм. Через Илемень идёт половина. Ведь есть ещё дорога через Свирь на Онегу и через Сясь. Если тут поставить город, то в нём будет самое богатое торжище в Склавении. Куда там Чагоде Мокрому, Ятвяге и Рацею Куябскому.

– Потихе, потихе, – вмешался в разговор Ломонос, – если князь услышит, клянусь всеми богами, вместо похода будем на этих болотах крепость рубить. Ему до сих пор не даёт покоя белокаменный дворец Чагоды.

Дружинники воровато оглянулись на корму, где Стовов задумчиво глядел на уплывающую из-под кормила мутную пену. Они все вздрогнули, когда князь, словно прочитав их мысли, сказал раскатисто:

– Очень удобное место для взятия виры за проход. Река ничья. Будет моя. Крепость назову Стовград. – Князь высокомерно оглядел округу.

– Но ведь есть уже Стовград на Вожне, – неуверенно возразил Семик.

– Клянусь богами, это ничего. Будет Стовград на Нове. И вообще... – князь неожиданно рассвирепел, – распорядись, чтоб приготовили жаркое.

Пока младшие мечники Беляк и Конопа под рывканье Семика гонялись по ладье за курами, которых сами же неосторожно упустили из клетки, князь вслух размышлял, как он на плотках сплавит сюда белый камень из Угли, купит у Рацея Куябского лучших резчиков и сложит хоромы. И чтоб крыльца были на витых столбах, а диковинные звери: птицеголовые медведи, крылатые гепарды, трёххвостые змеи, журавли с женскими лицами, туры, огнедышащие волки – украшали камень, вперемешку с вьюн-чередой, папоротником, морской травой и чудными соцветиями. Чтоб всё было в том порядке, который укажут волхи, и тогда хоромы простоят вечно, неприступно, наделив их хозяина той силой, что прольют боги на рукотворное чудо. Оттуда выйдут двенадцать его сыновей, от семи рабынь, сыновья будут править со своими дружинами от Онеги до Херсонеса, а император ромеев пришлёт им мантии из горностая...

С маленького острова посередине стремнины кто-то пустил несколько стрел. Под споры и пересуды стреляне больше из любопытства, чем из желания отомстить, высадили несколько человек на зыбкий плавун, из которого почти целиком и состоял остров. Охотники, проваливаясь по пояс под слой из камыша, сучьев, ила и мха, пробирались в глубь хаоса из лежащих вповалку трухлявых стволов и скоро пропали из вида.

Все считали, что тут прячутся выжившие зимой хозяева одной из разбитых ладей, пока над рекой не разнёсся одинокий волчий вой.

Вой был скорее плачем, чем предупреждением, но он просто вышиб людей с острова в воду, заставил бешено плыть к лодкам, зажав в зубах янтарные и медные обереги от нечисти.

– Мы видели, мы видели его, оборотня Валдутту! – кричали стреляне, когда их, мокрых, похожих на водяных крыс, соратники втаскивали в лодки. – Там не было никаких следов! Только громадный облезлый волк-оборотень, смотрел на нас и выл, не раскрывая пасти! Да защитит нас Мать-Рысь!

– Встретить в полдень оборотня, да ещё в начале похода – плохой знак, – сказал князю Семик, держа двумя пальцами одну из загадочных стрел. Стрела была из обычного камыша, остриём служил срезанный наискось конец, а с другой стороны камыш вместо оперения был расщеплен надвое. – Этой стрелой можно убить, только если она заговорена, клянусь острой Велеса.

– Так почему она никого не убила? – Князь взял стрелу, поднял её в кулаках над головой и переломил. Все смотрели, ожидая, что вот-вот с неба упадут молнии, река вздыбится водоворотом, пепел превратит день в ночь. Казалось, прошла вечность. Наконец князь просветлел: – Смотрите, вот стрела оборотня. Она никого не убила. Боги слышали наших волхов и вступились. Это добрый знак. В походе нас ждёт удача. Пусть каждый отрежет прядь волос и бросит в воду, чтоб чудо этого места осталось с нами навсегда!

– Хвала богам! Стовов и Совня! – возрадовалось войско, и только кормчий проводник из Илемена, одноухий старик, беззубо прошамкал: – Это, наверное, латы балуют. Стрела-то латская.

Они иногда ходят тут на плотках. Они как звери, ещё хуже стрелян. Волки у них вместо собак, а заправляют всем женщины.

– Умолкни, дулеб, – зашипел на него Семик, – это было знамение. Не слышал, что князь сказал?

– Слышал, молчу, мечник, молчу.

– Смотри, а то второе ухо отрежу.

К наступлению сумерек ладьи Стовова, удачно миновав мелководье, вышли в Горло, восточный залив Янтарного моря, и, бросив на дно обвязанные верёвками камни, принялись ожидать стрелян. Досадуя на свой страх, те решили изловить Валдутту, в кого бы тот ни превратился. Даже Оря не смог их остановить и был вынужден возглавить травлю оборотня. Но,

кроме мёртвой крысы, старого вороньего гнезда, нескольких спящих в дуплах ужей, ничего не нашли.

Тогда решили поджечь остров. Однако гигантский плот из сцепившихся деревьев разгораться никак не хотел. Запылал он намного позже, когда стреляне уже во тьме искали ладьи Стовова. Огненный столб высотой до облаков и гул пламени сопровождали их. Дождавшись появления путеводной Чегир-звезды, все снова двинулись в Янтарное море. Туманные берега Горла медленно расходились, пока не погрузились в чёрную воду.

Глава 7. Муспельхейм – пылающий мир

Ночь кончилась сразу, вдруг. Ладья вышла из тени острова Несс и оказалась под слепящим утренним солнцем. Солнечные блики, перебегающие по водной глади, прыгнули через борт, заплясали по щитам, кольчугам, копьям, отразились в глазах воинов, глядящих сквозь маски шлемов на цепь островов, за которыми таился Швангангский залив и устье Одры.

Отвесные, подмытые берега островов, отороченные полосами песчаных отмелей, поддерживали сплошную стену гигантских сосен, из которых, наверное, боги и построили свой Асгард. Серая, свинцовая вода Фризского моря становилась в проливах тёмно-зелёной, похожей на заливные луга. Переплетённые космы водорослей лениво змеились у самой поверхности, укрывали косяки плотвы и отбирали у течения ил, укладывая его к своим корням. Справа, на фоне бурых утёсов Хайгена, виднелись чёрные бруски лодок с фигурками рыбаков, которые извлекали из сетей рыбу, искрящуюся чешуёй на солнце. Над утёсами Хайгена, где виднелись частокол и каменные башни фризского города Эливгара, поднимались многочисленные дымки. На полпути к небу их переламывал неумный ветер Геннлан и тащил через залив, в сторону земли поморских лютичей. Движение сизого дымного шлейфа странно сочеталось с полной неподвижностью облаков. Они плотными массами висели по обе стороны залива, как бы продолжая вверх отвесную линию берегов Насса и Хайгена, а между ними, в разрыве, безмятежно синело глубокое небо.

– Смотрите, если б облака были красного цвета, я бы сказал, что над нами столбы ворот в Муспельхейм! – сказал Свивельд, запрокинув голову.

– Муспельхейм – пылающий мир? – облокотившись на мачту, спросил Рагдай, задумчиво почесав висок. – Это может оказаться пророчеством, Свивельд, особенно когда нас ведёт такой опытный конунг. – Он посмотрел на Вишену, стоящего на носу ладьи.

– Что ты хочешь этим сказать, Рагдай? – Вишена обернулся. За его спиной возвышалась голова деревянного дракона и, казалось, открывались небесные ворота, в которые входила

ладья... – Клянусь Ньердом, Рагдай, все идёт хорошо. Мы без потерь пришли к устью Одры и сейчас разведаем, что там и кто.

– Я надеюсь, конунг, что мы не будем по пути никого захватывать, не будем приставать к берегам у каждого рыбацкого селения и требовать выкуп за жизнь. Мы просто войдём в залив, осмотримся, потом вернёмся на один из островов и под видом починки ладьи будем ожидать Стовова. – Рагдай пристально уставился на Вишену, который при этом неопределённо пожал плечами.

– Эливгар и Шванганг совсем рядом. Там всегда много воинов. Кругом полно рыбаков, и они, если что, сразу разнесут весть о нападении. Фризы запрут проходы между островами и будут ловить нас, пока не поймут, – поддержал Рагдай Гельга. – Надо спрятать всё оружие, оставить десятерых на вёслах, а остальных укрыть парусом, будто товар везём. И сделать лица повеселее. Клянусь Одином, нас до самого Шванганга никто не окликнет.

Вишена исподлобья оглядел согласно кивающих воинов и кивнул:

– Так и сделаем.

Миновав острова и таща за собой шлейф водорослей, ладья медленно вошла в Швангангский залив. Берега отсюда резко расходились в стороны, и, если бы не узкая чёрная полоска впереди, можно было подумать, что Гельга ошибся и снова правит в открытое море. Вёсла по крику кормчего ударяли дружно, чуть поскрипывая в смазанных жиром ключевинах, а гребцы с недоумением смотрели на коричневую, вязкую воду, похожую на разжиженную глину. Она была полна прошлогодней листвы, хвои, сучьев, камыша. Тут плавали целые деревья и бревна, жерди, вязанки соломы, дохлые мыши и рыбы, обрывки рогожи. По соседству с перевернутой пробитой лодкой покачивалась резная колыбель. Пустая и жуткая, она баюкала бесформенный серый кулёк. Несколько низко сидящих челнов медленно, беспорядочно двигались среди этих останков. Молчаливые люди на лодках что-то цепляли крюками, подтаскивали, подолгу возились с непонятной добычей, а потом продолжали движение.

Поравнявшись с одной из лодок, они увидели, как мальчик и старик в просмолённых холщовых рубахах вылавливают утопленников и снимают с них кольца, бусы, браслеты и, если попадется, целую одежду.

– Эй, вы! Что это за мертвецы в воде? – перегнувшись через борт, спросил Вишена, мешая фризские, свейские и ранрикийские слова. – Отвечайте! Мы, торговцы из Страйборга, плывём на ярмарку в Шванганг!

Ни старик, ни мальчик в лодке не подняли головы, они были заняты тем, что пытались стянуть кольцо, видимо серебряное, с пальца распухшего, покрытого пятнами, безглазого женского тела.

– Они меня не слышат, эти стервятники, – удивлённо выпрямился Вишена и сделал знак Вольквину, чтоб тот дотянулся до фризских веселом.

– Подожди, – остановил его Рагдай. – Они просто не понимают тебя. Ладри... Ладри, кажется, знает фризскую речь.

Мальчик улыбнулся и стал пробираться к Вишене между плечами гребцов и пыльной мешковиной, под которой, тихо переругиваясь, скрывались остальные воины. Конунг взял мальчика за плечо:

– Ты отчего смеёшься? Клянусь Фрейей, неподходящее время для веселья.

Ладри потупился, а за него ответил Ацур:

– Он просто счастлив, что смог понадобиться тебе, конунг.

– Да? – Вишена подозрительно всмотрелся в Ацура и наклонился к Ладри. – Спроси их, откуда эти утопленники, почему не видно ни одной торговой ладьи и кто сейчас правит в Шванганге.

Фризы долго не откликались. Наконец старик отсёк весь палец длинным ножом. Только после этого он поднял на Ладри белёсые глаза, бросил палец на дно лодки, в кучу добытого добра, вытер ладони о живот и ответил:

– Одер разлился три дня назад. Всё затопило. Всё смыло. Много снега, льда, дождя сошло в него с Нейса, Бибра и Люты. Это был поток камней и земли. Сколько рыбы погибло и бобров. Почему боги так не любят бобров и форель? Несчастные бобы. – Затем старик обернулся к мальчику: – Исмар, вон там ещё один...

Мальчик бросил отпихивать шестом расплзшееся тело, никак не желающее отдаляться от лодки, вытянув тощую шею встал, и только сейчас стало видно, что его правый рукав по локоть пуст, как у вора, наказанного по фризскому закону.

– Это лютич. Мы уже видели его, – скосив глаза в ту сторону, сказал старик. – А тебе, – фриз пугающе улыбнулся Ладри, обнажив ряд абсолютно белых зубов... – мой маленький господин, я охотно расскажу про Шванганг.

Было что-то неестественное в сочетании дряблой, серой кожи, мутных, как вода залива, глаз, срывающегося голоса и этих ровных, молодых, будто чужих зубов.

– От Шванганга остался только чеканный двор, молельня, часть западной стены и несколько башен. В одной из них сейчас сидит герцог Крамн. Он в ссоре даже со своими людьми. Крамн и навлёк потоп. Он поддался уговорам ирландских монахов и принял чужую веру. Я вижу ваша ладья полна товара. Сейчас в этих местах опасно для торговцев...

Фриз бросил взгляд на золотые украшения Вишены, и голос его стал сладок:

– Мой молодой господин, не желают ли твои спутники, утомлённые странствиями, отдохнуть в нашей деревне? Она рядом, на том берегу. Я там старейшина. У нас есть хорошее вино, красивые девушки с чудными голосами. Вы поедите вволю, выпитесь. Мы все будем охранять ваш сон.

Когда Ладри растолковал предложение фриза, из-под рогожи послышалась возня и показалась взъерошенная, узкоглазая от яркого света голова Эйнара:

– Вишена, отчего бы нам не подождать Стовова в гостеприимной деревне?

Его поддержали Свивельд, Вольквин, Бирг и остальные:

– Если этот фриз и сворует чего, мы живо из него нутро вытряхнем.

– Ладри, – Вишена положил на плечо мальчика руку, – спроси у старика, сколько в деревне мужчин, хотя подожди... Рагдай, что узнать у них ещё?

Было видно, что Вишена колеблется, а тот стоял с закрытыми глазами, побледневший, сосредоточенный, и казалось, что желает услышать, как солнечный свет проходит сквозь влажный воздух. Наступило молчание.

Ладри вертел головой, не понимая, что происходит, фриз застыл в ожидании, Гельга прикидывал расстояние до берега, Ацур цеплял к поясу меч и нож. Наконец Рагдай очнулся, и в глазах его была боль.

– Ладри, спроси фриза, хватит ли у него на всех яда?

– Яда? Какого яда? – не понял Ладри, наблюдая, как фризы сначала вяло, как бы пробуя вёслами воду, а потом всё быстрее и быстрее начинают грести прочь от ладьи. Отчаянно, словно спасая свою жизнь.

– Чего это они так испугались? – хмыкнул Свивельд, оглядываясь по сторонам, а Бирг хлопнул себя ладонью по лбу:

– Они поняли всё. Они знают нашу речь и, клянусь Одином, решили, что Рагдай колдун, потому что он раскрыл их намерение отравить нас!

– Правильно решили. Рагдай колдун и есть. Я тоже почувствовал западню... Они хотели заманить нас к себе, убить и ограбить... – тихо сказал Вишена, но его никто не услышал, потому что Гельга яростно заорал:

– Нужно убить их, они хотели нас отравить, возьмите луки! А вы гребите!

Лодка фризов была уже довольно далеко, она спешно двигалась в сторону других челнов, на которых тоже бросили своих мертвецов и отчаянно работали вёслами. Прежде чем Ацур выдрал из рук Эйнара лук, тот уже успел пустить две стрелы, пробив одной из них старику плечо. С большим трудом Вишене, Ацуру и Торну удалось загнать Эйнара и остальных обратно под рогожу, а Гельге – держать ладью на прежнем направлении. Фризские челны отошли на безопасное расстояние. Было слышно, как они перекрикиваются. На одном из челнов полыхнул огонь, выплунув в прозрачный воздух жирный чёрный дым, погас, потом вспыхнул снова, опять погас, вспыхнул ещё раз. Пронзительно засвиристела свирель, ей ответили издалека.

– Они подают сигналы своим на берегу, – тревожно сказал Ладри. – Я много слышал от отца о злобных фризах, но не думал, что они так коварны и мстительны. Неужели они нападут на нас, Ацур?

– Не думаю. Их король Осорик выпускает внутренности тем, кто осмеливается нарушить его закон о неприкосновенности торговцев в Шванганской бухте и по всему течению Одра до Люты. Торговцы платят только людям короля.

– А если это были люди короля? – не унимался Ладри.

Ацур снисходительно посмотрел на него сверху вниз, сощурив зелёные, как еловая хвоя, глаза:

– Люди короля похожи на нас. У них хорошее оружие и одежда, а на пальцах золотые перстни.

– Если мы похожи на людей короля, почему они хотели заманить нас в ловушку? – развёл руками Ладри.

Ацур вдруг понял, что мальчику доставляет радость стоять под ветром рядом с настоящим викингом, на теле которого множество рубцов, оставленных убитыми врагами, лелеющим свой меч, положенный сорок лет назад в колыбель его отцом.

Ацур улыбнулся Ладри, будто своему сыну, если б сын у него был:

– Знаешь, тебе нужно кое-чему обучиться. Иначе ты погибнешь в первой же схватке. Начнем, пожалуй, с этого: ты сможешь увернуться от стрелы? Нет? Слушай. Нужно смотреть на стрелка. Когда он натянул тетиву, уходить рано. Когда он отпустил тетиву, нужно сделать шаг вправо или упасть на колени.

Если перед тобой неопытный воин, то от следующей стрелы опять отходишь вправо. Он подумает, что ты увернёшься в другую сторону. Опытный же решит, что ты будешь хитрить, и пустит стрелу в то место, куда отошёл бы сам. И промахнётся. Всё это получается, если враг не ближе пяти шагов, тогда просто не успеть, или не дальше трёх десятков шагов, тогда можно спеть сагу, пока стрела долетит. То же самое, когда у тебя щит и ты должен почувствовать, что нужно закрыть – голову или колени. Когда перед тобой много стрелков, то надо просто всё время двигаться: вправо – вправо – влево – вправо – влево – влево – влево. Как муха или комар. Понял?

Ладри кивнул, открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ацур остановил его:

– Теперь я возьму куски смолы и буду в тебя кидать.

Перебравшись через клеть, где сонно крутили головой куры, Ладри изготовился и ловко увернулся от первого комка.

– Молодец, – сказал наблюдающий за обучением Бирг, поглаживая ладонью свою флейту, на которой так и не заиграл, будто не хотел осквернять её звук грязной водой залива.

Следующий кусок смолы попал Ладри точно в лоб.

– Плохо. – Ацур огорчился больше мальчика. – Давай ещё раз.

Тем временем Вишене пытался вернуться к ночному разговору с Рагдаем. Тот рассеянно поглядывал по сторонам и не сразу удостоил конунга вниманием.

– Боги вернули тебе ясность ума, конунг.

Рагдай снял горячий от солнца серый шерстяной плащ и, оставшись в льняной рубаше с двойным полотном на груди и спине, оглядел близкие теперь берега, затянутые то ли дымом селений, то ли облаком пожара:

– Не пора ли нам возвращаться к островам? Всё ясно. Одра разлилась. В устье сильное течение, много опасного топляка. Шванганг затоплен. Фризы заняты своими делами. Возможно, даже вергельд платить не придётся. Войны нет.

– Ещё немного приблизимся. Может, захватим толкового проводника. Вон там вроде виднеется челн. – Вишена выжидающе уставился на Рагдая. – Рассказывай.

– Тот монах, умерший у меня на руках в Миклгарде, рассказал, что по воле епископа Бэды во главе отряда из самых доверенных воинов он должен был встретиться с посланцем из Поднебесной. Ему удалось вывезти часть золота, но, опасаясь мести императора Тайцзуна, для которого и горы, и пустыни – не преграда, он попросил покровительства Рима. Папа Григорий обещал укрывать беглецов, и золото передали отряду Эгидия и погрузили на галеру. И она отплыла из Триполи, но до Италии не дошла. Ночью, около Крита, Эгидий и десять его соратников убили остальных и заставили рабов грести без отдыха. Через четыре дня, обогнув Кикладские острова, высадились недалеко от Фессалоник. Там затопили галеру вместе с прикованными к ней рабами. Потом ушли через Родопские горы в долину Маницы, где хотели укрыться и выждать. Им не повезло. Видимо, папа Григорий так истово молился об их наказании, что Бог услышал его. Среди них началась странная болезнь. А потом напали авары. Часть сокровищ не успели спрятать – камни, украшения, монеты захватили кочевники. Но было и ещё нечто: золотой шар размером с голову... Эгидий знал много языков и наречий и аварский каган, взял его к себе. Когда каган был с посольством в Фессалониках, Эгидия выкрали посланцы Бэды.

Они пытали его: где находится золотой шар. Эгидий солгал, что шар зарыт на берегу Маницы, и вызвался быть проводником. По пути он сбежал, но был пойман. Бежал снова. Скрывался на островах, хотел потом укрыться в Куябе, но люди Бэды выследили его. Шар, Вишена, золотой шар – вот что мне нужно из всего этого золота.

– Да, клянусь Одним, это, должно быть, ценная вещь, раз она так нужна папе римскому. Это, наверное, что-то вроде тех волшебных вещей, что отдала нам Мать Матерей, когда мы три года назад ходили с тобой в Урочище Стуга. – Вишена вдруг оживился, в глазах его появился хищный блеск. – Так сколько, ты говоришь, там золота?

– Помни, золотые пластины Матери Матерей сделали в Тёмной Земле столько бед, попав в твои руки... – Рагдай словно не слышал вопроса. – Но, впрочем... Это в прошлом. Я прошу, если мы с помощью неба добудем это золото, то ты отдашь шар мне. – Рагдай взял конунга за плечо. – Обещаешь?

– Конечно! – Вишена вытащил из ножен меч, с силой всадил его в доски у своих ног и, положив ладони на рукоять, поднял лицо к небу: – Клянусь милостью всех богов, богинь асов и ванов, альвов и валькирий, клянусь подвигами эйнхериев, пирующих в Валхалле, что никогда не притронусь к шару!

Он наклонился, истово поцеловал рукоять меча, затем не без труда выдернул его из доски, оглядел остриё и очень спокойно спросил:

– А золото где?

– Там же, где его оставили: в небольшой пещере, промытой в известняковой горе давно пересохшим ручьём.

– Что? Ты ведь сказал, что его захватили авары! – Вишена пошатнулся, ему показалось, что в улыбке Рагдая сквозит безумие, а всё рассказанное им – невероятный бред, родившийся от постоянного бдения над рукописями, от колдовства над травами или долгого созерцания звёзд.

Рагдай с удивлением наблюдал, как лицо конунга неожиданно изменилось.

– Вишена, что с тобой? У тебя лихорадка?

– Рагдай... – простонал тот, – скажи правду, заклинаю тебя всеми богами.

– Какую правду?

– Про золото. Где оно? И есть ли оно вообще...

– Я ведь уже сказал. Оно в пещере, в долине реки Маницы. Каган выполнил просьбу Эгидия: пещеру охраняет отборный отряд.

Рагдай озабоченно положил ладонь на лоб Вишены.

– Подожди, может, у тебя жар?

– Нет. – Вишена страхнул руку и подозрительно оглянулся – не видел ли кто его мгновенную слабость. Увидев, что только Ладри и Ацур, прекратив бросать друг в друга куски смолы, поглядели в его сторону, конунг успокоился. – Значит, мы добираемся до этой Маницы, находим русло пересохшего ручья, поднимаемся по нему, вырезаем отряд аваров – и золото наше. Клянусь Одином, это просто.

Рагдай неопределённо пожал плечами. Сделав несколько задумчивых шагов вокруг него, Вишена с надеждой спросил:

– А может, возьмём золото без Стовова? Зачем он – будет требовать не меньше трети.

– А две трети кому? – прищурился Рагдай, наперёд зная ответ.

– Мне и моей дружине. А тебе Шар. Очень ценный, – невозмутимо сказал Вишена, наблюдая, как Рагдай сначала закрывает лицо руками, потом начинает мелко трястись и наконец разражается безудержным смехом.

– Что, что он сказал? – подбежал и затеребил Рагдая за рукав Ладри. – Скажи мне!

– Уйди, мальчик, – отмахнулся от него тот, вытирая слёзы. – Ацур, отзови своего ученика.

– Ладри, иди сюда и никогда не вмешивайся в разговор старших, а когда сам будешь старшим, не вмешивайся в разговор конунгов, – многозначительно изрёк Ацур.

Мальчик неохотно повиновался.

– Вишена, редко кто из конунгов за все свои походы добывал и двадцатую часть тех богатств, – сказал Рагдай, став вдруг совершенно спокойным.

– Без Стовова нам не удастся вывести всё это золото, а тем более пробиться с ним обратно. А потом, Часлав, сын Стовова, мой друг, и он способен многое сделать для земли, на которой я родился, да и ты тоже.

– Мой дом – ладья, – нахмурился Вишена, – странно отдавать человеку золото только потому, что он живёт там, где ты родился. Это тебе скажет любой... Клянусь Велесом, это знают все от Персии до Ирландии. Ладно, пусть Стовову достанется половина, если ты так хочешь.

Не говоря больше ни слова, с видом неизъяснимого сожаления, Рагдай облокотился на борт ладьи и стал рассеянно смотреть на проплывающий мимо поток мутной жижи. Вишена пристроился рядом, тоже уставившись в воду. Так они стояли довольно долго, невольно прислушиваясь, как Ацур учит Ладри, как напевает себе под нос Бирг, а Эйнар рассказывает про Сельму, служанку ярла Эймунда, сетуя на то, что забавы с ней ему пришлось прервать из-за Вишены, который так неосторожно ошибся с сыновьями Бертила. Свивельд и Ингвар вяло обсуждали причину начала войны между богами.

– Не знаю, кто тебе рассказывал, Свивельд. Но было так.

Ингвар принял важную позу и продолжал:

– Ньерд решил соединить небесным мостом Ванхейм, где он жил с другими богами, ванами, в чертоге Брейдаблиг в Асгарде. Нужно ему это было для того, чтобы похитить Нэнну, прекрасную жену юного Бальдра, сына Одина. Ньерд послал в Асгард злую колдунью Гульвейг. Она должна была убедить асов, что мост нужен для хороших дел, но Один прочитал мысли колдуньи. Тогда асы забили Гульвейг копьями и трижды сожгли, но она снова и снова возрождалась. Тем временем к Асгарду приблизилось войско ванов...

– Подожди, Ингвар, не слишком ли много лодок впереди? Вишена, Вишена, посмотри туда! – Настойчивый зов Свивельда вывел конунга из задумчивости.

Семь или восемь больших лодок образовали изогнутую линию, края которой выдавались навстречу ладье. До них было три полёта стрелы, в лодках находилось не меньше восьми десятков человек, многие из них были вооружены: на солнце искрились грани лезвий и наконечников.

– Эти, впереди, явно желают вцепиться нам в борт. Клянусь всей прозорливостью Фрейи, – сказал Ацур, отстраняя Ладри, мешающего смотреть. – Если б я был конунгом на нашей ладье, я бы повернул назад, к островам, чтоб не потерять ни одного своего воина от случайной стрелы. Воины нам нужны будут потом...

По лицу Вишены все поняли, что конунг услышал Ацура, сказавшего нарочно громко. Облачко надежды на интересное дело, на пусть ненужную, но лёгкую победу сменилось разочарованной игрой бровей.

– Гельга, поворачивай назад.

– Это лютичи, наверное. Они все в шкурах, и на носах лодок конские черепа.

Пока ладья разворачивалась, воины под рогожей вглядывались в отстающего противника и обсуждали его:

– Может, они хотели просто торговать?

– Кто их знает...

– Смотрите, ветер переменялся, вон дымы остановились и поползли назад.

– Лютичи молятся Белобогу. Говорят, в их городе Радяище каждое бревно частокола украшено искусной резьбой.

– Верба должна сейчас только набухнуть почками, а она уже вся в листе, – видно, лето будет жаркое, клянусь Локи. Я помню три лета назад, когда мы заночевали в Трустрема...

– Ладно, хватит прикидываться товаром. – Вишена дёрнул за рогожу. – Вылезайте!

Тут же на свет, путаясь в грубой материи, стали выбраться Эйнар, Гельмольд, Ньер, Хлект и остальные.

– Садитесь за вёсла!

Ладья пошла быстрее, уверенно отдаляясь от неожиданных преследователей. Ладьи викингов были недостижимы. В полдень, когда чайки, утомлённые нырянием, укрылись в скалах острова Насс, когда под солнцем заблестела разогретая смола между досками бортов и блики на воде сделались нестерпимы для глаз, Эйнар, взобравшись на мачту, сообщил, что лодки преследователей поворачивают в сторону фризского Эливгара.

Гребцы в последний раз вырвали вёсла из упругой воды. Ладри уселся перебирать пшено для готовящейся каши, Бирг наконец заиграл, и звук флейты впитался в воздух залива, сделав его хрупким как стекло.

– Он колдун, этот Бирг, – тихо сказал Рагдай.

А Вишена только пожал плечами: какая-то неясная печаль, нежность и одновременно радостная жестокость была в том, как флейтист рвал музыкальные фразы, как, почти затихая, звук вдруг срывался в неистовую трель.

– Впереди ладьи и лодки выходят из-за островов! – крикнул с мачты Эйнар и, обняв её, съехал вниз. Все стали разбирать оружие, слушая последние взлёты мелодии, сохраняя её в своих душах...

– С тех пор как мы ушли из Ву, – проворчал Свивельд, – Бирг играл три раза: после первого мы на камнях потеряли добрую сеть, полную рыбы, во второй раз нас едва не потопил шторм, а теперь что должно быть?

– А теперь рухнет небо, – неожиданно отозвался Рагдай.

– Да? – Свивельд медленно поднял лицо к небу и внимательно его осмотрел.

– Ты шутишь?

Пылающее солнце, прозрачный, голубой небесный купол, серо-белые облака, похожие на взбитую на прялке шерсть, говорили о полном и безмятежном спокойствии, царившем в природе... Парус опустили, завели вдоль борта, подвязали и уложили. Вёсла связали по три, чтоб те не разъезжались под ногами. Покряхтывая, согнули луки, накинули петли тетивы. Ацур настоял, чтоб Ладри и Рагдай сидели у клетей с птицей под защитой его и Эйнара.

Торн встал со щитом рядом с Гельгой, готовясь отражать от кормчего стрелы и дротики. Вишена глядел то назад на подозрительные лодки лютичей, слишком медленно идущие к Эливгару, то вперёд:

– Ну, теперь куда отворачивать? Клянусь Одним, десяток ладей и столько же лодок впереди и десяток лодок позади – это не очень хорошо. Может случиться много работы. Интересно, что это за ладьи? Для фризов слишком малы, для ютов тоже, для данов осадка низка, да и головы не высокие...

– Они пропускают лодки вперёд и выстраиваются линией! – сказал Гельмольд, поворачиваясь к Вишене.

– Мы же ещё ничего не сделали, так почему нас обложили? Клянусь всей хитростью Локи, не понимаю.

– Наверное, мы похожи на их врагов, – предположил Свивельд, – надо с ними поговорить и предупредить, что мы из них кишки вынем.

Тем временем лодки приблизились на расстояние крика и с них выпустили несколько стрел. Пока стрелы чертили пологую дугу, Бирг снял с пояса рог и зычно затрубил. Вишена всё ещё медлил надевать шлем. Он стоял среди своих воинов на носу, глядя туда, где в проходе между островами растянулись в линию семь ладей, спиной чувствуя – Рагдай и Ацур уже разглядели что-то такое, отчего с трудом теперь сдерживают смех. Стрелы наконец долетели. Две из них стукнули в подставленный Хрингом щит, а третья угодила в клеть с гусями, вызвав там недовольное шипение, клёкот и удары крыльев. Вишена осмотрел стрелу. Она была из старого камыша с длинным, как игла, наконечником, смазанным какой-то воняющей гадостью, и узким оперением из пера цапли.

– Яд. Такие стрелы делают стреляне, и только они могут таким поленом так метко бить со ста шагов. – Конунг озадачился.

– Откуда здесь стреляне? Может, их привёл с собой Стовов?

– Стовов, – отозвался Рагдай, и в голосе его было слышно облегчение. – Вон, смотри, на одной из лодок человек в шкуре волка, это Оря, а вон на той большой ладье пурпурный стяг с золотой фигурой. Там сам Стовов. – Рагдай протиснулся к Вишене, опёрся руками о борт и закричал: – Эй, на лодках! Я Рагдай, со мной Вишена, я хочу видеть Орю и Стовова!

Ещё две стрелы пустили с лодок, ещё раз Рагдай кричал, надрывая горло, и снова несколько стрел упали в ладью.

– Подожди, дай я встану на борт, тогда Оря меня узнает.

Рагдай опёрся о плечо Свивельда и собрался уже лезть, но Вишена удержал его за рукав:

– Они безмозглые, эти стреляне. Сначала всадят тебе стрелу в глаз, а узнают уже потом. Клянусь Одним, они просто не могут и подумать, что мы идём им навстречу, со стороны устья. Они принимают нас за фризов. Думают, что мы торговая ладья, добыча.

Стреляне подошли совсем близко. Видно было, как они нетерпеливо размахивают оружием, скалят зубы. Их лодки начали окружать ладью и вдруг замедлили ход, почти остановились. На них поднялся гомон, смех, радостно затрубил рог.

Донеслись крики:

– Скажите Стовову, что мы нашли их! Это Рагдай, это не фризы!

– Как они, однако, быстро определились, – раздражённо сказал Вишена и, перегнувшись через борт, закричал, всё ещё держа отравленную стрелу: – Эй, Оря! С каких это пор стреляне начали шастать во Фризию?

– Да хранит тебя Мать-Рысь, Вишена! – слышалось в ответ. – Я узнал тебя!

– Он узнал меня, светлая голова, – проворчал конунг и повернулся к Рагдаю: – Ты только погляди, Стовов привёл с собой по меньшей мере две сотни человек. Мы что, собираемся захватывать Фессалоники? Клянусь всей хитростью Локи, нам с таким войском не удастся идти тайно. И потом, они все будут требовать свою долю. Нет, ты видел? Он с собой ещё и лошадей тащит. О боги!

Стовов поднялся на ладью варягов в сопровождения Ори, Мечека, Хитрока и Семика. Князь был облачен как на смертельную сечу: кольчуга до колен, поверх неё пластинчатый панцирь, явно фризской работы, сверху простёганная серебряной нитью белая рубаха, набитая войлоком, с разрезами по бокам, цельнометаллические поножи чуть выше колен, за поясом нож, кистень, булава, на поясе меч. Шея его была укрыта бармицей, лицо полумаской с наносником, кулаки спрятаны в кольчужные варьги. Воинственный наряд завершал плащ до пят, стянутый на плече золотой пряжкой в виде медвежьей головы.

Стовов встал среди варягов, оперев руки в бока – громадный, надменный, обвёл всех испытующим взглядом и не совсем дружелюбно пророкотал:

– Ну, вот мы и встретились, други мои. – И уже более мягко добавил: – Рад видеть вас в добром здравии и множестве, да хранят вас боги.

Мечек поддержал приветствие князя:

– Бурундеи готовы идти дальше вместе с воинами Вишены и Рагдаем, о которых не смолкая поют сказители Склавянской земли!

Мечек был в броне попроще, без поножей и войлочной рубахи от стрел, без пурпура и золота на плечах. Вместо кольчуги его до колен закрывала кожаная рубаха, усиленная чешуёй стальных пластин, издающих металлический шелест при каждом движении. На груди его, как всегда, лежал серебряный знак Водополка Тёмного: трёхглазое солнце с лучами-змеями. Такое же солнце было на яйцеобразном шлеме, из обода которого по бурундейскому обычаю во все стороны торчали клыки не то волков, не то лисиц. Оря, как всегда, был в волчьей шкуре. Кроме того, на стреблянском вожде была грубая рубаха из небелёного льна, такие же широкие штаны, перетянутые по всей голени ремешками, которые одновременно крепили на ступне кожаные поржни. Из украшений Оря имел только серебряное ожерелье с янтарными вставками в виде кошачьих глаз и оберег из бронзы – небольшая пластина с насечёнными рунами какого-то давно вымершего языка. Он подошёл к Рагдаю, обнял его и долго не выпускал, бормоча что-то про Тёмную Землю, Дорогобуж, Стоход. Так же долго тискал в объятиях Вишену, а потом снова Рагдая.

Хитрок, воевода полтесков, похожий на каменные изваяния степных могильников, одинаково широкий от плеча к плечу и от груди к спине, встал позади Стовова, и его безбородое лицо напоминало маску шлема, с прямым наносником и круглыми глазницами. Из глазниц безучастно мерцали зелёные глаза. Он запахнулся в чёрный плащ, скрывший даже руки, и так и стоял, не произнося ни слова. А вырвавшись наконец из объятий стреблянина, Рагдай не без удовлетворения оглядел воевод:

– Я рад, что Стовов здесь, что он бодр и ведёт с собой храбрых воинов Склавении. Отсюда начинается наш общий путь. Многие опасности и испытания ждут нас, и велика будет награда дошедшим до конца, да хранят нас боги.

– Хвала богам, – кивнули воеводы.

Стовов снял шлем и поднял его над головой:

– Слушайте меня, все! Каждый воин, каждый мечник в конце похода получит золота вровень с краем этой шапки. Это говорю я, Стовов! Идите за мной, и вас ждёт удача! Хвала богам!

Князь дождался, когда на лодках и ладьях смолкнут одобрительные крики, отдал шлем Семику и покосился на Свивельда, стоящего за спиной Рагдая:

– Я узнаю тебя, ты варяг Вишена по прозвищу Стреблянин. Ты три лета назад помогал Рагдаю странствовать по Склавении. Рад.

– Это Свивельд, один из варягов, которые были тогда с Гуттбранном, – отстраняя изумлённого Свивельда, сказал Ацур. – Вишена вот.

Он указал на хмурого конунга. Вишена встретил взгляд князя и встал перед ним, уперев руки в бока. Они смотрели друг на друга довольно долго, а рядом стоял огорчённый Рагдай, и только Креп понял причину этого огорчения – князь нарочно не признал конунга.

– Приветствую тебя, конунг, – не разжимая зубов сказал князь, затем неохотно снял с правой руки кольчужную варьгу и поднёс к глазам раскрытую ладонь, сверкающую кольцами; он сквозь пальцы наблюдал, как Вишена сощуривается, бычит шею и начинает медленно освобождать запястья от золотого браслета, крутит его и якобы никак не может снять.

– Вишена, если ты первым преподнесёшь подарок, ничего не изменится! – не вытерпел Рагдай, поморщившись как от боли.

– Что не изменится? – дёрнул кудрями Вишена.

– Вишена! Не надо ссоры! – прошептал Ацур.

– Ладно. – Конунг нехотя снял браслет и протянул его Стовову, но тот медлил его брать, с неожиданным вниманием разглядывая свои кольца.

– А вот это кольцо достойно конунга. – Князь, вдоволь насладившись напряжённой паузой, стянул с пальца массивный золотой перстень, и в этот момент что-то печально звякнуло, – Вишена уронил браслет, просто отпустил его, даже не изобразив неловкость.

– Ну вот, уже враги, – прошептал Рагдай, и ему вдруг показалось, что надежды на успех похода становятся призрачными, что всё уже кончено и он отвернулся.

– Ой, упало! – Это был голос Ладри. – Вот, вот, оно сюда закатилось.

Рагдай обернулся. Мальчик поднял браслет и почтительно поднёс его Стовову.

– На Часлава похож. – Князь неожиданно смягчился, принимая браслет и вглядываясь в серьёзное лицо мальчика.

– Похож, клянусь Дажьбогом, – кивнул Семик. – Его зовут Ладри, он из Ву, что в Ранрикии.

– Я его обучаю воинскому искусству. Смышлёный, – сказал Ацур, с облегчением наблюдая, как со скул Стовова сходят красные пятна бешенства. – Князь, позволь мне остаться на этой ладье с мальчиком, пока я не обучу его хотя бы малому.

– Нет, ты мне нужен, Ацур. Пойдёшь на мою ладью, будешь оберегать Рагдая.

– А я остаюсь тут, князь, – сказал Рагдай, – кормчий Гельга был на Одре с дружиной Гердрика и знает реку, поэтому варяги должны идти впереди, а я хочу быть на первой ладье, чтобы вовремя опознать нужное нам место, которое я знаю только по описанию.

– Да? Ну, тогда ладно, – согласился князь со странной лёгкостью. – Тогда Ацур останется с тобой. Я уповаю на твою мудрость, кудесник. За вами следом пойдут стреляне и остальные, как шли раньше. А вино? Тут есть вино, на этой ладье? У варягов всегда есть хорошее вино.

Ближе к вечеру, когда вожди вернулись к своим воинам, остров из ладей посреди Швангангского залива распался в нестройную вереницу, а берега проявились огнями костров. Чуть позже пошёл дождь. Он собрался незаметно, выдавая серую пелену своих облаков за сумерки, и начался исподволь, бережно расходуя мелкие холодные капли, будто намеревался моросить вечность. Солнце растворилось, исчезло, только раз выглянув в случайный разрыв облаков и лишь на мгновение наполнив их пурпуром. С солнцем исчезли чайки, ветер, фризские лодки, стрелянские песни, всплески воды. Остался лишь шелест капель, запах остывшей просяной похлёбки, огни-глаза враждебного берега и предчувствие снов. Ладья варягов двигалась на два корпуса впереди стрелян, медленно, при половине вёсел.

Бечева с грузилом щупала дно, сообщая глубину количеством оставшихся над водой узелков. Десять локтей, семь, шесть, четыре, три, четыре, четыре...

Справа темнели промокшей соломой несколько растерзанных крыш, то ли они плыли, то ли всё ещё бессмысленно укрывали затопленные дома. Грузило снова пошло глубже – укрытые паводком острова остались позади. Берега начали быстро смыкаться. Берег слева был вымершим: деревья стояли в воде, насколько взгляд проникал в глубь зарослей. Правый берег был выше. Здесь Одра наткнулась на его же созданный обрыв, поднялась почти до самого его верха, но только там, где русла ручьёв и промоины оврагов раскрывались ей навстречу, реке удалось прорваться, образовав многочисленные островки и лужи. Все снега уже сошли, лёд растаял, весенние ливни пронесли слишком быстро, притоки обмелели, ручья забились сором и бобровыми плотинами, и, миновав пик могущества, Одра начала отступать, медленно, неохотно отдавая излишек своей силы бездонному, неблагодарному морю.

Гельга держал ладью ближе к правому берегу, чувствуя там хорошую глубину. Кроме того, береговая линия здесь была чётко обозначена. Прерывистый свет костров колебался среди сырого дыма, высвечивая выложенные мхом крыши, то одну, то несколько. Иногда самого пламени было не видно и лишь его зарево оттеняло острия частоколов или контуры шалашей, иногда в темноте висел квадрат окна, за которым горел очаг, а рядом двигалась искорка факела или лучины. В ночной тьме склавенское войско двигалось бесшумно. Вёсла не бросали, а медленно погружали и только после этого толкали воду. Кур, гусей в клетях закрыли рогожей от нечаянной тревоги, лошадям замотали морды, чтоб не ржали спросонья, бодрствующие молчали, спящих удерживали от храпа. Все сняли светлые одежды, сталью в руках не играли, бляхи щитов по бокам вымазали сажей, чтобы не блестели. Похожие на тени, на призраки ладьи и челны скользили в трёх десятках шагов от берега. Тут не было закона, сюда снесло разорённых паводком, обозлённых фризмов, здесь скрывались поднявшие мятеж против Крамна Швангангского, сюда, в разорённую область, к реке, выползали из нор и урочищ дикие лютичи. Любая встреча тут могла закончиться нежелательной стычкой. С берегов слышались невнятные голоса, иногда плач, смех, иногда обрывки песен, где-то выла собака, вдалеке гукал филин.

Рагдай уже засыпал под тяжёлой шкурой, мысли его уже начали смешиваться, терять очертания, удаляться, когда он скорее почувствовал, чем услышал что-то... И очнулся. Он сел, стараясь сосредоточиться. Увидев спины гребцов, шею деревянного дракона, свернувшегося рядом Ладри, привстал, посмотрел в сторону берега и сразу заметил силуэт человека, стоящего у костра. Лицо его, ярко освещённое костром, резко выделялось на фоне ночной темноты. У костра вповалку лежали спящие.

Рагдай смотрел, и человек, казалось, смотрел на Рагдая.

– Решма? – Рагдай потряс головой, будто отгоняя видение.

Глаза слипались, голову клонило вниз.

– Здесь?

– Рагдай, ты что? – заворочался Ацур.

– Решма.

– Какой Решма? – Ацур, не раскрывая глаз, заворочался, устраиваясь на левом боку.

– Тот самый.

– Спи, кудесник. Клянусь Фригг, тебе показалось. Решма давно умер. Люди видели его с ножом в животе. Спи, был долгий день...

Глава 8. Странник

Старый волк медленно обошёл полустгнивший пенёк, осторожно ступая по сухим предательским веткам, остановился у самой границы света и тени, разочарованно сморщил нос, обнажая при этом сточенные временем клыки. Уже который раз ему приходилось останавливаться и красться, обходя костры и ночлеги людей. И было их так много, словно они собрались со всего света. Они мешали ему идти своей дорогой, вверх по течению реки, подальше от этих мест, которые скоро станут владениями новых пар молодых волков. С ними было очень тяжело в стае этой зимой. Они всегда были быстрее, сильнее, и пахло от них желанием весны, да так сильно, что волчицы оставили овраги ещё до схода снегов, развалив всю стаю сразу. А потом была борьба, кровь на снегу, молодые челюсти, вцепившиеся в холку, яростное дыхание победителя и долгая боль в перекушенной лапе.

Жить?

Идти?

Всё лето облизываться на нежных оленей, истекать слюной неподалёку от кабанчиков, охраняемых более сильной теперь кабанихой, питаться объедками чужой охоты, рискуя быть застигнутым и растерзанным, а потом, осенью, вернуться на вой стаи и робко бежать за ней, спотыкаясь и скуля? Старый волк замотал тяжёлой головой, будто стряхивая с облезлой шкуры капли воды, в жёлтых глазах его отразился огонь костра, чёрный воздух за костром, над рекой, спина стоящего человека и тела ещё двоих людей, дремлющих у огня. Уши вдруг перестали слышать лес, глаза ослепило пламя, чуткий когда-то нос был заглушён дымом. До сих пор не затянувшиеся раны перестали болеть. Даже пустой желудок перестал урчать, требуя пищи.

Волк завыл, вернее, ему казалось, что завыл. Немошные, скулящие звуки вырывались из сухой глотки, и были они похожи на щенячье потягивание. Человек даже не обернулся. Старый волк сделал несколько неверных шагов за границу света, слышался хруст веток и шорох сухого багульника, способный разбудить весь берег. Человек не двигался. Раскачиваясь и с трудом удерживая голову, волк вышел к костру и лёг среди запаха дыма, железа и человеческого пота. Он положил голову на скрещенные лапы, наблюдая за тем, как человек наконец поворачивается, в упор смотрит на него, разводит руками, но даже ножа, даже камня нет в этих руках. Человек что-то сердито говорит двум теням, поднявшимся справа, и вот длинное, невидимое острие несколько раз с поспешностью бьёт насквозь...

– Решма, ты что? Прямо волку в пасть заглядывал? – сказал длинноротый голоногий человек в свалившейся козьей дохе, ещё несколько раз всаживая в бездыханное тело зверя кинжал с хрустом, с брызгами. – Клянусь Белым Филином, ты полоумный, Решма.

– Зачем ты его убил, Палек? Он пришёл к нам. Зверь пришёл к огню, это был знак, – ответил Решма голосом гортанным и гулким, пронизывающим до дрожи.

Он произносил лютицкие слова на алеманнский лад, резко, проглатывая шипящие звуки, хотя на алеманна не был похож. Был он высокий, жилистый, резкий в движениях, без бороды и усов, стриженный коротко, по-ромейски, с широко посаженными круглыми глазами, которые, казалось, целиком состояли из зелёных зрачков. Длинный горбатый нос его начинался между бровями, высокий лоб весь в буграх и венах, приплюснутые уши без мочки и обычно завернутого края плотно прижимались к черепу. Неприятно поражал на лице маленький рот – щель. Под ним массивный, неподвижный подбородок. На фоне костра резко обозначились его чрезмерно длинные руки с узкими ладонями, покатые плечи и мощные ноги.

– Зверь есть зверь, – пробормотал Палек, вытирая нож ладонью. – Правда, Ждых?

– Не знаю, – ответил второй лютич, придерживая правую руку, обернутую сухим листом лопуха и тряпкой. – Глаза были как у человека у этого волка. Оборотень, наверное. А может,

он из тех, кто не съедает, а выкармливает человеческого детёныша, когда того бросают в лесу в голодный год.

Ждых и Палек склонились над волком, обсуждая пригодность его шкуры для одежды, его зубов для ожерелья и мяса для еды, а Решма обошёл костёр и остановился рядом с кучкой хвороста.

Тут мешком лежало тело, связанное по рукам и ногам, с кляпом во рту, трусливо моргающее маленькими глазками.

– Не спится? – с издёвкой спросил Решма, легонько пнув тело ногой. Затем он вытащил и брезгливо выбросил кляп – облюнованный комок сосновой коры. – Что заворочался, ручонки затекли? Говорить будешь?

– Отпусти, чужеземец, все скажу. Отпусти, – отозвалось тело по-фризски.

– Хорошо. Хочешь рыбной похлёбки с пшеном? – Решма сказал это как хозяин корчмы, расхваливающий свои харчи. – Только говори правду. Я ведь не враг тебе. Я отпущу тебя, клянусь всеми богами. Эй, Палек, Ждых, тащите его к огню и развяжите руки. Только руки.

Лютича приволокли к костру, развязали, зло ругая свои же замысловатые узлы, усадили рядом с трупом волка, всучили в трясущиеся пальцы деревянную лоханку с дымящимся варевом.

Решма сел рядом, скрестив ноги, и огляделся. Его окружали молодой ельник вперемешку со старыми сухими ивами, туман, дым, зарево близких становищ, холодная земля, покрытая клочками прошлогодней травы и жёлтой хвоей, чёрная река и чёрное небо без звёзд. Он брезгливо посмотрел на почтительно затихших неподалеку лютичей, затем на фриза, воняющего собственными испражнениями и ловящего пальцами куски сала в лохани.

– Ну! – Решма вынул из складок шёлкового балахона маленькую, квадратную монету с отверстием посередине и взвесил на ладони. – Это золотая монета Срединного царства. Откуда ты её взял?

– Я никогда не видел таких, – глотая похлёбку через край и давясь, поспешил ответить фриз.

– Один кожевенник из Эливгара сказал, что он выиграл эту монету в кости у фриза из Шванганга по имени Юхо – Рябой. Мне очень нужно знать, откуда она у тебя. Иначе мои подручные не стали бы выкрадывать тебя из объятий продажной женщины и волочить на себе, бить, морить голодом и жаждой. – Решма поднёс монету к глазам, разглядывая фриза через дырочку. – Нехорошо, Юхо, меня обманывать.

– Он всё врёт, этот кожевенник. Там был ещё один человек. Он и расплатился этими монетами. Спросите у него, мой господин. – Фриз съежился.

– Не могу. Они умерли, оба! – с сожалением сказал Решма и резким движением выбил миску из рук фриза. Она несколько раз перевернулась, освобождаясь от остатков похлёбки, и плюхнулась в огонь. – Я буду отрезать от тебя маленькие кусочки и запихивать тебе в рот, а ноги твои будут лежать в костре. Хочешь?

– Нет.

– Говори.

– Я украл монеты у одного богатого авара, на ярмарке в Шванганге, ещё до разлива Одера. С ним было трое телохранителей и десяток рабов-моравов на продажу. Я выслеживал его. Меня в толпе на него толкнул мой помощник, нарочно. Этот авар меня чуть не убил, но я убежал. С его сумкой. Клянусь, так и было.

– Как его звали?

– Не знаю, мой господин.

– Как он выглядел?

– Жёлтый, узкоглазый, безбородый. – Фриз облизнулся, закатил глаза. – На скулах много рубцов от порезов. В парчовом халате. Он как заметит знатного путника, так сразу ведёт к

себе угощать. Беседовать любит. Жена его третья по счёту, те, что были до неё, – умерли. Одна при родах, другую он сам зарезал из ревности. Жена ныне здравствующая злая такая, мужа в клещах держит. Вот он и волочёт гостей.

– Про жён ты хорошо сказал. Но вот авар – жёлтый, скуластый... Авары все так выглядят. Решма кинул монету лютичам, а фриз проводил блеснувшее золото жадным взглядом.

– Ты получишь десять безанов, если поможешь мне.

– Он... У него... На шапке лента. Чёрная. С изображением птицы. Цапли. И на груди серебряная бляха с цаплей. Тяжёлая. – Фриз замолчал и уронил голову, словно сказанное отняло у него последние силы.

– Хорошо. Куда этот авар потом делся?

– Я видел его на пристани. Он грузил в лодку какие-то корзины, а потом ушёл вверх по реке, ещё до половодья. Было много льда, а я отравился старым вином.

– Мне кажется, ты говоришь правду. Кто может подтвердить твои слова?

– Мой помощник, Панодис. Он грек. Бывший раб. У него клеймо на лбу. Я могу указать, где он живёт, мой господин. Только он уже неделю как в Эливгаре. Пока не вернулся. Я правду говорю.

Фриз изловчился, перевернулся и, упав к ногам Решмы, захныкал, ударяя плешивой головой о землю:

– Пощади, великодушный, рабом твоим буду, воровать буду для тебя. Половину, нет, нет, всё буду отдавать, во имя всех богов!

– Панодис? – сам себе сказал Решма, потирая подбородок. – Был, был такой грек с китайскими монетами. Совпадает. Так. Теперь тем более надо идти вверх по реке, к Моравии, к Вуку. – И уже по-лютички сказал отчётливо: – Ждых, убей его и брось в реку. И волка тоже в воду... Воняет. Станный этот волк... Нет, волка разделайте, осмотрите внутренности, и особенно голову. Если найдёте что железное, разбудите меня.

Решма подтянул к себе нагретую костром шкуру, лег на неё спиной к огню и задремал. Лютичи же, несмотря на это, стали кланяться ему, полагая, что щедрый чужеземец даже с закрытыми глазами видит всё, слышит и чувствует.

Когда с Юхо было покончено, тихо, без криков, а от волка осталась только бурая лужа и кусочки мяса, уложенные запекаться в угли, лютичи устроились поодаль от хозяина, в ожидании трапезы.

– Не пойму я, Ждых, этого Решму, – зевнув, заговорил Палек, – мечом крутит как воин, наречия ведаёт как торговец, смотрит и говорит как колдун. И богат, богат, как король, клянусь Белым Филином. А вид у него? Не ромей, не алеманн, не франк, не сириец. Не слышал я о таких. И эти, его попутчики, что остались ждать в Эливгаре. Тоже такие же.

– Это ещё что, – перебил его Ждых. – Есть много земель, много племён. Людей едят, руками режут тело и живут в пещерах под землёй. Много таких. Но эти действительно страннее странного и уже несколько лун как ищут тут что-то... Может, золото? У них и так его полно, королями можно стать. Старых обидчиков? Да кто их обидит? Только уже умершие отважатся или боги. А богов что по лесам искать, боги все на небе. Чудно всё это, Палек.

– Как бы ни было, а нам нужно уходить. Они не оставят живыми никого, с кем имеют дело. Придёт и наш черед.

– А золото? Где ты такую плату найдёшь. Нет, мне нужно остаться. Я выкуплю у Крамна свою Яринку, рабов куплю и уйду осенью к Лабе, подальше от фризов, поморян и аваров. Там полно брошенных селений. Буду там жить.

– Жить? Будешь жить? А знаешь, зачем он послал своего Крерта за лодками? Он хочет нанять лодки, чтобы идти в Моравию. Там смута и вот-вот начнётся большая война. Мы не вернёмся оттуда, Ждых. Нам нужно бежать.

– Тише. Он услышит.

Ждых и Палек перешли на еле различимый шёпот, подкрепляя его жестами и гримасами. Они долго говорили об одном и том же: о странностях их нового хозяина, Решмы; о бесчинствах аваров в Богемии, о затянувшейся весне, о том, что во Франконии аббатам дано право чеканить свою монету и теперь золотой безан уже не тот и золота там всё меньше и меньше, о разливе Одера, потоке в Шванганге, о Крамне, утопленниках, ядах, лесных богах. Ночь застыла вокруг них, не было ветра, не было звёзд и луны, костёр горел и горел, не требуя нового хвороста, лес молчал, река по-прежнему была укутана туманом. Через час дожарилась волчатина, и её стало можно пережёвывать. Стаскивая с берёзовой палочки обугленные кусочки горького мяса и пробуя его на вкус, Ждых никак не мог отделаться от железного вкуса во рту.

– А что хотел сказать Решма, когда приказал искать в голове волка железный предмет?

– Не знаю, – ответил Палек, чавкая и роняя слюни на волосатую грудь. – Может, он охотился давно в этих местах, ранил волка стрелой и теперь искал наконечник. Знаешь, Ждых, у него там, в котомке, хлеб был просяной. С пшёнными отрубями. Возьми-ка. А?

Ждых свёл глаза к переносице, сдвинул брови, сморщил узкий лоб и, проявляя крайнюю степень мыслительного напряжения, даже перестал жевать:

– Было б неплохо, клянусь Филином.

– Ну?

– А если проснётся?

– Скажешь, что ошибся котомками спросонья. Думал, твоя. Заодно поглядим, что он там держит. Давай. Если кто пойдёт или он проснётся, я чихну.

Ждых воткнул в землю палочку с недоеденным жарким и на четвереньках пополз вокруг костра, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к дыханию Решмы. Когда Ждых, прижимая к груди свою повреждённую руку, добрался до желанной цели и шнур на котомке разъехался в стороны, обнажая свёрточки, непонятные, некрасивые, ненужные, но тяжёлые предметы, похожие на закопчённые железные заготовки со множеством выпуклостей и крошечных символов, Палек три раза громко чихнул, но даже без этого сигнала было понятно, что к костру кто-то приближался из темноты. Трещали ветки, слышался тихий говор, донёсся запах чеснока и пота. Ждых быстро отполз от вещей Решмы, и они вместе с Палеком вооружились дубинами.

– Нет там хлеба, – шепнул Ждых.

– Нет? Ты хорошо смотрел?

– Железные пластины там, палки. Вроде весовых гирь. Может, под ними...

Решма уже стоял на ногах.

– Кто идёт? – громко спросил он по-лютички.

– Это я, Крерт, – так же по-лютички ответила темнота. – И я не один...

К костру вышел высокий человек в бесформенном плаще из грубой шерсти, закрывающем всю фигуру просторный капюшон был накинута на самый нос, оставляя видимым лишь плотно сжатые губы и маленький, покатым подбородок. За ним вышли остальные. Их было пятеро: заросшие бородами, длинноволосые, в добротных холщовых рубахах, в таких же просторных штанах, которые ниже колен были перетянуты ремешками крест-накрест, держащими на ступнях сандалии из толстой кожи. Все имели вид сонный и сытый. Они бросали по сторонам нарочито безразличные взгляды, а у самих за поясами сверкали длинные ножи. Никакой ноши за плечами или в руках у них не было, словно незнакомцы мгновение назад поднялись из-за трапезного стола.

– Это Лоуда, Лас, Дежек, Ходомир и Ловик, – сказал Крерт, поочередно тыча пальцем в лютичей, – они все братья. Живут в Речетке. Ходят вверх и вниз по реке. Возят товар, торговцев и вообще всех, кто платит.

Братья сели у костра, сделали по глотку из тыквенной фляги, поданной Ждыхом. Лица, подсвеченные пламенем, были похожи на маски. Решма, глядя в землю перед собой, сказал:

– Я чувствую, вы люди смелые, раз решились идти ночью с чужеземцем, похожим на палача. – Решма кивнул в сторону Крерта. – Чинно сидите, пьёте брагу. Да хранят вас боги. Нам такие люди нужны.

– Хозяин хочет сказать, что он надеется, что вы не привели за собой тех, кто прячется в кустах, – добавил Ждых, – и что вы не будете очень любопытны.

Лютичи закивали, а один из них, тот, которого Крерт назвал Лоудой, ответил:

– Перевозчику всё равно, кого и куда он везёт. Главное, чтоб плата равнялась затраченному пути и ценности груза. Крерт по дороге нам сказал, что вас будет десять человек и немного груза и что вы идёте вверх по реке к устью Верты и дальше в Гожев. Мы хотим по золотому триенсу за человека. Поклажа не в счёт. Клянусь Белым Филином, это хорошая цена.

Решма ответил не сразу сначала наклонив голову так, чтоб свет костра не освещал его лицо, и только Крерт понял, что он беззвучно смеётся.

– Да, действительно хорошая цена. Удивляюсь, почему вы ещё не стали королями.

Решма поднял голову, и его глаза стали похожи на изумруды.

– Ты же сказал, лютич, что тебе всё равно, кого и куда везти. Мы не беглые рабы, не сведуны, не преступники. В нашем странствии нет никакой тайны и спешки. Клянусь небом, твоя цена высока, лютич. Выгоднее купить лодки. Даю три триенса. Это полновесный солид Ираклия. И то это только потому, что мы идём несколько дальше, в Костянд, и двое наших попутчиков будут тяжелее обычного. В два раза.

Лютичи переглянулись. Было видно, что они колеблются. Лоуда ссутулился, сморщил лоб и начал тереть ладони, словно скатывая пряжу:

– Торговца сразу видать по хватке, мой господин. Однако идти в Костянд, за которым начинается земля саксов, по левому берегу небезопасно. Там солнце восходит уже из-за отрогов Исполиновых круч, а садится за вершины Рудных гор, там совсем рядом Богемия, король Само, авары, голод, предчувствие большой войны. Клянусь...

– Ну и что, лютич? Тебя это пугает? – Решма подобрал рядом с собой хворостину, потянулся ею к костру, выгреб из огня белый от жара уголь. Уголь начал остывать, став сначала оранжевым, потом красным, потом бордовым, а затем чёрным.

– Потух, – самому себе сказал Решма.

– Хозяин хочет сказать, что он, как этот уголь, всё больше и больше остывает и теряет к вам интерес, – расторопно пояснил Ждых.

– Замолчи, – Решма вскинул на Ждыха недобрый взгляд, – если вы пойдёте туда, в Костянд, и в дороге будете помогать нам, а не только работать вёслами, получите ещё солид Ираклия и на четыре зре рубленого серебра. Это моё последнее слово.

– Хорошо. Мы согласны. Только если лодки будут захвачены разбойниками, вы оплатите их потерю, – после недолгого раздумья ответил Лауда. – Это по закону, – прибавил он в конце солидно.

– Хорошо, – кивнул Решма, вызвав у лютичей вздох облегчения. – Лодки должны быть тут на рассвете. Один из вас останется заложником, чтоб вместе с лодками не пришла вся деревня с ножами и кистенями.

– Я останусь, – вызвался Дежек, самый молодой из лютичей, и протянул Ждыху нож, – мы понимаем.

Лютичи поднялись, попятились почтительно, а Лоуда, перед тем как последовать за братьями, спросил вкрадчиво:

– А те двое, которые будут вдвое тяжелее остальных, кто они?

– Люди. Иди, не зли хозяина. – Ждых замахал на него рукой. – Иди.

Когда треск сучьев и шорох листвы под ногами лютичей стих, а в ночи остался только комариный писк и плеск играющей у берега рыбы, Крерт пересел ближе к Решме, обмякшему, рассеянно гребущему из костра на холодную землю раскалённые угли:

– Не знаю, Решма, как тебе удаётся наводить на них трепет. Вроде огонь изо рта не изрыгаешь, предметы на расстоянии не двигаешь.

– Чуют они. Что-то чувят. Не такие уж они недоумки, как говорит Тантарра. – Решма кивнул в сторону Ждыха и Палека, которые, связав по рукам и ногам Дежека, теперь с ним перешёптывались с видом заговорщиков: – Ты поешь, Крерт. Пшённая похлёбка с салом. Отвратительно, но сытно. И прав был ты насчёт того фриза из Шванганга. Китайскую монету он добыл из сумы авара, который бродил по ярмарке.

Крерт кивнул, поднес к носу миску с остывшей уже похлёбкой, поморщился:

– Отравят они нас, ох отравят.

– Проглоти мелех-нейтрализатор, – пожал плечами Решма.

– Да он кончается уже. – Крерт отхлебнул похлёбку, снова поморщился. – Как будем без него? Тут же одни болезни.

– Ты Тантарре скажи. Он больше всех желает остаться тут. Слюной исходит. Завоеватель. – Решма вздохнул. – А я не могу. Украл – отрубили руку. Не украл, но не нашёл к нужному времени горсть серебра – надели на шею колодку приковали к жернову вместо быка. Оделся в шёлк – ночью перерезали горло или задушили из-за трёх монет. Родилось три дочери – двух продали или отнесли в лес. Чуть что – война. Плуги, сети побросали и давай друг у друга дома жечь и женщин насиловать. Когда все сожгли и опухли от голода, сошлись, напились настойки из грибов и коры – и снова мир, торговля.

– Дикий люд, – согласился Крерт. – Время не подошло.

– При чём тут время? – Решма печально улыбнулся. – Рим, Эллада. Теоремы, сенат, рудники, стихотворцы, акведуки, почта. Рухнуло всё. Рабы остались рабами. А вот господа стали другими: война как средство от скуки. Ничего другого не умеют и не хотят. Базилики строят в подражание, виллы. Да нет, всё не то. Гниль. Раньше боги были героями. Теперь бог стал человеком и захотел, чтоб его убили, вместо того чтобы победить. Ты читал Священное Писание, Крерт?

– Нет. А зачем? – Крерт доел похлёбку, закутался в плащ как в кокон, глаза его слипались.

– Да и мне наплевать. Я просто размышляю. Пойми, Бог сказал, что будут счастливы те, кто слаб духом и телом, те, кто кается в том, что хочет большего, в том, что ест, что убивает, защищаясь, что думает о чужой женщине, что сомневается, что любопытствует, кается в том, что живёт... Так лучше и не рождаться вовсе.

– Да это у них просто закон. Закон так записан... – пробормотал Крерт, засыпая.

– При чём тут закон? Закон есть закон. Сам по себе. Они ненавидят закон, не понимая, что он создан не для порабощения, а для защиты. Ясно ведь: когда сильный убивает слабого и в этом ему нет преграды, слабые рано или поздно соберутся и убьют его или он сам умрёт в созданной им пустыне. Закон даёт возможность жить вместе и сильному и слабому. Равняет их. Чего ещё надо? А в Священном Писании закон такой: слушайся Отца, то есть сильного, кайся ему, сноси его наказания, и он тебя защитит. А потом вечное счастье. Нет, не могу понять, для чего, ожидая этого счастья, жить надо в нечистотах и страхе? Почему нужно оставаться вечно провинившимся ребёнком, почему не стать взрослым... Вообще, как просто остаться ребёнком, немощным, калекой. Тогда не нужно акведуков, динамо, теорем. Всё объяснено, всё предопределено. Вместо того чтоб самому приблизиться к Богу, узнать то, что знает он, уметь то, что умеет он, они наслаждаются своей беспомощностью, терпением и при этом убивают тех, кто думает иначе. Запутанно говорю, но ты понимаешь?

Крерт не ответил. Он уже спал, повалившись на бок. Решма подпёр щеку кулаком, наблюдая, как спящий о чём-то бормочет и шарит рукой в складках плаща. Из задумчивости его вывело восклицание Ждыха, который до этого о чём-то спорил с заложником:

– Так ведь ты из Речетки? Знаешь там ткача Ружу?

– Как не знать.

– А дочь его Яринку?

– Которую Крамн забрал за долг?

Решма с трудом понял, о чём говорят лютичи: Яринка, выкуп, собачьи бои, чесотка, Крамн, поддельные денарии, лживые фриззы, монахи, медведи-шатуны, домовые, холодная весна.

– Ждых, ты зачем шарил в моих вещах? – жёстко спросил Решма, не меняя позы, всё так же глядя на спящего Крерта. – Отвечай, собачий сын.

– Я, это, ошибся, хозяин. – Ждых как сидел, так и упал лбом в землю. – Не убивай, хозяин, ошибся в темноте, думал – моя котомка. Клянусь первородным яйцом Белого Филина!

– Чем? – Решма повернулся к лютичам и сжал пальцами виски, словно нащупывая боль.

Глава 9. Против потока

Река стала другой. Притоки остались позади. Мощная Варата, илистая Шпрая, задумчивый, прозрачный, как горный хрусталь, Нейс. Впереди, в одном дневном переходе, ещё прятался среди холмов шумный Бубр, но уже выплеснул он в Одру всё, что могли отдать ему оттаявшие предгорья Исполиновых гор. Сами горы, покрытые чёрной чешуёй елей и лиственниц, с серо-жёлтыми головами-вершинами, в морщинах расщелин и промоин, сонно взирали на суету долин. Облака боязливо обходили их склоны стороной, со вздохом и недовольным гулом обтекали их ветры, мстительно отрывая песчинки, и только солнце было благосклонно – щадя остатки ледников, украшая скалы прихотливыми тенями, не скупясь на золотые оттенки. По мере того как вершины отдалялись на юго-восток, они становились всё более призрачными и таинственными. Казалось, что горы теперь кончаются где-то бесконечно далеко, на краю земли. Одра поворачивала туда же. Нижняя Фризия, с её песчаными холмами, частоколами гигантских сосен, заболоченными низинами, гранитными валунами, похожими на окаменевшие головы убитых великанов, осталась позади. Уже не стояли на обоих берегах через каждые два-три крика селения под крышами, выложенными мхом, окутанные беспечными дымами. Фриз и лютич не пускали свои лодки наперегонки, чтоб предложить воинам на ладьях ночной улов, смолк гомон и песни на крошечных пристанях, и женщины не выскребали шкуры у самой воды, а дети не гнали на водопой взбудораженных весной волов. Даже зверь, казалось, не смел приблизиться к берегу.

Но поросшие ивами, осинами, хилым орешником и буйным малинником берега, да и сама река не были пустыни. Лодки, большие и малые, долблёные, дощатые, вязанные из соломы и прутьев, обтянутые кожей, плоты из брёвен двигались навстречу. Угрюмые, усталые мужчины, женщины и дети сидели в лодках. Это был исход. Выходили на берег только затем, чтоб согреть пищу, обшарить брошенные селения в поисках съестного или похоронить умерших. И с удивлением смотрели на идущие навстречу ладьи с вооружёнными людьми, опускали глаза и отворачивались в сторону.

– Авары, – говорили они в ответ на расспросы, показывая на юго-восток. Это было похоже на стон, на страшную сагу из одного лишь слова.

Ночью, без труда миновав плавучий город лютичей Калунь и даже не уплатив там требуемую виру, они вошли в пограничную область. Здесь кончалась власть короля Осорика. Здесь, на слиянии Одры и Бубра, стоял последний фризский город Вук. Хотя изначально он принадлежал саксам, а отдан Осорику лишь после недавней войны. Дальше на юго-восток лежала пустынная страна, оставленная несколько лет назад хорватами, которые без видимой причины почти все ушли через восточные перевалы Исполиновых круч в Богемию и там, не поладив с моравами, двинулись ещё дальше, через Карапатские горы к Тисе. Ни лютичи, ни фризы, ни саксы не торопились заселять эту страну, разорённую чередой засух.

Стовову не хотелось смотреть в ту сторону, ему вообще никуда смотреть не хотелось. Его знобило. Хотелось спать после суматошной ночи, а стреляне между тем затеяли ловлю раков. Разогнав с заваленной корягами песчаной отмели чужие лодки, они запалили факелы и, попрыгав в ледяную воду, стали шарить по дну, полагая, что изголодавшиеся за зиму раки наверняка обитают там, где много пищи. А Вишена решил, что стреляне разыскивают обречённое кем-то оружие или ценную вещь, и не посчитал нужным остановиться...

Стрелянам удалось взять несколько сонных раков, мелких, не больше ладони. Но настырный Резняк обнаружил двух гигантских сомов. Отмель огласилась призывными криками, бранью, ударами щитов по воде, треском. Блестели бросаемые остроги, шипели брызги, попадая в пламя факелов, металась тень. Чтобы остановить это безумие, Оре пришлось самому лезть в воду убить одного сома, а второго загнать на глубину, где уже никто, даже стоя по

горло в воде, не мог его зацепить. Но охота получила неожиданное продолжение на берегу. Всё тот же Резняк увидел в прибрежных кустах подраненного оленя. А в это время в пяти сотнях шагах вверх по течению, проходя в лабиринте островков и отмелей, кормчий Гельга услышал шелест днища о песок. Он крикнул Вишене, чтоб тот узнал, почему стреляне не шупают дно. Из темноты от стрелян никто не отозвался. Тогда начали кричать от ладьи к ладье, чтоб стреляне обогнали полтесков и снова встали впереди. И только после того, как с последней ладьи донеслась весть, что стрелян позади нет, войско озадаченно остановилось. Сумятицу внес фриз, пленённый Стововом ещё на Ладогe и за которого никто не хотел платить выкуп. После Хюттена, где выяснилось, что, кроме утопленных князем ладей, у него не было ничего – разве только долги, фриза освободили от пут и отпустили. Но тот упрямился князя довести его до Вука, обещаясь за малую плату предупреждать обо всех местах сбора податей за проход. А когда удалось на полном ходу проскочить лютицкие заставы у Калуни, фриз окончательно осмелел. Он-то и сообщил, что эти островки в излучине Одры называются Копями Эльфа и именно здесь то и дело пропадают люди и лодки...

Разбудив всех, даже тех, кто сидел на вёслах днем, всем миром начали поиски стрелян, предполагая самое худшее. Вишена отказался участвовать в блуждании по мелким проливам в кромешной тьме и предложил дожидаться рассвета. Однако вскоре стреляне нашлись сами – с освежёванным оленем, но это лишь отчасти смягчило ярость князя. В завершение всего одна из ладей полтесков села на мель и снять её удалось только к утру. Утомлённые, с трудом справляясь с течением, на рассвете все двинулись дальше, к Вуку, потихоньку ропща на Стовова, запретившего привал. Теперь же, чувствуя запах дыма близкого города, слыша разнотелосицу его петухов, глядя на серые, сонные лица своих мечников, вразнобой тянувших вёсла, и невозмутимые морды коней, Стовов пытался осознать, был ли всё это сон или это была явь. Он тряхнул головой и, поднявшись, крикнул кормчему:

– Не молчи, Конопа, видишь, вразнобой бьют вёслами!

– И-и-и... Так! И-и-и... Так! – Конопа начал надирать горло, но гребля не стала более слаженной.

– Тоскливо. Тоскливо мне, Хитрок, – сказал князь, наклонив голову и искоса глядя на воеводу полтесков.

Хитрок сидел на досках настила скрестив ноги и положив локти на колени, отчего его ладони казались безвольно висящими под тяжестью вздувшихся жил и золотых перстней. Его длинные рыжие волосы были собраны на шее хвостом, и блестела бронзовая серьга в плоском, без хрящей ухе, вросшем в скулу, без намёка на мочку. Подняв на князя тяжёлый взгляд, полтеск ответил, несколько растягивая шипящие звуки и делая долгие паузы между словами:

– Ржа железо ест, а печаль сердце.

– Ты о чём? – Князь раздражённо махнул рукой, подзывая к себе Полукорма.

– Просто. Ты сказал, я сказал. – Хитрок опустил глаза и застыл в прежней позе.

Князь, уже готовый заговорить с подскочившим Полукормом, застыл на некоторое время, недоумённо теребя бороду, то ли обдумывая сказанное, то ли ожидая объяснений. Наконец он сказал своему мечнику:

– Полукорм, пусть все держатся правого берега. К пристани не подходить, встать выше по течению. В Вук пойдут я и Вишена. Двух ладей хватит, чтоб взять еду и не нагнать на торговцев страху! А то, клянусь хвостом Велеса, торговцы все разбегутся, завидев войско. Особенно наших стрелян кособрюхих. Ступай!

– Щука в море, чтоб карась не дремал, – неожиданно сказал Хитрок и поднялся. – За вино спасибо. Иду на свою ладью. Спать. Нет песни, от которой потом не устаёшь, даже если она хороша.

– Погоди, хочу, чтоб ты пошёл со мной в Вук. – Стовов поспешно положил руку на плечо полтеска. – Хочу, чтоб ты поглядел на Рагдая и Вишену. Зорко. Внимательно. Ты мудр, а мне нужен совет.

– Хорошо. Где зерно, там и мыши...

– Что? Какие мыши?

Там, где Одра и Бубр смешивали свои воды и где недавний паводок размыл илистую почву их берегов, обнажая остатки древних скал, на плоском холме, между оврагом и старым, заболоченным руслом Бубра, лежала каменистая гряда, в которой с трудом угадывались очертания крепостных стен. Необработанные валуны хаотично громоздились один на другой, на высоту в три человеческих роста, и только в одном месте, со стороны Одры, камни были подогнаны друг к другу, образуя низкую арку, служившую воротами. Над аркой была сложена из брёвен высокая башня. На её верхушке, на шесте, висело узкое полотнище, кажущееся чёрным на фоне розовых облаков, а рядом виднелась скрюченная холодным, утренним ветром фигурка дозорного. Вплотную к стене примыкали постройки: бревенчатые дома, вернее, полуземлянки, крытые сухими еловыми ветками и соломой. За стеной, где уровень земли был видимо выше, теснились такие же крыши, окутанные дымами очагов. Всё пространство между стеной и помостами пристаней занимали несуразные, наспех собранные строения: землянки, навесы, шалаши, загон для скота и людей, перевёрнутые лодки, служившие кровом. Земля между ними была вытоптана множеством ног, перемешана с испражнениями людей и скота, помоями, золой костров. Пристани, сложенные из массивных брёвен, городище у стен, река шевелились, двигались множеством людских фигур. К пристани подходили, отходили лодки, от ворот к воротам, пыля, двигались всадники. Промозглый ветерок доносил запахи пережжённого хлеба, дыма, смолы. Это был Вук. Когда сначала ладья варягов, а затем и ладья Стовова гулко ударили грудью в брёвна центральной пристани, весь город, казалось, повернулся к ним, разглядывая незнакомцев внимательно и тревожно. Стовов, Хитрок, Полукорм, Семик и двое из его полтесков сошли на пристань, где уже стояли Вишена, Рагдай, Ацур, Эйнар и ещё трое варягов.

– Ну? – Стовов снял свой пурпурный плащ, пламенем полыхнувший на ветру, оглядел с напускной строгостью соратников, легонько пнул один из больших кувшинов, которые рядами теснились под ногами, выставленные на продажу. Кувшин печально загудел. На звук из-под навеса появился исхудалый человек в драной, льняной рубахе до колен и, потирая ладонью о ладонь, спросил заискивающе, по-саксонски:

– Мой господин желает купить? Совсем дёшево. Лучшие горшки для зерна во всей Саксонии. Даже из Шванганга приходят за ними. Просто все знают...

Гончар говорил и говорил, но гости уже не слушали его. Они плотной группой двинулись по самой кромке пристани, обходя ряды горшков, навстречу двум воинам, медлительным и, кажется, хмельным. Остановившись и дождавшись, пока эти двое, вооружённые только короткими копьями и кистенями, подойдут сами, Стовов упёр руки в бока и хотел что-то прорычать, но его опередил Рагдай:

– Храбрые воины охраняют порядок именем властителя Вука?

– Мы от имени маркграфа Гатеуса пресекаем здесь воровство, – ответил один из воинов, сильно коверкая фризские слова. – И чтоб платили десятую часть от торга. Кто вы?

– Это тот самый, что служил телохранителем императора Ираклия? – Рагдай изобразил удивление. – Клянусь Колесницей Геркулеса, он едва не стал императором сам! Но быть маркграфом тоже неплохо.

– Нет, это другой Гатеус. – Воины маркграфа вдруг перестали казаться хмельными и начали внимательно разглядывать гостей. – Кто вы?

– Мы торговцы из Страйборга, что в Ранрикии. – Рагдай протянул вперёд раскрытую ладонь, и на ней тускло засветилась золотая монета. – Нашего друга в прошлое лето захватили авары. Мы везём выкуп и хорошие рейнские мечи под плащами. Хотим отомстить.

Монета исчезла в кожаном мешочке одного из стражей, а другой, опёршись на копье, сказал, путая фризские и саксонские слова:

– Этих выроdkов, провались они в Крогг, последнее время хорошо потрепал Само Богемский. Венды выбили их из долины Маницы, а ромеи отогнали от Фессалоник. Но вы решили умереть, если лезете в эти углы. Ждите, авары скоро сами придут сюда. Они уже по эту сторону Карапат.

– Да не может быть, чтоб аваров выбили из Маницы! – недоверчиво махнул рукой Рагдай, и голос его чуть заметно дрогнул. – Врут!

– Крозек, здешний чеканщик, бежал от них из рабства, – сказал другой воин и, уже повернувшись к Рагдаю спиной, добавил: – Принёс из плена свои отрезанные уши и клеймо на лбу.

– Что ты побелел? – Стовов потряс Рагдаю за плечо, когда стражи скрылись за развешанными неподалёку цветастыми полотнищами, рядом с которыми пританцовывал от нетерпения носатый грек. – Что они сказали тебе?

– Сказали, что авары теперь в верховьях Одры.

Рагдай посторонился, пропуская вперёд Хитрока с полтесками.

– Ну и что? – не понял Стовов. – Какая разница? Всё одно мы их обойдём стороной. Пошли, нам нужно сторговать овёс для коней. И разузнать, что там, за Бубром.

Рагдай кивнул, сделав незаметный знак Вишене и повременив, пока остальные не скроются среди кулей сырого льна, нагромождений кадок с солью и холмов прошлогоднего сена, тихо сказал конунгу:

– Венды выбили аваров из долины Маницы. Это значит, что место, указанное Эгидием, может быть пусто. Каган не оставил бы там золото.

– Чтoб они все передохли, эти венды. Не сиделось им. Теперь придётся искать самого кагана, – озадачился Вишена. – Где он может быть? Но клянусь всей хитростью Локи, отбить золото у кагана – это всё равно что попытаться отнять сокровища Нейстрии у короля Дагобера. А если он это золото опять где-нибудь спрятал? Всё? Можно возвращаться обратно в Ранрикию?

– Страж мог ошибиться. Нужно найти этого безухого чеканщика. – Рагдай огляделся. – Знаешь, а ведь Стовов до сих пор не спросил меня, куда мы идём. Это на него не похоже. Чувствую, замыслил он что-то. Да и Хитрок отчего-то за нами приглядывает.

– Где? – Конунг встрепенулся, завертел головой.

– Не оборачивайся. Он там, за шалашом. – Вздохнув, Рагдай кивнул. – Пойдём. Нужно найти чеканщика.

Едва они сделали десяток шагов, высматривая Ацура и Эйнара, как попали в облако льстивых, настойчивых уговоров. Греческий торговец выскочил, как из засады, замахал парчовыми платками, шёлковыми лентами, начал совать в руки горшочки с корицей, изображать блаженство, вдыхая щепотку кориандра. Они осмотрели стальные иглы разной длины, флакон для благовоний из персидского хрусталя, кинжал с рукоятью из пожелтевшей слоновой кости, пару серёг: голубоватые жемчужины, чуть больше яблочной косточки, на простом медном крючке. Серьги Вишена взял, легонько ткнув в живот рукояткой меча заголосившего было грека.

– Мы же слушали всё, что он нам говорил, – пояснил он Рагдаю и неожиданно застыл, словно изваяние Тора. – Маргит...

– Маргит? – поднял брови Рагдай. – Не думал, что ты о ней так скоро вспомнишь.

– Да нет, клянусь глазами Хеймдалля, это она! – Вишена сорвался с места, сшиб с ног зазевавшегося торговца и затерялся в дыму.

Рагдай хотел было ринуться за ним, но его кто-то схватил за рукав. Это был всё тот же грек.

– Я Кревис, мой господин. Крамн месяц назад отобрал мою плоскодонку вместе с сотней мер пшеницы. Теперь торгую чем придётся. Клянусь молниями Зевса и ранами Христа, мне нужно собрать всего несколько безанов на новую лодку.

Торговец ростом был Рагдаю по грудь: угловатый в движениях, круглая, красная шапочка то и дело съезжала на затылок, обнажая блестящую лысину в обрамлении седых волос, большой горбатый нос, круглые влажные глаза...

– А, на вот тебе за серьги. – Рагдай сунул Кревису половину затёртой монеты. – Ты давно в Вуке?

– Второй месяц, мой господин. Я и раньше бывал тут, задолго до того, как саксы стали строить стены. – Грек повёл рукой вокруг, по далёкому лесу, покрытому нежной зеленью лопнувших почек, по туманной Одре, по высоким облакам, утратившим розовый оттенок расцвета. – Я знаю тут одну гадалку, хорватку Кайтель. Её предсказания всегда сбываются. Вернее всего, когда она гадает на голове молодого петуха. Желаете ли, господин, узнать судьбу?

– Нет, – ответил Рагдай. – Я хочу найти чеканщика Крозека, который недавно бежал из аварского плена.

– А, знаю, знаю. Только он теперь не чеканщик. Авары изуродовали его и отрезали большой палец на левой руке. Теперь он уже не может работать как прежде. Крозек держит здоровенных бойцовых псов. Я могу проводить к нему, мой господин. – Грек улыбнулся, обнажая дыру вместо передних зубов. – Серебряный эре, и я ваш на весь день. Эй, Гепид!

На зов явился смуглый, чернобородый мужчина в пёстром халате на голое тело.

– Гепид, будешь оберегать товар, пока я не вернусь. Возьми топор. А когда вернутся Плела и Тан, пусть будут с тобой.

– У тебя так много слуг? Бедный торговец? – ухмыльнулся Рагдай, высвобождаясь наконец от цепких пальцев грека.

Кревис опять засуетился, завертел головой, едва не уронив с неё шапочку.

– Нет, мой господин, это всё моя родня с Хиоса. Но нам лучше остаться тут, пока ваш спутник не вернётся. Если мы войдём в малый город, то не скоро его отыщем. Клянусь золотом Гермеса и слезами святой Марии! Плохо, что вы не пошли с остальными. Тут стало много воров, разбойников и монахов. А вы так богато одеты...

– Монахов?

– Да, мой господин. – Разволновавшись, Кревис неожиданно перешёл на греческий. – Я в Кёльне видел даже епископа. Но тут другие монахи. Они не проповедуют веру Христа. Они не спорят, нужно ли пить воду, в которую окунали святые мощи, или нет. Они ходят – слушают и смотрят. Плечистые, ловкие, и, клянусь Гераклом и святым Виктором, у них под рясами длинные кинжалы, а чётки – замаскированные кистени.

– Я видел таких в Константинополе. – Делая вид, что рассказ грека ему безразличен, Рагдай сел на лежащие горкой сёдла грубой работы.

– Мой господин был в столице мира! – в блаженной улыбке расплылся Кревиус и вдруг весь как-то съёжился. Из-за пирамиды корзин возник огорчённый Вишена.

– Волосы, лента, походка, голос, лицо! И пропала! – Вишена в бессилии опустил руки. – Совсем как Маргит! Клянусь кознями Гульвейг. Может, это Ингра ворожит там, в Эйсельвене? Ты ведь сам колдун, Рагдай, скажи, может колдовство настигать так далеко?

– Конечно. Ты несешь её колдовство с собой, конунг, – улыбнулся Рагдай.

– Но она мне ничего не дарила на дорогу! – Варяг похлопал себя по груди, по поясу, задумался и, не дождавшись ответа, вздохнул: – Ах, Маргит, Маргит...

Кревис повёл их через малый город. Если бы не утлые, жалкие жилища, можно было решить, что все эти саксы, полоки, лютичи не плыли ещё вчера верхом на корягах и вязанках

соломы прочь от аваров и пустоши голодного края, а сошлись на торжище или решили основать новое селение. Где-то крутили трещотку, били в бубен с колокольцами, кто-то спал прямо в пыли. Нищие ползали от очага к очагу. Продавали рабов, толпились вокруг танцовщицы, шептались с гадалкой. Наконец, миновав столб с привязанным, вздувшимся, воняющим телом, разбитым камнями и палками, едва не сцепившись с угрюмым всадником, правящим не разбирая дороги, они вышли к самым воротам Вука. Отдали половинку серебряного эре воину с гребнем, в помятом шлеме, прошли под низким каменным сводом по бревенчатому настилу и поднялись на небольшую площадь. Тут было не таклюдно. Вокруг на каменных основаниях лежали срубы домов с окнами-бойницами, без опаски бродили гуси, одетая в шёлк молодая женщина неспешно шла мимо в сопровождении двух служанок. В её ушах, под платком, блестяло золото. В центре стоял каменный крест, вписанный в обруч. Крест был очень старым. Резьба почти полностью стёрлась, лишь на пересечениях обруча и перекладин сохранились рунические символы. У креста стоял Эйнар, подставляя ладони под редкие капли начинающегося дождя.

– Эйнар? – Вишена изумился и начал обходить соратника, пристально его разглядывая.

– Да, клянусь превращениями Локи – это я, – улыбнулся Эйнар. – Ты что на меня так смотришь, змея на мне, что ли?

– Нет, Вишена только что видел призрак Маргит, – сказал подошедший Рагдай. – Он решил, что ты тоже призрак.

– Я? – Эйнар отмахнулся. – Хватит шутить. Я тут тоже видел призрака. Красивого такого, с грудями как горы. И пахло от него гвоздикой. Клянусь чарами Сивы, всё это стоило всего один безан на всю ночь.

– Целый безан! – Неожиданно поняв смысл сказанного, грек задохнулся, устремил руки к небу. – Целый безан!

Не удостоив его взглядом, Эйнар продолжил:

– Пока я говорил с призраком, Стовов с остальными куда-то делся. Я говорю Филтии: «Подожди тут». Сам вдогонку. Не нашёл. Вернулся – Филтии нет. Хорошо хоть монету вперёд ей не отдал.

– Печально, – заключил Рагдай. – Тогда идём с нами.

Они уже хотели двинуться дальше, за греком, всё ещё переживающим о чужом безане, как из щели между домами выскочил возбуждённый Полукорм и побежал к воротам. За ним неслись двое дюжих мужчин, с бородами стриженными по-фризски, с почти открытым подбородком. Вишена и Эйнар схватились за мечи, Рагдай отступил за крест, оттаскивая за собой Кревиса.

– Князь гостит у Гатеуса. Послал меня на ладью за медовухой на чесноке. Хочет похвалиться. Эти мне в помощь! – на бегу крикнул Полукорм, взбивая ногами фонтанчики пыли. – Идите к князю! – добавил он, уже вбежав под арку ворот.

Рагдай за плечи развернул Кревиса к себе лицом, наклонил голову набок.

– Князь у Гатеуса, чего нам ждать?

– Маркграфу Гатеусу лучше не попадаться на глаза, мой господин.

После того как Рагдай перевел варягам сказанное, Вишена отчего-то рассмеялся, а Эйнар загрустил:

– Знал бы, не ушёл от Филтии.

– А ты правда заплатил бы ей целый безан? – Вишена перестал смеяться и подозрительно сощурился.

Эйнар неопределённо пожал плечами.

– Ну, скажи, скажи... – не унимался Вишена.

– Пошли. – Рагдай легонько подтолкнул проводника. Кревис повиновался. Они вступали в лабиринт узких проходов, пропахших мочой и гнилью. Тут, наверное, никогда не было ветра.

Предусмотрительно обойдя стороной двор маркграфа – бесформенное сооружение из крупного кирпича, чем-то отдалённо напоминающее римские дома, они миновали площадку, на которой за ухоженной изгородью стоял мощный дуб, украшенный разноцветными лентами. Потом пролезли по очереди в щель высокой ограды, пробрались через груды сырых горшков под недоуменным взглядом измазанного глиной человека в переднике. Здесь Кревис осмотрелся, прислушался. Со двора, примыкающего валунами к стене, доносился яростный собачий лай, подбадривающие, возбуждённые крики и грохот, будто били палками по медному котлу.

– Хорошо. – Кревис кивнул. – Крозек наверняка тут.

– Я думал, тут должника травят. А тут собачий бой, – сказал Эйнар, заходя на крошечный двор, образованный обычным для Вука домом и примыкающими к нему с двух сторон навесами. На прибывших внимания не обратили. Десятка три мужчин, молодых и старых, оборванных и богато одетых, некоторые в кольчугах, панцирях, некоторые голые по пояс, сидели, стояли, пританцовывали вокруг круглой ямы, шага три в поперечнике.

Справа, под навесом, сидели на привязи несколько собак устрашающего вида и размера. Одна из них, чёрная как смоль, вислоухая, с тупой сморщенной мордой и красными глазами, иногда взлаивала, а сидящий рядом рыжеволосый мальчик сразу подсовывал ей миску, полную до краев. Собака презрительно косила глазом и отворачивалась. Задрав подбородок и расставив локти, Вишена протолкался к яме. Выглядывая из-за его спины, Кревис ткнул пальцем в человека, сидящего на другой стороне:

– Вон он, Крозек – псать.

В этот момент Крозек поднял ладонь, его лицо, всё в мелких шрамах, осветилось хищным взглядом из-под низко надвинутой меховой шапки.

– Во имя Пресвятой Девы Марии и досточтимого маркграфа Гатеуса...

Гомон затих. Прекратился и оглушающий лай. Рагдай заглянул в яму: на ровно утоптанном дне, разделённом на равные части чертой, друг против друга стояли, напрягшись, две крупные собаки, пятнистые, жилистые, истекающие слюной, похожие друг на друга, как отражения. Только кожаные ремни, натянутые тетивами и намотанные на кулаки хозяев, сдерживали их.

– Пошли! – прохрипел Крозек.

Хозяева бросили ремни и начали карабкаться вверх. Тяжёлый воздух дрогнул от восхищённых воплей, хруста трещоток. Собаки сшиблись, опрокинулись обе, вскочили, и тут Крозек рывкнул:

– Всё!

Несколько человек ссыпались в яму и принялись растаскивать собак, другие вскочили с мест, толкаясь и негодуя.

Перекрывая шум, Крозек заорал:

– Лик, пустил пса раньше нужного. Он проиграл!

В руках появились палки и ножи. Кто-то крикнул:

– Крозек и Серт сговорились, бей их!

Крозек медленно поднялся, грузный, нарочито медлительный, из-под козьей накидки замерцали пластины стального панциря. В руках у него появилась шипастая булава.

– Лик пустил пса раньше нужного. Он проиграл. Да? – Наклонившись над ямой, Крозек ощерил беззубую пасть. – Да? Лик?

– Да, – последовал ответ, возникло и пропало бледное, безбородое лицо.

Люд сразу поприших. Одни засопели, вертя на ладонях и пробуя на зуб выигранные монеты, рубленое серебро, другие злобно ворчали. Рагдай сделал знак варягам, чтоб они оставались на месте, а сам с греком выбрался из толпы, обошёл её, отчего-то зябко кутаясь в плащ, и встал за спиной Крозека, всё ещё поигрывающего булавой. Тут двое, по виду лютичи, ощутили его подозрительным взглядом и окликнули Крозека. Тот нехотя повернулся.

– Вот, странник хочет с тобой говорить, о справедливый, – поспешил сказать грек, неимоверно коверкая лютицкие слова.

– Потом, – ответил Крозек, не без интереса рассматривая Рагдаю. – Потом. Я понимаю фризскую речь.

– Он не фриз, – пояснил грек, но Крозек уже отвернулся.

К схватке готовили последнюю сегодня пару собак. Чёрного пса, того, что не желал еды из миски рыжеволосого мальчика, – его все называли Тэк Оборотень, – и другую – суку, с белой грудью, пегими боками в чёрных разводах, будто облитыми смолой, и крошечными, свиными глазами на длинной волчьей морде. Её называли Лаба.

Собаки должны были биться до смерти. Чтобы убедиться, что хозяева не вымазали их ядом, собак облизывали, заглядывали в пасти, в уши, ища молотый перец или возбуждающую мазь из ландыша с горчицей. Также тщательно осматривали кожаные поножи собак, широкие ошейники, утыканные стальными шипами, маленькие наголовники-шапочки, прижимающие уши, наползающие для защиты глаз на самую морду. После этого, краснея, белея, потея, поминая всех богов и всю нечисть, договаривались о величине залога за ту или иную собаку. Один торговец из Калуни, хвастая, что в прошлый раз получил за победу Лабы два триенса, поспорил на безан:

– Лаба. Она победит сегодня, да сдохнут все авары!

Хозяева спустили собак в яму. Кося глазом через плечо, Крозек сказал Рагдаю, одновременно отодвигая кого-то от себя:

– Чего стоишь, чужеземец. Садись. Схватка будет долгой.

Рагдай уселся на самом краю ямы. Солнце на мгновение пробило облака, заблестело на потных лбах, в суженных глазах, на парче и золоте торговцев, на стальных шипах ошейников, в волосах рыжего мальчика, тянущего руки к лоснящимся бокам чёрного пса.

– Тэк! Тэк, прости меня, Тэк! Если бы не умер отец, я не отдал бы тебя!

Солнце померкло. Мальчика оттащили. Крозек прокричал:

– Во имя Пресвятой Девы Марии и досточтимого маркграфа Гатеуса...

Лаба напряглась, её вздувшиеся мышцы готовы были вот-вот разорваться, как и сдерживающий повод. Поднялся наконец и Тэк – устало, безразлично.

– Не знаю. Этот Тэк хоть и матёрый, да своё отжил. Всю жизнь волков и барсуков грыз, – сказал кто-то сзади по-саксонски. – Клянусь Гундобадам, в яме ему не устоять против молодой суки, которую Крозек учил. Да и не сможет он суку тронуть.

– Пошли!!! – голосом, от которого Рагдаю сделалось зябко, рявкнул Крозек.

Лаба прыгнула вперед, как учили, чтоб сразу ошеломить, сбить врага с ног, вырвать из него кусок, другой, третий, заставить ослабеть, подставив своё горло. Рагдаю показалось, что Тэк, прежде чем открыть пасть навстречу врагу, взглянул на небо, а потом попятился. Лаба уже пересекла разделительную черту, а Крозек раскрыл рот для крика «Всё!», но в это мгновение чёрный пес прыгнул. Казалось, клыки собак сшиблись, но это всего лишь звякнули ошейники. Звери миновали друг друга бок о бок, оставив шерсть на шипах, и упали на лапы. Развернулись. Лаба глухо рычала, дёргала обрубком хвоста и истекала белой слюной. Тэк начал пятиться, удивлённо наклонив голову. На этот раз Лаба не прыгала, она приблизилась, стелясь по земле, широко расставив толстые лапы, не обращая внимания на отрывистый, предупреждающий лай врага. Так они обошли почти целый круг.

Наконец Лаба прыгнула.

Отскочила.

Прыгнула снова.

Отскочила.

Поднялась пыль.

На земле появилась кровь.

Собаки сцепились и упали, стараясь ударить друг друга задними лапами. Прежде чем Тэк успел встать, Лаба оказалась на его спине. Тэк поднялся вместе с ней, мотая головой, клацнули челюсти, и клыки разодрали кожу на его скуле. Череду быстрых, проникающих укусов в голову, шею, холку почти оглушила Тэка. Слетела кожаная шапочка, прикрывающая уши и глаза, и ухо было тотчас разодрано пополам. Морду залила кровь, вперемишку со слюной Лабы. Ничего не слыша, почти ничего не видя, Тэк до хруста позвонков повернул голову и схватил свисающую с его спины лапу. Чуть дёрнул, подправляя её клыками к основанию пасти, и, рванувшись всем телом, повалился на другой бок.

Лаба свалилась с него, как мешок, как перепуганный барсук. Однако её шипастый ошейник при падении превратил часть его шкуры в клочья. Лаба билась, извиваясь, задыхаясь от бешенства. Она тянулась, надрывая жилы, но припёршая грудь лапа врага сдерживала её. Тэк Оборотень отчего-то медлил. Оставалось только до конца сомкнуть железные челюсти, раздавить лапу, кость, а затем вырвать горло. А он всё стоял и стоял, ощущая, как кровь, силы уходят из него, как смрадное, жгучее вещество, которым в последнее мгновение были обмазаны шипы чужого ошейника, сжигает его изнутри. Пес стоял и ждал, когда придёт хозяин и заберёт добычу добытого им зверя. Он так и не понял, почему никто не пришёл. Нечто вывернулось из-под него, било, рвало, отдирало клочья мяса, впивалось до костей. Когда не осталось света, запахов, боли, обиды, чёрный пес сомкнул челюсти.

– Всё! Всё! – вскакивая, закричал Крозек. – Лаба взяла! Поднимите! Ты видел? Видел, чужеземец, какая собака?

– Чёрная? – Рагдай отвернулся, чтобы не видеть, как продирается сквозь неистовую толпу рыжеволосый мальчик, как опрокидывается его миска с варевом, но он всё-таки прыгает с ней в яму, его отталкивают, а он проползает под ногами и все суёт и суёт в мёртвую морду эту пустую миску.

– Прости меня, Тэк! Тэ-э-эк!

– Этот Тэк ей ногу перекусил! – закричали из ямы.

– Кончилась боевая собака, – сказал кто-то по-саксонски. – Клянусь Гундобадам, Крозек не будет больше ставить своих пастушьих сук против волкодавов.

– Ножом, ножом ему зубы раздвиньте! Руби, руби голову! – кричали в яме.

Оседала пыль, кто-то хохотал, запел и подавился петух неподалёку. Крозек судорожно пил густое молоко из кувшина с отбитым краем, начался мелкий, редкий дождь, какая-то испуганная женщина вышла на порог дома, прижала руки к груди и снова скрылась в темноте, пропали куда-то грек и варяги.

– Я очень сожалею, Крозек, что потеряна хорошая боевая собака. Да хранят тебя боги. – Рагдай потрогал вдруг занывшие виски. – Мне сказали, что ты был в аварском плену, бежал. Я иду к аварам, чтобы выкупить своего соратника и отомстить. Что ты знаешь?

– Потеряна не только собака, но и два безана залога. – Допив молоко и стряхнув белые капли с бороды, псарь медленно пошёл к дому.

– Я возьму тебе залог, если ты всё расскажешь, – сказал вдогонку Рагдай.

Крозек остановился:

– Я не очень хорошо понимаю по-фризски. Ты сказал, что возместишь мне залог?

– Да, клянусь небом.

– Хорошо.

Крозек на мгновение задумался, потом упёр руки в бока и зычно крикнул:

– Всё. Расходитесь. Герин, Пасек, долг отдам завтра. Чест, гони всех, Лабу прирежь.

– Со мной трое, – сказал Рагдай, разыскав глазами Вишену и Эйнара.

Эйнара, у самых ворот, взбешённо орал грязные ругательства в лицо низкорослому человеку в лосиной шкуре, Вишена придерживал соратника за пояс. Вокруг них суетился грек.

– Вон они.

– Чест, оставь их! – крикнул Крозек, и человек в лосиной шкуре проворно отскочил в сторону. – Идём в дом. Золото с собой?

Пропустив через порог только троих, хозяин зашипел на Кревиса:

– А ты убирайся за ворота, грек.

Рагдай и Эйнар сели на скамью около печи со множеством отверстий и двумя жаровнями. Эйнар, толкнув локтем, почти весело спросил:

– Рагдай, а ты, если бы превратился в пса, смог бы разорвать эту Лабу?

– Я не смог бы превратиться в пса, Эйнар, – ответил Рагдай, наблюдая, как псарь, отодвигая холщовый занавес в дальнем углу, шепчется с испуганной женщиной. Из-за её спины появляются и исчезают несколько детских головок.

– Не таись, Рагдай, – вмешался Вишена, – клянусь коварством Локи, ты ведь колдун. Ты можешь. Помню, как ты обратился в лесу Спирк сначала в волка, а потом, ночью, сразу в десяток медведей.

Со двора послышался собачий визг. Из-за печи, чем-то гроыхая и распространяя запах гнилого тряпья, появилась сторбленная старуха. Ключья её седых волос колыхались, как старая паутина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.